
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

Избрание Анны на престол. - Ограничение самодержавия. - Неудовольствия в духовенстве, генералитете и шляхетстве. - Посольство в Митаву. - Анна соглашается на условия, ей предложенные. - Поведение Ягужинского; его арест. - Мнения о государственном устройстве, подававшиеся в Верховный тайный совет. - Проекты Верховного тайного совета. - Приезд Анны. - Похороны Петра II. - Торжественный въезд Анны в Москву. - Новая форма присяги. - Движения партий. - Восстановление самодержавия. - Вторичная присяга. - Характер новой императрицы. - Уничтожение Верховного тайного совета. - Восстановление Сената в прежнем значении. - Присутствие императрицы в Сенате. - Уничтожение майората. - Учреждение Кадетского корпуса. - Меры относительно правосудия. -хлопоты об Уложении. - Изменение в судопроизводстве. - Разделение Сената на департаменты. - Восстановление должности генерал-прокурора. - Учреждение Судного и Сыскаго приказов. - Восстановление Сибирского приказа. - Распоряжение относительно воеводских злоупотреблений. - Финансовые меры. - Заботы о войске. - Флот. - Вопрос о штатах. - Деятельность Комиссии о коммерции. - Полиция. - Церковь. - Дела на окраинах. - Гонение на Долгоруких. - Бирон, Левенвольд и Остерман. - Увеличение гвардии. - Роскошь при дворе. - Неудовольствия. - Опала Румянцева. - Сильное ожесточение. - Смерть князя Мих. Мих. Голицына и опала князя Васил. Владим. Долгорукого. - Причины торжества иноземцев. - Восстановление Преображенского приказа. - Учреждение Кабинета. - Удаление Ягужинского и Шафирова. - Переезд двора в Петербург. - Внешняя деятельность в три первые года царствования Анны.

Три архиерея, совершавшие елеосвящение над умиравшим государем члены Верховного тайного совета и многие из сенаторов и генералитета находились во дворце во время кончины Петра. Князь Василий Владимирович Долгорукий именем других светских сановников сперва просил архиереев подождать немного, потому что скоро должно начаться совещание об избрании нового государя, но спустя несколько времени явился к ним опять и объявил, что Верховному совету заблагорассудилось назначить собрание в десятом часу утра в палатах Верховного совета, куда приглашаются архиереи и архимандриты - синодальные члены. Архиереи уехали, но светские остались, и началось предварительное совещание о том, кому должен достаться престол. Остермана не было; по его показанию, он находился при теле государя. По другим известиям, когда его приглашали на совещание, то он отказался под тем предлогом, что он иностранец и потому примет общее решение. Князь Алекс. Григ. Долгорукий потребовал престола для дочери своей и показал "некое

письмо, якобы Петра II завет"; но на это письмо не обратили внимания, равно как на предложение об избрании монахини Лопухиной, сделанное неизвестно кем. Прежде, как мы видели, толковали о четырех партиях: цесаревны Елисаветы, царицы-бабки, герцога голштинского и княжны Долгорукой, но ясно, что партий не было; кончина последнего из мужской линии Романовых поразила всех врасплох; притом мы должны осторожно обходиться с известиями иностранцев о партиях в России. Петр Великий, несмотря на все свое старание, не мог в короткое время приучить русских людей действовать сообща, "кумпанствами"; обыкновенно все шли вразброд, личные и фамильные интересы были на первом плане, что и давало возможность сильному человеку захватывать власти больше, чем сколько ему следовало. Иностранцы говорят, что из означенных четырех партий сильнее всех были партии княжны Долгорукой и царицы-бабки, но эти же самые иностранцы говорят, что против Долгоруких было всеобщее нерасположение; кто же мог составлять сильную партию княжны Екатерины? Ясно, что должно разуметь здесь силу не партии, а фамилии; и действительно, если бы в фамилии не было разногласия, если бы все Долгорукие решились действовать так же энергически, как действовали Меншиков и Толстой в 1725 году, то еще можно было бы ожидать успеха; но этой энергии не достало, а с одним "неким письмом" нельзя было ничего сделать. Указывают на силу другой партии - царицы-бабки; это значит, что много людей произносили имя Лопухиной, и понятно почему: многие, застигнутые врасплох страшным событием, не зная, на ком остановиться, хотели поскорее занять праздное место лицом, не могшим долго на нем оставаться, но дававшим время пообдумать, приготовиться; никакой сильной партии не было и здесь. При отсутствии партий, при всеобщем недоумении и нерешительности голос сильного человека решает дело, особенно если он находит решение наиболее удовлетворительное. Теперь это был голос князя Дмитрия Мих. Голицына, который объявил, что дом Петра I пресекается смертью Петра II и справедливость требует перейти к старшей линии царя Иоанна Алексеевича; старшую из дочерей его, царевну Екатерину, трудно выбрать, потому что она замужем за герцогом мекленбургским, тогда как вторая, Анна, герцогиня курляндская, свободна и одарена всеми способностями, нужными для трона. Все закричали: "Так, так, нечего больше рассуждать, мы выбираем Анну!" Тут приглашен был Остерман и с радостью присоединил свой голос.

Почему князь Дмитрий Голицын остановил свой выбор на Анне, это понятно: он смотрел не очень благосклонно на брак Петра Великого с Екатериною и на детей, от этого брака происшедших, притом когда пресеклось мужское колено, то имели право обратиться к старшей женской линии; завещание Екатерины I, устанавливавшее порядок престолонаследия, нельзя было приводить как акт неоспоримый; кроме молодости и отсутствия серьезности в поведении цесаревну Елисавету отстраняли от трона права племянника, сына старшей сестры, герцога голштинского; но малолетство последнего не давало никакого обеспечения, а приезд герцога, отца его, да еще с Бассевичем, никому не

мог быть желателен. Анна слыла женщиною очень умною, отличалась серьезностью поведения, величественною, царственною наружностью; приезжая в Петербург и в Москву из Митавы, всегда с просьбами о помощи, о поддержке, она старалась заискать расположение всех и потому оставляла после себя приятное воспоминание. Старик Бестужев не мог нарушить этой приятности: он был один, его друзья разосланы. Были известны некоторые курляндские отношения, но князь Дмитрий Михайлович уже придумал лекарство от болезней власти - ее ограничение.

Вспомнив судьбу Голицына, мы поймем, каким образом в голове его созрела мысль об ограничении императорской власти. Гордый своими личными достоинствами и еще более гордый своим происхождением, считая себя представителем самой знатной фамилии в государстве, Голицын, как мы видели, постоянно был оскорбляем в этих самых сильных своих чувствах. Его не отдаляли от правительства, но никогда не приближали к источнику власти, никогда не имел он сильного влияния на ход правительственной машины, а что было виною - фаворитизм! Его отбивали от первых мест люди худородные, но умевшие приближаться к источнику власти, угождать, служить лично, к чему Голицын не чувствовал никакой способности. С негодованием смотрел Голицын на брак Петра I с худородною женщиною, около которой сосредоточивались ненавистные выскочки, и должен был преклониться пред этою женщиною, как пред самодержавною государынею. Наконец он дождался счастливого времени: вступил на престол законный наследник, от честного брака рожденный, и какая же награда Голицыну, человеку, сильнее которого, конечно, никто не желал воцарения сына Алексея? Чуть-чуть не опала, и вся власть в руках людей из враждебной фамилии, вся власть в руках двоих Долгоруких, и, как нарочно, самых незначительных из фамилии по личным достоинствам. Долго ли же терпеть? Петр II умирает; Голицын указывает ему преемницу, и все повинуются этому указанию. Как же благодарна будет новая императрица Голицыну, главному виновнику ее избрания? Но Голицын научен горьким опытом: он знает, что сначала будут благодарны, сначала поласкают человека, неспособного быть фаворитом, а потом какой-нибудь сын конюха, русского или курляндского, через фавор оттеснит первого вельможу на задний план. Вельможество самостоятельного значения не имеет; при самодержавном государе значение человека зависит от степени приближения к нему. Надобно же покончить с этим, надобно дать вельможеству самостоятельное значение, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов.

Когда все изъявили свое согласие на избрание Анны, князь Дмитрий начал говорить: "Воля ваша, кого изволите, только надобно нам себе полегчить". "Как себе полегчить?" - спросил кто-то. "Так полегчить, чтоб воли себе прибавить", - отвечал Голицын. Если верить собственному показанию князя Василия Лукича Долгорукого, он возразил: "Хотя и зачнем, да не удержим этого", на что Голицын отвечал: "Правда удержим" - и, видя, что никто не решается произнести своего согласия, продолжал: "Будь воля

ваша, только надобно, написав, послать к ее величеству пункты". После или прежде этого предварительного совещания было, как видно, заседание Верховного тайного совета, где "рассуждено фельдмаршалам князю Михайлу Мих. Голицыну и князю Василию Владимировичу Долгорукому присутствовать в Верховном тайном совете". Таким образом, Совет прежде всего обнаружил свою власть, сам назначив новых своих членов. Это назначение было знаком соединения двух самых сильных фамилий. Об этом соединении, по некоторым известиям, сильно хлопотал в последнее время князь Алексей Долгорукий, чтоб не встречать в Голицыных сопротивления своим замыслам насчет женитьбы государя на своей дочери; но теперь Голицын для проведения своих замыслов нуждался в помощи Долгоруких, и самых лучших из них; для поддержания значения Верховного тайного совета было необходимо, чтоб между его членами находились обе военные знаменитости, принадлежавшие к обеим фамилиям; притом было известно, что князь Василий Владимирович вовсе не жил в ладах с князем Алексеем, а при падении значения последнего и князь Василий Лукич не стал бы ему поддакивать. Обыкновенно число членов Верховного тайного совета в описываемое время полагается восемь, и к известным уже нам семи присоединяют князя Михаила Владимировича Долгорукого, но мы не знаем, когда последовало его назначение.

В этих совещаниях и распоряжениях прошло время до десятого часа, когда в залах дворца собрались Сенат, Синод и генералитет. Члены Верховного тайного совета вышли к собравшимся, и канцлер граф Головкин объявил, что, по мнению Совета, российская корона следует курляндской герцогине, но требуется согласие всего отечества в лице собравшихся чинов. Согласие последовало полное, и Феофан Прокопович изъявил желание духовенства немедленно отслужить благодарственный молебен в Успенском соборе; но при этом столь естественном предложении верховники (как называли членов Совета) смутились и отвечали, что надобно еще подождать с молебном.

Между тем Голицын все хлопотал с *пунктами*, видя, что многие из генералитета уже расходятся, он вошел и сказал: "Надобно их воротить, чтоб не было от них чего". И воротили Дмитриева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинского и некоторых других; Голицын говорил им: "Станем писать пункты, чтоб не быть самодержавствию".

Написали сперва письмо от Верховного тайного совета к новоизбранной императрице: "Премилостивейшая государыня! С горьким соболезнованием нашим вашему императорскому величеству Верховный тайный совет доносит, что сего настоящего году января 18, пополуночи в первом часу, вашего любезнейшего племянника, а нашего всемилостивейшего государя, его императорского величества Петра II не стало, и как мы, так и духовного и всякого чина свецкие люди того ж времени заблагорассудили российский престол вручить вашему императорскому величеству, а каким образом вашему величеству

правительство иметь, тому сочинили кондиции, которые к вашему величеству отправили из собрания своего с действительным тайным советником князем Васильем Лукичом Долгоруким да сенатором тайным советником князь Михайлом Михайловичем Голицыным и с генерал-маеором Леонтьевым и всепокорно просим оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды, в Москву, ехать и российский престол и правительство воспрять. 19 января 1730". Кондиции, которые должна была подписать Анна, были написаны в такой форме: "Чрез сие накрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и крайнем и всевозможном распространении православныя нашея веры греческого исповедания; такожде по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять; еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия: 1) ни с кем войны не всчинать; 2) миру не заключать; 3) верных наших подданных никакими податями не отягощать; 4) в знатные чины, как в стацкие, так и в военные сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета; 5) у шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) в придворные чины как русских, так и иноземцев не производить; 8) государственные доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать; а буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской". Под письмом подписались: канцлер граф Головкин, князь Михайла Голицын, князь В. Долгорукий, князь Дмитрий Голицын, князь Алексей Долгорукий, Андрей Остерман.

Как только узнали о новости, затеянной в Верховном тайном совете, сильное волнение и неудовольствие обнаружилось в высших слоях общества. Вместо одного государя - восемь. Россия должна потерять всякое значение, снизойти на степень Польши и Швеции, где иностранные державы приобретают влияние деньгами, которые они раздадут членам ограничивающих королевскую власть учреждений. Россия, Австрия и Пруссия постоянно договариваются, чтоб в Польше сохранялся существующий порядок, т. е. чтоб Польша оставалась постоянно слабою; а теперь в России хотят заводить подобный порядок! Все гарантии для осьми, а против осьми для остальных где гарантии? И кто эти восемь? Четверо Долгоруких и двое Голицыных, остальные - Головкин и Остерман. Шестеро принадлежали к двум знатным фамилиям, двое - к людям, выдвинувшимся в эпоху преобразования; нет никакого равновесия между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великого. Сначала восторжествовала вторая восшествием на престол Екатерины, и мы видели, как это торжество выразилось в составе Верховного тайного совета, где один Голицын был из древнего знатного рода. Измена Меншикова своей

стороне, ссылка Толстова, ссылка Меншикова, смерть Апраксина, господство Долгоруких переменяли отношения, и птенцам Петровым, оставшимся в таком меньшинстве, стало страшно среди Голицыных и Долгоруких; они не могли спокойно и радостно принять новое величие, осенившее верховников, вовсе не обеспеченных в том, долго ли они останутся верховниками, долго ли старинные князья, потомки Рюрика и Гедимины, позволят заседать с собою ненавистным выскочкам. Таким образом, среди самого Верховного совета были люди, не сочувствовавшие новости. Взгляд этих людей разделяли другие дети преобразования, и в челе их первый архиерей и первая знаменитость в духовенстве по талантам и учености преосвященный новгородский Феофан Прокопович.

Феофан вздохнул свободно после падения Меншикова; но еще свободнее вздохнул он, когда по смерти сына Алексеева избрана была герцогиня курляндская, не имевшая никакого отношения к его предшествовавшей деятельности. Но вот страшная новость, что новая императрица не будет иметь никакой власти; вся власть будет в руках людей, от которых Прокоповичу нечего ждать добра, которые смотрят на него как на еретика и рабского исполнителя повелений деспота. Андрей Иванович Остерман не может удержаться при таком порядке, и тогда придется проиграть дело с Георгием Дашковым. У Феофана есть друзья и почитатели, истые дети преобразования, преданные науке, обожающие преобразователя, считающие его непогрешительным и не терпящие никакой реакции его направлению; они убеждены в необходимости самодержавия для России, они требуют стройности, порядка, единства и силы в государственном управлении. Таков князь Антиох Кантемир, второй сын приютившегося в России молдавского господаря; таков уже известный нам Василий Никитич Татищев. Как смотрели на дело люди, видные по своим талантам, люди из шляхетства и генералитета, но не из первых фамилий, видно из письма казанского губернатора Волынского: "Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтоб быть у нас республике. Я zelo в том сумнителен. Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без разборов не будет, и так один будет миловать, а другие, на того яряся, вредить и губить станут. Второе, понеже народ наш наполнен трусостию и похлебством, и для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради. Итак, хотя бы и вольные всего общества голоса требованы в правление дел были, однако ж бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно; а кто будет правду говорить, те пропадать станут, понеже уже все советы тайны быть не могут. К тому же главные для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше партизанов, и в чьей партии будет больше голосов, тот, что захочет, то и станет делать, и кого захотят, того выводить и производить станут, а бессильный, хотя б и

достойный был, всегда назади оставаться будет. Третье, не допусти, боже, если война на нас будет, и в то время потребно расположить будет обществом или рекрутский набор, или прочий какой сбор для пользы и обороны государства, для того надлежит тогда всякому понести самому на себе для общей пользы некоторую тягость, в том голосов сообразить никак невозможно будет, и, что надобно сделать и расположить в неделю, того в полгода или в год не сделают; а что и положено будет, то будет на главных всегда в доимках, и мы, средние, одни будем оставаться в платежах и во всех тягостях. Четвертое, если офицеры перед штатскими не будут иметь лишнего почтения и воздаяния, то и последняя пропадет у тех к военной службе охота, понеже страха над ними такова, какой был, чаю, не будет. Еще же слышно, что делается воля к службе, и правда, что в неволе служить зело тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюб, и для того если некоторого принуждения не будет, то, конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме, разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и в тое чести надлежащие места отдавать им, и таких на свою шею насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет, и весь воинский порядок у себя, конечно, потеряем. Притом же под властью таких командиров, боже сохрани, так испотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут. И как можно команду содержать или от каких шалостей унять одному генералитету, если в полках не будет добрых офицеров? Еще же и то: ежели из армии из рядовых выпущено будет подлое шляхетство, то уже им трудами своими от земли питать себя не привыкнуть, для того разве редкий будет получать хлеб свой от своих трудов, а прочие, большая часть, разбоями и грабежами прибылей себе искать станут и воровские пристани у себя в домах держать будут, а для того хотя б и выпускать, однако ж, по моему мнению, разве с таким рассмотрением, чтоб за кем было 50 и по последней мере 30 дворов, да и то, чтоб он несколько лет выслужил и молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не на своей воле прожил".

Движение идет сильное: Сенат, генералитет, знатнейшее шляхетство недовольны. Насчитывают человек 500, которые волнуются, собираются, кричат против верховников. Но эта масса без вождя; она уже делится на два стана: одни хотят употребить смелую, решительную меру - напасть внезапно на верховников с оружием в руках, и если они не захотят отстать от своих замыслов, то перебить их; другие против такой насильственной меры: они хотят войти спокойно в собрание Совета и представить верховникам, что затеи их не тайны, что немногим переделывать состав государства преступно: если бы даже они придумали и что-нибудь очень полезное, то нельзя этого скрывать. Первая мера оказывается слишком сильною, вторая - слишком слабою; третьей не придумывают, спорят; одни хотят удержать прежнюю форму правления непременно, другие готовы и переменить, сердятся на верховников только за то, зачем они взяли все

себе, с другими не поделились. Верховники знают обо всем: между пятьюстами человек не без предателей, да и вообще трудно удержать тайну в таком множестве; верховники знают и действуют угрозами и увещаниями, распускают слухи, что мятежные сборища им известны, что беспокойные головы, их составляющие, уже отмечены, судятся как враги отечества и скоро будут перехватаны; что напрасно надеются они на свое множество: войско в руках Верховного совета, между членами которого находятся оба фельдмаршала; напрасно надеются, что можно будет укрыться от беды: стоит только схватить несколько человек, и те на пытках укажут всех своих товарищей. Угрозы произвели свое действие: многие, особенно те, которые не могли надеяться на сильную поддержку, испугались до того, что боялись жить в своих домах, переходили по ночам с места на место переодетые, под чужими именами. Напугать людей незначительных было легко, но этим цель не достигалась: сильные не трусили, и неудовольствие их получит особенное значение, когда придет императрица и захочет опереться на них, чтоб высвободиться из-под опеки Верховного тайного совета. В отношении к этим сильным надобно действовать иначе, не угрозами, а ласкою, надобно соединить их интересы со своими. И вот верховники призывают к себе значительнейших противников, принимают с распростертыми объятиями, клянутся, что начали дело не в собственных интересах, жалуются, что напрасно обвиняют их в утайке этого дела от общего сведения: прежде всего они хотели узнать, как взглянет на это новая государыня, а как скоро она согласится, то Верховный тайный совет намерен созвать все чины и просить у них совета, как с наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управление. Некоторые заподозрили искренность верховников, но другие, и большая часть, решились спокойно дожидаться ответа из Митавы и призыва к совещанию о новых правительственных формах.

Второго февраля повестка от Верховного тайного совета: просят на другой день членов Сената, Синода и генералитета пожаловать в собрание, зачем - неизвестно; посланные говорят, что будет рассуждаться о государственном установлении. Большая часть приглашенных поверили этому показанию; другие, не отличавшиеся храбростию, начали говорить, что не надобно ехать: тут новая хитрость верховников - или силою заставят принять свой план, или вдруг захватят противников. Верховники и слуги их очень веселы - дурной знак! Говорят, что из Митавы пришло какое-то известие: должно быть, желание верховников исполнилось.

3 февраля чины собрались; вошли верховники, пригласили к молчанию и велели читать письмо императрицы. "Хотя я рассуждала, - писала Анна, - как тяжело есть правление толь великой и славной монархии, однако же, повинуюсь божеской воле и прося его, создателя, помощи, к тому ж не хотя оставить отечества моего и верных наших подданных, намерилась принять державу и правительствовать, елико бог мне поможет, так, чтобы все наши подданные, как мирские, так и духовные, могли быть довольны. А понеже

к тому моему намерению потребны благие советы, как и во всех государствах чинится, того для пред вступлением моим на российский престол, по здравом рассуждении, изобрели мы за потребно, для пользы Российского государства и к удовольствованию верных наших подданных, дабы всяк мог ясно видеть горячность и правое наше намерение, которое мы имеем к отечеству нашему и верным нашим подданным, и для того, елико время нас допустило, написав, какими способы мы то правление вести хотим, и подписав нашею рукою, послали в тайный Верховный совет, а сами сего месяца в 29 день, конечно, из Митавы к Москве для вступления на престол пойдём. Дано в Митаве 28 января 1730 года". Вслед за этим письмом прочтены были известные пункты, подписанные Анною: "По сему обещаю все без всякого изъятия содержать".

Пусть Феофан Прокопович на своем оригинальном языке расскажет нам о впечатлении, произвели ином чтением этих бумаг: "Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, таковая слушав, не содрогнулся, и сами тин, которые всегда великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики; шептания некая во множеству оном прошумливали, а с негодованием откликнуться никто не посмел. И нельзя было не бояться, понеже в палате оной, по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всех молчание! Сами господа верховные тихо нечто один другим пошептывали и, остро глазами посматривая, притворяясь, будто бы и они, яко неведомой себе и нечаянной вещи, удивляются. Один из них только, князь Дмитрий Михайлович Голицын, часто похаркивал: "Видите-де, как милостива государыня! И какого мы от нее надеялись, таковое она показала отечеству нашему благодеяние! Бог ее подвигнул к писанию сему: отселе счастливая и цветущая Россия будет!" Сия и сим подобная до сытости повторял. Но понеже упорно все молчали и только один он кричал, нарекать стал: "Для чего никто ни единого слова не проговорит? Изволил бы сказать, кто что думает, хотя и нет-де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государыне!" И когда некто из кучи тихим голосом с великою трудностью промолвил: "Не ведаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государыне так писать?", то на его слова ни от кого ответа не было". Слова, выразившие неудовольствие, исчезли в толпе, и присутствующие стали подписывать протокол, в котором говорилось, что "Верховный тайный совет, св. Синод, Сенат, генералитет и прочие тех рангов, выслушав за такую ее императорского величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущего бога и все согласно объявили, что тою милостию весьма довольны и подписуемся своими руками". Первая подпись - Феофана Прокоповича, потом Георгия ростовского, Игнатия коломенского, Сильвестра казанского, Гавриила рязанского, Леонида крутицкого, Иоакима переяславского, графа Ивана Мусина-Пушкина, князя Ивана Трубецкого, князя Михаила Долгорукого, *енарала* Матюшкина и т. д.; всего подписей с пятьсот. Но при этом князь Алексей Михайлович Черкасский потребовал на словах, чтоб ему и другим позволено было подать мнения о новом государственном

устройстве. Верховники согласились, исполняя этим свое прежнее обещание. Им нельзя было раздражать людей, которые согласились с ними в основании дела и не соглашались только относительно подробностей; но они хотели показать пример строгости над человеком, который решился пойти прямо наперекор основанию их дела: в самом собрании 3 февраля был арестован Ягужинский.

Между показаниями князей Долгоруких находятся любопытные известия о поведении Ягужинского во время избрания Анны 19 января. После того как Верховный тайный совет объявил Синоду, Сенату и генералитету об этом избрании и все согласились на него, Ягужинский подошел к князю Василию Лукичу и стал говорить ему: "Батюшки мои! Прибавьте нам как можно воли!" Князь Василий отвечал ему: "Говорено уж о том было". Князь Сергей Григорьевич Долгорукий показывал, что Ягужинский и ему в то же время говорил: "Мне с миром беда не убыток: долго ли нам будет терпеть, что нам головы секут? Теперь время думать, чтоб самовластия не быть". Князь Сергей отвечал ему: "Не мое это дело". Мы видели также, что Ягужинский был из числа тех немногих вельмож, которые по распоряжению князя Димитрия Голицына были возвращены в залу собрания для написания пунктов. Мы не знаем, как вел себя при этом случае Ягужинский, только видим, что он немедленно же переменил свои мысли: решимость верховников сосредоточить всю власть в одних своих руках; невыбор Ягужинского, бывшего генерал-прокурора, в члены Верховного совета, несмотря на ревность, высказанную им к делу, задуманному верховниками; пополнение Совета только из двух фамилий - Голицыных и Долгоруких, показывавшее аристократическое стремление и лишавшее людей новых надежды получить когда-либо в нем место; опасность, которая начала вследствие этого грозить и Головкину, тестю Ягужинского, - все это могло повлиять на перемену мнений последнего и заставить его решительнее всех действовать в противоположном смысле. Несмотря на заставы, расположенные около Москвы, на удержание почт, чтоб никто не мог проехать в Митаву прежде посланной туда от Верховного совета депутации, отправленный Ягужинским Петр Спиридонович Сумароков успел пробраться туда и передать Анне от Ягужинского, что "ежели изволит его послушать, чтоб не всему верить, что станут представлять князь Василий Лукич Долгорукий и которые с ним посланы, до того времени, пока сама изволит прибыть в Москву. Ежели князь Василий Лукич по тем пунктам принуждать будет подписываться, чтоб ее величество просила от всех посланных трех персон такого письма за подписанием рук их, что они от всего народа оное привезли, ежели скажут, что с согласия народа; а ежели письма дать не похотят, то б объявила, что ее величество оное учинит по воле их, только когда она прибудет к Москве, чтоб оное так было, как представляют". Ягужинский велел также сказать Анне, чтоб была благонадежна, что они все желают прибытия ее в Москву. Князь Василий Лукич с товарищами, узнав, что Сумароков в Митаве, велели схватить его, допросили и допросные его речи и его самого в оковах отправили с генералом Леонтьевым, который повез

письмо Анны и подписанные ею пункты в Москву. Вследствие этого верховники схватили Ягужинского и других, которые знали о поездке Сумарокова: но одного из знавших о поездке Сумарокова, именно Воина Корсакова, не нашли в Москве: он отправился в свои новгородские деревни: это обстоятельство очень обеспокоило верховников, которые тотчас же отправили нарочного к новгородскому губернатору, чтоб велел схватить Корсакова и держать под крепким караулом.

Обрадованные согласием Анны на пункты и в то же время озабоченные делом Ягужинского, верховники забыли о деле чрезвычайной важности: 3 февраля, после того как объявлено было о согласии Анны принять престол и об известной милости ее к верным подданным, синодальные члены стали говорить, что теперь уже не для чего более откладывать благодарственное молебствие: никто не возражал, и в Успенском соборе был отслужен молебен, причем протоиерей провозгласил Анну по прежней форме, самодержицею. Верховники спохватились, но уже было поздно: с этим же титулом Синод в тот же день разослал извещения по епархиям. Чтоб не было разногласия, положили оставить пока по-старому до присяги, которую отложили. 4 февраля Верховный тайный совет издал манифест об избрании Анны и что она согласилась принять престол и находится на дороге к Москве; манифест оканчивался словами: "А как ее императорское величество к Москве прибудет, тогда о приводе к присяге от ее императорского величества указы выданы будут впредь немедленно". 5 февраля издан был указ, что новая императрица будет иметь такой же титул, как и покойная императрица Екатерина. Дело это, однако, сильно беспокоило верховников. 7 февраля в заседании Совета рассмотрен был манифест печатный, и рассуждал князь Василий Владимирович Долгорукий, чтоб "в оный внести кондиции и письмо ее величества, чтоб народ ведал ради соблазну". Головкин и оба Голицыны говорили: "Чтоб о кондициях объявление тогда учинить, когда ее императорское величество прибудет, от ее лица, для того чтоб народ не сомневался, что выданы от Верховного тайного совета, а не от ее величества; а когда приедет ее величество, тогда от своего лица ту свою милость объявить изволят". Остерман согласился с ними; но князь Алексей Григорьевич Долгорукий объявил, что "в Москве всемерно надлежит публиковать кондиции, чтоб иначе их не толковали".

Между тем в Верховный тайный совет начали подаваться мнения, и все они требовали увеличения числа членов Верховного тайного совета вообще и уменьшения числа членов из одной фамилии, следовательно, все посягали на настоящий состав Совета. Под одним мнением подписались: один полный генерал, один генерал-лейтенант, статских того ранга - четыре, генерал-майоров - пять, статских того ранга - четыре, итого - 15 человек. Мнение состояло в следующем: 1) к Верховному тайному совету, к настоящим персонам, мнится, прибавить, чтоб с прежними было от 12 до 15; 2) ныне в прибавок и впредь на вакансии в Верховный тайный совет выбирать обществом, генералитету военному и статскому и шляхетству на

одну персону по три кандидата, из которых одного выбрать предоставляется Верховному тайному совету; 3) или, выбрав в Верховном тайном совете трех персон и из тех трех персон баллотировать (балантировать) генералитету военному и статскому и шляхетству не меньше 70 персон, в котором бы числе одной фамилии более двух персон не было; а которые будут выбираться в кандидаты, тем бы не баллотировать, а для баллотирования выбрать бы других таким же образом, только б было не менее вышеозначенного числа. Под вторым мнением подписались: генерал-лейтенанта - 3, статских того ранга - 4, генерал-майоров - 9, статских и придворных того ранга - 13, обер-прокурор Синода, всего - 30 человек. В мнении говорилось: 1) вначале учредить вышнее правительство из 21 персоны; 2) дабы оное множеством дел не отягчить, того ради для отправления прочих дел учинить Сенат в 11 персонах: 3) в вышнее правительство, и в Сенат, и в губернаторы, и в президенты коллегий кандидатов выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству, а в кандидаты более одной персоны из одной фамилии не выбирать, также и при баллотировании более двух персон из одной фамилии не быть, а при баллотировании быть не меньше 100 персон; 4) в вышнем правительстве и в Сенате впредь, кроме обращающихся ныне в Верховном тайном совете, более двух персон из одной фамилии не быть, считая в обоих, как в вышнем правительстве, так и в Сенате. В третьем мнении, графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина, также говорилось, что число членов в государственном Правлении должно быть увеличено и должны быть они выбраны общим советом и между ними не должно быть более двух персон из одного рода. При этом высказывались разные требования, не относившиеся к главному делу, которые и были удовлетворены в царствование Анны: так, требовалось ограничить срок шляхетской службы двадцатью годами, уничтожить майорат.

Верховный тайный совет отвечал на эти мнения: "Понеже Верховный тайный совет состоит не для какой собственной того собрания власти, точию для лучшей государственной пользы и управления в помощь их императорских величеств, а впредь ежели кого из того собрания смерть пресечет или каким случаем отлучен будет, то на те упалые места выбирать кандидатов Верховному тайному совету обще с Сенатом и для апробации представлять ее императорскому величеству из первых фамилий из генералитета и из шляхетства людей верных и обществу народному доброжелательных (не вспоминая об иноземцах). И смотреть того, дабы в таком первом собрании одной фамилии больше двух персон умножено не было; и должны рассуждать, что не персоны управляют законом, но закон управляет персонами, и не рассуждать ни о фамилиях, ни же о каких опасностях, токмо искать общей пользы без всякой страсти, памятуя всякому суд вышний. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дело, то для оногo в Верховный тайный совет имеют для совету и рассуждения собраны быть Сенат, генералитет, коллежские члены и знатное шляхетство, буде же что касаться будет к духовному правлению, то и синодские члены, и прочие архиереи по усмотрению важности дела".

Видя, что этот ответ не удовлетворяет, в Верховном тайном совете начали рассуждать о новых уступках: полагали впустить в свою среду еще четырех членов, чтоб было 12. Для привлечения высшего духовенства полагалось уничтожить Коллегию экономии и управление имениями отдать епархиям и монастырям. Обещали, что как архиереи, так и иереи почтение иметь будут как служители престола божия. В Сенат, коллегии, канцелярии и в прочие управления будут выбираться члены из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства, достойные и доброжелательные обществу, также и все шляхетство будет содержано, как и в прочих европейских государствах, в надлежащем почтении и в ее императорского величества милости и консидерации, а особливо старые и знатные фамилии будут иметь преимущества, получают ранги и к делам будут определены по их достоинству. Шляхетство в солдаты, матросы и прочие подлые и нижние чины неволею не определять; а чтоб воинское дело не ослабевало, то для обучения военного устроить особливые кадетские роты, из которых определять по обучении прямо в обер-офицеры и производить чрез гвардию, а в морскую службу - чрез гардемарин. Которые находятся в управлении гражданском, хотя и не из шляхетства, а дослужились рангов, те будут присоединены к шляхетству, и определять их к делам как заблагорассудится. Приказных людей производить по знатным заслугам и "по опыту верности всего общества", а людей боярских и крестьян не допускать ни к каким делам. После казненных смертью у жен их, детей и сродников имения не отнимать и тем их не укорять. О солдатах и матросах смотреть прилежно, как о детях отечества, дабы напрасных трудов не имели, а до обид их не допускать. Лифляндцы и эстляндцы, как шляхетство, так и гражданство, да будут содержаны равною ее императорского величества милостию, как и российские, и во всем поступаться будет по их правам и привилегиям; также и к прочим иноземцам, которые теперь находятся и которые впредь будут в русской службе, иметь почтение и склонность ко всякой любви, и по контрактам жалованье да будет неотъемлемо. К купечеству иметь признание и отвращать от него всякие обиды и неволи, и в торгах иметь ему волю, и никому в одни руки никаких товаров не давать, и в податях должно купцов облегчить, а прочим всяким чинам в купечество не мешаться. Крестьян в податях сколько можно облегчать. Резиденции, убегая государственных излишних убытков и для исправления всему обществу домов своих и деревень, быть в Москве непременно и в другое место никуда не переносить.

Не знаем, было ли известно об этих уступках недовольным; во всяком случае они не могли удовлетворить; надобно было действовать решительнее, немедленно же назначить четверых новых членов Верховного тайного совета из самых сильных людей между недовольными; но этого не сделали. Духовенство, разумеется с Феофаном Прокоповичем в челе, усердно работало против верховников: князь Дмитрий Голицын не скрывал своего презрения к членам Синода за то, что по смерти Петра Великого они позволили возвести на престол Екатерину мимо Петра II, и

члены Синода не могли быть благодарны за это самому видному из верховников. Все с нетерпением ждали приезда новой императрицы. Верховники, желая по крайней мере уничтожить неудовольствие в собственной среде, успокоить старика Головкина, решились выпустить зятя его, Ягужинского, из-под ареста и восстановить его в прежнем значении; но Ягужинский не согласился принять от них прощения в вине, которой за собою не признавал. "Вы меня запятнали, - говорил он, - но очистить меня вы не можете".

10 февраля получено было известие, что императрица уже недалеко от Москвы, и три архиерея с тремя сенаторами отправились к ней навстречу; на заставе офицер потребовал от них паспортов от Верховного тайного совета, и когда паспорта были объявлены, то офицер пересчитал всех, и господ, и слуг. Архиереи и сенаторы нашли Анну в Чашниках, и, в то время как они ее приветствовали, сопровождавший ее князь Василий Лукич Долгорукий зорко оглядывал их с ног до головы. В тот же день Анна приехала в село Всесвятское под Москвою и здесь остановилась, давши приказание похоронить на другой день Петра II.

II февраля чем свет собрались все чины в Лефортовский дворец, где находилось тело покойного государя, и долго дожидались: причиною медленности оказалось то, что невеста княжна Долгорукая требовала себе в церемонии места и всей обстановки особы императорского дома. Эта бестактность со стороны Долгоруких возбудила против них сильное негодование. Погребальное шествие тронулось без невесты. Но в то время как многие бранили княжну Екатерину и ее родственников, на печальную церемонию смотрела из окна шереметевского дома другая женщина, которой суждено было дать фамилии Долгоруких другого рода блеск - блеск нравственной чистоты и мужества в страданиях: то была невеста бывшего фаворита князя Ивана Алексеевича Долгорукого Наталья Борисовна Шереметева. Когда она обручилась с Долгоруким, то отовсюду только и слышали восклицания: "Ах как она счастлива!" Но это счастье продолжалось только несколько дней. После известия о смерти Петра II "не можно было плачь мой пресечь", писала потом Наталья Борисовна. "Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают; чего было и мне ожидать? И так я плакала безутешно. Свойственники, сыскав средство, чем бы меня утешить, стали меня уговаривать, что я еще человек молодой, а так себя безрассудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будет худо; будут другие женихи, которые не хуже его достоинством, разве только не такие великие чины будут иметь; а в то время, правда, что один жених очень хотел меня взять, только я на то не склонна была, и сродникам моим всем хотелось за того жениха меня выдать. Это предложение так мне тяжело было, что ничего на то не могла им ответить. Войдите в рассуждение, какое это мне утешение и честна ли эта совесть, когда он был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могла; а так положила свое

намерение, когда, сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свету, что я в любви верна. Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла... Пришел тот назначенный несчастливый день: нести надобно было государево тело мимо нашего дому, где я сидела под окошком, смотря на ту плачевную церемонию. Боже мой, как дух во мне удержался! Началось духовными персонами, множество архиереев, архимандритов и всякого духовного чину; потом несли государственные гербы, кавалерию, разные ордены, короны, в том числе и мой жених шел перед гробом, нес на подушке кавалерию, и два ассистента вели под руки. Не могла его видеть от жалости в таком состоянии: епанча траурная предлинная, флёр на шляпе до земли, волосы распущенные, сам так бледен, что никакой живости нет. Поравнявшись против моих окон, взглянул плачущими глазами с тем знаком или миной: кого погребаем? В последний, в последний раз провожаю". Петра погребли в Архангельском соборе, вынувши для его гроба два гроба сибирских царевичей.

Мысли многих присутствовавших 11 февраля в Архангельском соборе обращались в Всесвятское. Верховники уже были недовольны: тотчас по приезде Анны в Всесвятское явился туда батальон Преображенского полка и отряд кавалергардов; Анна вышла к ним, объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов и каждому из последних поднесла сама по рюмке водки. Это распоряжение насчет полковничества и капитанства гвардии было явным нарушением условий; однако 14 числа Верховный тайный совет, Сенат и генералитет отправились в Всесвятское благодарить императрицу за дарованную народу милость, причем граф Головкин, как старший кавалер, поднес ей орден Св. Андрея; есть очень вероятное известие, что Анне не понравилось это поднесение от Верховного совета, ибо она считала себя вправе на этот орден как императрица. "Ах, правда, я и позабыла его надеть", - сказала она, взяла орден и велела надеть его на себя одному из окружающих, не допуская сделать это кого-нибудь из членов Верховного совета. На другой день, 15 февраля, императрица имела торжественный въезд в Москву. Все чины были созваны к присяге в Успенский собор, который был обставлен войском. В Синодской палате Феофан Прокопович внушал духовенству, что присяга есть дело великое; беда, если кто присягает на том, что противно совести или чего он не хочет или не знает, и настоял, чтоб Синод прежде всего потребовал от Верховного совета форму присяги, которая, как ходили слухи, изменена. Несколько раз ходили секретари из Синода в Верховный совет с требованием формы присяги; верховники несколько раз обещались ее прислать, но не присылали, и вдруг прислано сказать архиереям, что члены Верховного совета уже в церкви и ожидают духовенства. Феофан советовал не ходить, но другие архиереи двинулись, и он не решился остаться один. Только что архиереи вошли в собор, как верховники приступили к ним с убеждением, чтоб первые присягнули, как

всего народа пастыри и в духовных делах предводители. Тут Феофан начал опять говорить о важности присяги; в толпе шляхетства послышались вздохи и восклицания, что присяга дело страшное. Феофан настаивал, чтоб форма присяги прежде всего была прочтена всем вслух с амвона. Князь Дмитрий Голицын возражал ему, но другие верховники, боясь смуты, согласились. Новую форму присяги прочли: в ней хотя некоторые прежние выражения, означавшие самодержавие, и были исключены, однако не было и выражений, которые бы означали новую форму правления, и, главное, не было упомянуто о правах Верховного тайного совета и о подтвержденных императрицею условиях; существенная перемена состояла в том, что присягали государыне и отечеству: поэтому присутствовавшие, рассудив, что новая форма не приносит верховникам никакой пользы, решились принять ее и присягнули. Говорят, была попытка заставить присягнуть государыне и Верховному совету; такую форму присяги попытался было предложить фельдмаршал князь Василий Владим. Долгорукий Преображенскому полку, но получил ответ, что если он будет настаивать на этом, то ему ноги переломают.

От новой формы присяги не было пользы верховникам, но не было и вреда; они были сильны бессилием своих противников, недостатком единства между ними, отсутствием энергических вождей. Феофан Прокопович не решился или ему не позволили сказать громко приветственную речь новой императрице в день ее торжественного въезда в Москву; он подал речь на письме; в ней говорилось: "Твое персональное доселе бывшее состояние всему миру известно: кто же, смотря на оное, не воздохнул, видя порфирородную особу, в самом цвету лет своих впадшую в сиротство отшествием державных родителей, тоску вдовства приемшую лишением любезнейшего подружия, не по достоинству рода пропитание имущую, но и, что вспомнить ужасно, сверх многих неприятных приключений от неблагодарного раба и весьма безбожного злодея страх, тесноту и неслыханное гонение претерпевшую. На сии смотря, котории о промыслах божиих искусно рассуждают, узнавали величество ваше быти в числе любимых чад божиих; а суемудрии человецы, может быть, в сердцах своих говорили: "Бог оставил ю. А се ныне отец наш небесный, сира и вдову приемлющий, всему миру ясно показал, как не оставил тебе"".

Феофан здесь указывал на гонение, претерпенное Анною от Меншикова, "неблагодарного раба и весьма безбожного злодея", но он старался внушить, что Анна и теперь терпит страх, тесноту и неслыханное гонение от неблагодарных рабов и весьма безбожных злодеев; люди, действовавшие по мысли Феофана, духовенство били на чувство преданности к царской особе и возбуждали сострадание к печальному положению государыни, которая находится в неволе: князь Василий Лукич Долгорукий поместился во дворце, и никому нельзя было приблизиться к императрице без его позволения; даже сестры ее могли говорить с нею только в его присутствии. "Смотрите, - говорили, - она никуда не показывается, народ не видит ее, не встречает радостными криками; князь

Василий Лукич стережет ее, как дракон; неизвестно, жива ли она, и если жива, то насилию дышит". "Сими сим подобная, когда везде говорено, другой компании (противной верховникам) ревность жесточае воспламенялась; видать было на многих, что нечто весьма страшное умышляют", - рассказывает сам Феофан. Но у верховников было не без приверженцев, которые также по молчали; образчиком их речей может служить рассказ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому о московских происшествиях: "Теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого нигде не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и уже больше бога не надобно просить, кроме чтоб только между главными согласие было. А если будет между ими согласие, так как положено, конечно, никто сего опровергнуть не может. Есть некоторые бездельники, которые трудятся и мешают, однако ж ничего не сделают, а больше всех мудрствует с своею партишкою князь Алексей Михайлович (Черкасский), однако ж ничего не успевают, и не сделается. И о государыне так положено: что хотя в малом в чем не так будет поступать, как ей определено, то ее, конечно, вышлют назад в Курляндию, и для того будь она довольна тем, что она государыня российская; полно и того. Ей же определяют на год 100000, и тем ей можно довольной быть, понеже дядя ее, император, и с теткой ее довольствовался только 60000 в год, а сверх того, неповинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому, и не токмо того, ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с расписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе своем свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит Верховный тайный совет. И теперь Салтыковых и духу нет, а впредь никого не допустят. И что она сделана государынею, и то только на первое время, помазка по губам".

Борьба между двумя "компаниями" состояла в том, что верховники старались убедить Анну поскорее явиться в их заседание и торжественно подтвердить новое государственное устройство, а противная компания уговаривала императрицу, чтоб она этого не делала. Но князь Василий Лукич стерег Анну, как дракон, и потому последней компании сноситься с нею было трудно; надобно было действовать тайком, через женщин; главною посредницею была свояченица князя Черкасского штатс-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, по мужу свойственница императрице. Рассказывали, что употреблялись и другие средства сноситься с императрицею: будто приносили к ней каждый день ребенка, Биронова сына, и клали ему за пазуху записки о ходе дела; наконец, будто Феофан Прокопович подарил Анне столовые часы, в которых под доскою она нашла уведомление, что преданные ей люди положили действовать решительно. Ходил также слух, что верховники, устрешенные всеобщим неудовольствием и не надеясь выиграть дело, предложили Анне провозгласить ее самодержицею, на что она отвечала: "Это для меня слишком мало - получить самодержавие от осьми персон.

Как бы то ни было, в то время как "другая компания" собиралась в разных домах для совещаний о решительных мерах, для подписания просьбы императрице о пересмотре подписанных ею в Митаве пунктов, Верховный тайный совет продолжал распоряжаться и 24 февраля решил участь лиц, к которым императрица не могла быть равнодушна, а именно: тайный советник Петр Бестужев был назначен губернатором в Нижний Новгород; арапа Аврама Петрова велено освободить из-под караула и быть ему в Тобольске при полках майором. На другой день, 25 числа, члены Совета также собрались на обычное заседание; сидели князь Михаил Михайлович Голицын, его брат князь Дмитрий, князь Алексей Григорьевич Долгорукий и занимались разными делами, как вдруг входит князь Василий Лукич и зовет их к императрице. В большой зале дворца нашли они государыню и множество из Сената, генералитета и шляхетства, человек 800, от имени которых начали читать просьбу; в ней говорилось, что императрица по своей неизреченной милости изволила подписать условия, предложенные ей Верховным тайным советом, за что все верноподданные приносят ей глубочайшую благодарность за себя и за потомков своих, которые не перестанут благословлять имя ее величества; несмотря на то, обязанность верноподданных заставляет представить ее величеству, что в означенных пунктах заключаются обстоятельства, заставляющие опасаться впредь для народа событий неприятных, которыми враги отечества могут воспользоваться; после зрелого размышления об этих условиях сделаны были Верховному тайному совету письменные представления; требовалось, чтоб по большинству голосов установлена была правильная и хорошая форма правления. Но Верховный тайный совет отвечал, что ничего нельзя сделать без соизволения ее величества. Зная натуральное милосердие императрицы, присутствующие наипокорнейше просят приказать рассмотреть различные проекты, предложенные ими, призвавши одну или двух персон из каждой фамилии для установления такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу. Хотя просьба подписана и немногими лицами, потому что боялись собраться, однако присутствующие уверяют, что все шляхетство ее одобряет.

Когда чтение было кончено, князь Василий Лукич обратился к императрице с просьбою обдумать вместе с членами Верховного тайного совета, какой ответ дать на подобное прошение. Тут вдруг подле Анны очутилась сестра ее Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, с пером и чернилицею в руках. "Нечего тут думать, государыня, - сказала она сестре, - извольте подписать". Анна подписала; но тут встала буря, и не со стороны членов Верховного тайного совета, которые стояли совершенно пораженные; гвардейские офицеры и другие из шляхетства, хотевшие полного восстановления прежней правительственной формы, начали кричать: "Не хотим, чтоб государыне предписывались законы; она должна быть такою же самодержицею, как были все прежние государи". Когда Анна, раздраженная шумом, стала их унимать, то они бросились перед нею на колена с криком: "Государыня, мы верные подданные вашего величества; мы верно служили прежним великим государям и сложим свои

головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев". Тут Анна сказала капитану гвардии: "Вижу, что я здесь небезопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову, и только ему одному".

Шляхетство имело теперь в руках подписанную императрицею просьбу о пересмотре всех проектов и установлений с общего согласия новой правительственной формы. Но к чему повело бы это, когда уже так громко было заявлено желание, чтоб восстановлен был старый порядок вещей, когда представители вооруженной силы высказались, что не позволят предписывать законов государыне? Благоразумно ли было давать опереживать себя в преданности и подвергаться явной опасности? Понятно, что при таких обстоятельствах голос людей, требовавших полного восстановления самодержавия, взял верх, и дворянство, вышедши в другую залу, положило просить императрицу о принятии самодержавия. Но для написания новой просьбы требовалось время, и потому стали просить о допущении на аудиенцию после обеда. Анна согласилась и пошла за стол, к которому пригласила и членов Верховного тайного совета: таким образом, последние не имели возможности подумать вместе о своем положении.

В четвертом часу пополудни дворянство возвратилось во дворец с новою просьбой, в которой говорилось: "Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лучшего утверждения и пользы Отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем к благодарению за тако превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнейше ваше императорское величество просим, чтоб соизволили сочинить вместо Верховного совета и высокого Сената один Правительствующий сенат, как при Петре Первом было, и исполнить его довольным числом - 21 персоною; такожде ныне в члены и впредь на упалые места в оный Правительствующий сенат и в губернаторы, и в президенты повелено б было шляхетству выбирать баллотированьем, как то при Петре Первом уставлено было; и притом всеподданнейше просим, чтоб по вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для предбудущего времени ныне установить. Мы напоследок, вашего императорского величества всепокорнейшие рабы, надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и в облегчении податей по природному величества вашего благоутробию презренны не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие

свое препровождать имеем". Февраля 25, 1730". Подписи: князь Иван Трубецкой, Григорий Чернышев, Ушаков, Новосильцев, князь Григорий Юсупов, Михайла Матюшкин, князь Алексей Черкасский, Сукин, Олсуфьев, князь Никита Трубецкой, граф Михайла Головкин и т. д., подписей 150.

Когда прочли эту просьбу, императрица притворилась удивленною. "Как, - сказала она, - разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по "желанию целого народа?" "Нет!" - отвечали собравшиеся. "Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул!" - сказала Анна. О последующем в протоколе Верховного тайного совета записано: "Пополудни в четвертом часу к ее императорскому величеству призван статский советник Маслов, и приказано ему пункты и письмо принести к ее величеству, которые в то ж время и отнесены и ее величеству от господ министров поднесены, и те пункты ее величество при всем народе изволила, приняв, разорвать. Февраля 26: господа министры изволили быть во дворце, куда призван статский советник Маслов, и велено ему сочинить вновь присягу о самодержавии ее величества, которая в то же время и сочинена, и ее величество тое присягу опробовать соизволила, и господа министры, тое присягу подписав, вручили ее величеству. 28 февраля по всем улицам с барабанным боем объявлено, чтоб завтра, т. е. 1 марта, в 8 часов утра, все шли паки к присяге в соборы и церкви".

Бригадир Ив. Мих. Волынский так уведомил об этих событиях двоюродного брата своего Артемия Петровича Волынского: "Здесь дела дивные делаются. По кончине его величества выбрали царевну Анну Ивановну с подписанием пунктов, склонных вольности, и чтоб быть в правлении государства Верховному совету восьми персонам и в Сенате одиннадцати. И в оном спорило больше шляхетство, чтоб быть в Верховном совете 21 персоне и выбирать оных баллотированием, а большие не хотели оного, чтобы по их желанию было восемь персон. И за то шляхетство подало челобитную ее величеству, чтобы быть в 21 персоне, и оная челобитная ее величества собственною рукою подписана тако: "По сему рассмотреть", и потом ее величество и оную челобитную изволила отдать князю Алекс. Мих. Черкасскому. И с шляхетством подавал челобитную князь Алексей Михайлович, и потом за опасностию шляхетство подало челобитную другую ее величеству, чтоб соизволила принять суверенство, и тако учинилась в суверенстве, и присягу вторично сделали, а оное делал все князь Алексей Михайлович и генералитет, с ним и шляхетство, и, что от того будет впредь, бог знает. Ныне в великой силе Семен Андреевич Салтыков, и живет он. вверху и ночует при ее величестве, а большие в великом подозрении и в стыде обретаются две фамилии, и с ними Матюшкин, Измайлов, Еропкин, Шувалов, Наумов, Дмитриев, Матвей Воейков, и такова дела от начала не бывало".

Присягнули самодержице Анне Иоанновне, ей одной только, и, за очень немногими исключениями, все были очень довольны; перепугались только, как говорят, когда вечером 25 числа красный цвет северного сияния покрыл горизонт. В кругу людей близких князь Дмитрий Михайлович Голицын произносил зловещие слова: "Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела. Так и быть: пострадаю за Отечество; мне уже немного остается, и те, которые заставляют меня плакать, будут плакать долее моего".

Но от кого же плакать? От самой императрицы? Мы уже несколько раз встречались с герцогинею курляндскою, и все в затруднительных обстоятельствах ее жизни. Жизнь до сих пор действительно была незавидная. Раннее и бездетное вдовство в стране слабой, за влияние над которою спорили три сильных соседа, сделало из Анны игрушку политических отношений и соображений; она стала невестою всех бедных принцев, желавших получить Курляндию в приданое; планы о браке ее составлялись и разделялись, смотря по отношениям между Россиею, Польшею и Пруссиею; неприятно было положение Анны при великом дяде; еще неприятнее при Екатерине I и Петре II. Чаша унижения была выпита до дна, а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная к унижению. Во всем препятствия, борьбы; за отношение к Бестужеву гонение от матери, царицы Прасковьи, на которую Анна была очень похожа жестокостию и энергиєю; понравился Мориц саксонский - "неблагодарный раб" расстроивает дело; из-за Бирона неприятная история с Бестужевым. Выбрали в императрицы, когда уже Анне было 37 лет; но князь Василий Лукич Долгорукий привез ограничительные пункты и требует, чтоб Бирон не ездил в Москву; князь Василий Лукич стережет, как дракон. Наконец тюрьма отпирается, Анна на полной свободе, она - самодержавная императрица; наконец-то можно пожить, но уже молодость прошла, оставив много горечи на сердце; да и дадут ли спокойно пользоваться властью? Выбрали с ограничением; ограничительные пункты разорваны, но остались недовольные, и недовольны сильные и знатные люди; при первом неудовольствии к ним пристанут и другие и начнут смотреть в другую сторону: в Голштинии соперник опасный - родной внук Петра Великого! Надобно смотреть зорко и жить в постоянном страхе, а подозрительность и страх - это такие чувства, которые не умягчают душу. Русское знатное шляхетство подозрительно; правда, оно было против верховников, но оно сочиняло разные проекты государственного устройства и 25 февраля просило свободы просмотреть эти проекты и составить один наиболее удовлетворительный; только энергическое движение гвардии заставило поспешить восстановлением самодержавия. Надобно привязать к себе эту гвардию, увеличить ее число и, главное, сосредоточить всю власть в руках людей вполне преданных, которых интересы неразрывно связаны с интересами Анны, которым грозила и постоянно грозит беда, если власть перейдет в руки русской знати. Эти люди - иностранцы. Но возвышением иностранцев, и особенно одного из

них, который в глазах народа не имел никакого права на возвышение, оскорблялись русские; Анна при своем уме, которого у нее никто никогда не отнимал, не могла не сознавать этого и потому не могла быть покойна. Чтоб успокоиться, забыться среди постоянно тяжелых обстоятельств жизни для натуры, не способной уходить во внутренний мир души и оттуда вызывать успокоение, для натуры недоступной, не приготовленной образованием к высшим средствам восстановления падающих сил духа, - для такой натуры оставалось одно средство - внешнее развлечение, празднества, окружение себя существами, которые бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство, и Анне необходимо иметь подле себя женщин, которые бы болтали без умолку. Так, она писала в Москву: "У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны в Москве живет одна княжна Вяземская, девка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтоб она не испугалась: то объяви ей, что я ее беру из милости, и в дороге вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: как сказывают, что она много говорит". В другой раз Анна писала в Переяславль: "Поищи в Переяславле из бедных дворянских девок или из посадских, которые бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, как мы чаем, что уже скоро умрет, то чтоб годны были ей на перемену: ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые бы были лет по сороку и так же б говорливы, как та Новокщенова или как были княжны Настасья и Анисья". Впоследствии люди знатные оскорблялись тем, что при Анне в числе шутов были два князя - Волконский и Голицын; но желание развлечься насчет ближнего, поймать его, посмеяться над ним было так сильно в Анне, что она не останавливалась ни пред каким саном, что видно из письма ее к казанскому архиерею: "Преосвященный архиерей! Письмо ваше из Казани мы получили, в котором пишешь, что ты приехал туда в самой Благовещеньев день, и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуем, что научил нас здесь, в Петербурге, знать, в котором числе оный день бывает; а мы до сих пор еще не знали, однако ж уповали, что то как в Казани, так и здесь в одно время прилучается". В заключение представим два портрета Анны, нарисованные в разные времена, один - наблюдателем совершенно беспристрастным, другой - наблюдательницею очень пристрастною, но все же и второй портрет заслуживает внимания. Голштинский камер-юнкер Берхгольц в 1724 году так описывает визит, сделанный его герцогом курляндской герцогине Анне: "Она приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить вино, как обыкновенно здесь водится. Герцогиня - женщина живая и приятная, хорошо сложена, недурна собою и держит себя так, что чувствуешь к ней почтение". Другой портрет от 1730 года: невеста князя Ивана Алексеевича Долгорукого Наталья Борисовна Шереметева смотрела на торжественный въезд Анны в Москву и описала ее так: "Престрашного была взору; отвратное лицо имела; так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше и чрезвычайно толста".

Как же началась деятельность нового правительства? Просьба генералитета и шляхетства об уничтожении Верховного совета и восстановлении Сената

в том значении, какой он имел при Петре Великом, была немедленно исполнена (4 марта). Число сенаторов, как именно просили, было назначено 21: канцлер граф Головкин, фельдмаршалы князя Голицын, Долгорукий и Трубецкой, князь Иван Федорович Ромодановский, князь Василий Лукич Долгорукий, князь Дмитрий Михайлович Голицын, барон Андрей Иванович Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский, генерал Ягужинский (освобожденный из-под ареста 25 же февраля), Григорий Петрович Чернышев, Иван Ильич Мамонов, князь Григорий Дмитриевич Юсупов, Семен Андреевич Салтыков, Андрей Иванович Ушаков, князь Юрий Юрьевич Трубецкой, князь Иван Федорович Борятинский, Семен Иванович Сукин, Василий Яковлевич Новосильцев, князь Григорий Алекс. Урусов, граф Михаил Гаврилович Головкин. Этот список не поражал новостью в сравнении с прежними временами: из двадцати одной фамилии только одна была немецкая - Остермана, но и барона Андрея Ивановича, как прежде Брюса, переставали считать иностранцем. На другой день, 5 марта, сенаторы присягали и немедленно имели рассуждение, надлежит ли в Сенате быть генерал-прокурору, обер-прокурору и рекетмейстеру? Рассудили, что рекетмейстеру быть надлежит, но от беспокойных блюстителей и напоминателей закона себя освободили. 18 марта "ее императорское величество изволила присутствовать в Сенате и заседать в своем месте. Притом изволила отдать пункты и указала по оным о сбавке подушных денег, рассмотря доложить ее императорскому величеству. Изволила же дать указ с благочестивом содержании православные веры и прочего, что касается ко св. церкви, и по прочтении оных министры за такую ее императорского величества милость благодарили. Изволила слушать реестр докладам и указала те доклады взнести со временем в дом ее императорского величества, и тогда рассматривать изволит. Потом изволила отсутствовать".

Мы видели, что Верховный тайный совет, желая удовлетворить недовольное шляхетство, обещал уничтожение майората и учреждение военного училища, из которого молодые шляхтичи могли бы выходить прямо офицерами, не подвергаясь унижительной службе в солдатах. Самодержавная императрица признала за нужное исполнить эти обещания уничтоженного ею Совета. В декабре 1730 года утвержден был доклад Сената, что "в 1714 году Петр Первый, император, по первенству одного наследником учинить соизволил в таком всемилостивейшем намерении: 1) чтоб от разделения деревень в разные руки фамилии и знатные дома не упали и крестьяне не отягчены были помещиковыми податями и для того б исправнее государственные подати платить могли; 2) чтоб те дети, которые к деревням наследники не будут, принуждены были хлеба искать службою, учением и торгами. Но ныне усмотрено, что те пункты по состоянию здешнего государства не к пользе происходят, а именно 1) отцам не только естественно, но и закон божий повелевает детей своих всех равно награждать, и для того, которые у себя имеют по два или по три сына и по несколько дочерей, те всячески ищут, каким бы образом всех равно удовлетворить, и если прочих движимым наградить нечем. то

принуждены с крестьян излишнее брать или деревни продать в чужой род, чтоб деньги на раздел прочим оставить, или те ж деревни перепродавать чрез несколько лиц для укрепления меньшим детям, и в платеже пошлин несут великие убытки; а если кто при себе не сделает, то принужден написать в духовной на себе немалый долг и с клятвою наследнику завещать под тем образом заплатить меньшим детям, и некоторые, исполняя волю отцовскую, платят, продав те же отцовские деревни, а иные наследники, ведая, что на отце их такого долгу не было, духовные оспаривают, и происходят между братьями ненависти, и ссоры, и продолжительные тяжбы с великим с обеих сторон убытком и разорением, и в такой ненависти и злобе вечно принуждены оставаться, и не безызвестно есть, что не токмо некоторые родные братья и ближние родственники, но и отцов дети побивают до смерти. 2) Хлеб, лошадей и всякий скот за движимое почитают и отдают меньшим братьям с сестрами, и, таким образом, у наследника без хлеба и без скота деревни в состоянии быть не могут, а у меньших братьев без деревень хлеб и скот пропадают, и как наследники, так и кадеты от того в разорение приходят. И хотя определено, чтоб те, которые к деревням не наследники, искали б себе хлеба службою, учением, торгами и прочим, но того на самом деле не исполняется, ибо все шляхетские дети, как наследники, так и кадеты, берутся в службу сухопутную и морскую в нижние чины, что кадеты за двойное несчастье себе почитают, ибо и отеческого лишились, и в продолжительной солдатской или матросской службе бывают, и до такого отчаяния приходят, что уже все свои шляхетные поступки теряют. 3) Деревень в приданое за дочерьми давать не велено, чтоб они в чужие роды не выходили; это также с немалою тягостию происходит, ибо, вместо того чтоб дать в приданое деревни, принуждены их продавать и те деньги за дочерьми давать, потому что без этой продажи дать нечего, и потому деревни стали больше прежнего выходить из роду, тогда как отдачею деревень в приданое ущерба фамилиям быть не может: когда кто деревню отдаст за дочерью, то вместо того сын его возьмет за женою из другого рода. 4) В делах превеликое затруднение и волокита происходят, потому что Устав, как в государстве необычный, разным образом толкуется; а так как благополучие государства и польза состоят в правосудии и благосостоянии подданных, то мы, всеподданнейшие вашего императорского величества рабы, собрание Правительствующего сената, доносим и всепокорно просим верных рабов своих пожаловать, повелеть с сего указа в разделении детям как движимых, так и недвижимых имений чинить по уложению и то, какое награждение давать женам и дочерям, определить вновь пунктами; которые дела решены по пунктам 1714 года, а спору и челобитья нет, тем быть так; а которые отцы уже сделали наследником одного из сыновей, а теперь пожелают разделить всем, или кто из братьев по смерти отцовой сделан один наследником, а пожелает сам с меньшими братьями разделить полюбовно и о том будут бить челом, тем дать на волю".

При Екатерине I и Петре II происходили отмены уставов Петра Великого, но майорат не был тронут, потому что власть находилась в руках немногих людей, самых богатых и знатных, старых или новых - все равно; самое установление Верховного тайного совета уже обозначало это выделение немногих богатейших и знатнейших людей, для которых майорат не мог быть тяжек: они имели средства наградить своих младших сыновей, или кадетов, как тогда называли, движимым, имели возможность выгодно устроить их браки, выгодно устроить, их службу. Но для массы землевладельцев майорат, разумеется, был страшно тяжек в государстве земледельческом, с слабым промышленным и торговым развитием, с ничтожным потому количеством денег; новая Россия, несмотря на средства, данные ей преобразованием, была еще очень недалеко от старой России, где за отсутствием денег землею платили за государственную службу, землею платили за помин души и, где надобилось движимое, там вместо денег употребляли звериные шкуры, меха; понятно, что землевладельцу неоткуда было добывать денег для надела младших сыновей и дочерей, он мог жить только день за день доходами с земли, получая их преимущественно натурою, и отсюда все указанные в сенатском докладе неудобства; пропущено еще одно зло - что при редкости денег желавшим продавать деревни трудно было найти покупателей и деревни должны были продаваться за низкую цену. Понятно, что верховники, желая привлечь на свою сторону массу землевладельцев, бывшую против них, не могли придумать лучшего средства, как обещать уничтожение майората, и правительство Анны точно так же нашло необходимым для себя исполнить это обещание. Масса землевладельцев, или шляхты, требуя равенства прав для всех своих членов и восторжествовав над верховниками, этими людьми, которые хотели быть старшими, привилегированными братьями в семье дворянской, - масса землевладельцев воспользовалась своим торжеством, чтоб просить о восстановлении равенства между братьями в каждой частной семье шляхетской.

Другое обещание верховников было исполнено не ранее половины 1731 года, вероятно по финансовым затруднениям. 29 июля дан был указ Сенату об учреждении Кадетского корпуса. "Весьма нужно, - говорилось в указе, - дабы шляхетство от малых лет к воинскому делу в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18 лет, как российских, так и эстляндских и лифляндских провинций, которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому действию потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, также и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение, того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцованию, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, по тому б и к учению определять. И на содержание того корпуса и учителей на прочие

расходы определяем сумму 30000 рублей". В ноябре издан был Устав корпуса, где говорилось, что "Корпусу кадетов быть в С. - Петербурге, понеже тамо они как в определенной при Академии Наук Гимназии в разных науках обучены быть, так же и от Академии самой, к вящему их в науках успеху, потребные способы получать могут; сверх того ж, в С. - Петербурге всегда знатное число войск, артиллерия и полный арсенал содержится, также ежедневно гражданской и военной архитектуры строения отправляются, причем обучаемые молодые люди купно с теориею со временем и практику видеть могут, не меньше же к обхождению с разными иностранными нациями и к обучению их языкам больше и лучше случая имеется". Для помещения Корпуса отдан дом князя Меншикова на Васильевском острове. Корпус разделяется на 4 класса: в четвертом, или низшем, кадеты обучаются русскому и латинскому языкам, чистописанию и арифметике; в третьем классе - геометрии, географии и грамматике; во втором - фортификации, артиллерии, истории, правильному в письме складу и стилю, риторике, юриспруденции, морали, геральдике и прочим воинским и политическим наукам. В первом классе обучаются далее тем наукам, к которым в прежних классах больше склонности, прилежания и понятия показали; переводятся в этот класс и выпускаются из него военными и гражданскими чинами после строгого экзамена. Русскому, французскому и немецкому языкам кадеты обучаются во всех классах, также и латинскому - по охоте. В кадетском доме высших трех классов всякому кадету должно пять или шесть лет неотлучно в учении быть, чтоб фундаментальное знание могли получить, а которые, имея охоту к высшим гражданским наукам, желают еще более ими заниматься, те могут учиться у профессоров Академии Наук. Число русских кадет должно быть 150, эстляндских и лифляндских - 50.

Новое учреждение представляет нам естественное развитие в истории учебных заведений в России. Академия Наук по плану Петра Великого заключала в себе Академию Наук, Университет и Гимназию. Теперь выделилось высшее учебное заведение, вовсе не специально военное, ибо это специализирование по тогдашним средствам России было еще невозможно; новое учреждение носит характер военный и гражданский вместе, ибо, как говорится в указе и уставе, не всякий способен к военной службе и гражданское образование так же нужно в государстве, как и военное.

Мы видели, что императрица в первом заседании своем в Сенате дала указ о "благочестивом содержании православной веры"; после она сочла необходимым придать другой указ о решении дел судьям по чистой совести: "Понеже правосудие есть целость и здравие государства, а где того нет, там божие благословение и милость отъемлются и в праведный его гнев впадают". Но одни подобные провозглашения не могли подействовать на судей, и в июне 1730 года дан был Сенату указ, чтобы каждую субботу подавались императрице два рапорта за подписью сенаторов: в одном должно быть означено, сколько в прошедшую неделю

решено было в Сенате таких дел, которые могли быть решены на основании существующих законов; во втором рапорте должны быть означены такие дела, которые не могут быть покончены без собственного решения и указа императрицы, и за получением этого указа сенаторы должны являться каждую субботу к императрице или все, или по крайней мере от 5 до 6 человек.

Но "ничто так не было нужно к праведному и незазорному суду, как совершенное Уложение, ибо после старого российского Уложения многие разные указы и в разные времена выдавались и затем есть один с другим не вовсе согласные, чрез что случай подается бессовестным судьям, подбирая указы, на которую сторону хотят дело решить несправедливо". "Относительно Уложения до сих пор ничего не сделано, - говорилось в указе 1 июня 1730 года. - И мы, последуя нашего дяди намерению, милосердя к верным подданным нашим, чтоб во всей нашей империи был суд равный и справедливый, повелеваем начатое Уложение немедленно оканчивать и определить к тому добрых и знающих в делах людей по рассмотрению Сената, выбрав из шляхетства, и духовных, и купечества, из которых духовным и купецким быть в то время, когда касающиеся к ним пункты слушаны будут; а чтоб поспешнее оканчивали, то, коль скоро которую главу окончат, слушать в Сенате всем собранием и, утвердя по крайнему рассуждению и подписав, вносить к нам, и, как от нас апробовано и подписано будет, тогда, напечатав, публиковать и по оным дела решать и так одну по другой главы к совершенству привести". Мысль о присутствии выборных из областей при составлении Уложения не была покинута, и вслед за приведенным указом Сенат распорядился, чтоб дворян, которые по указу 1729 года выбраны в губерниях для сочинения Уложения, достойные по выбору тамошнего шляхетства, тех выслать в Москву непременно к 1 сентября 1730 года, а где еще не выбраны, там выбирать и высылать к тому же сроку.

Сенат воспользовался поднятием дела об Уложении, чтоб возбудить вопрос о майорате; в июле сенаторы рассуждали: "Если ее императорское величество даст позволение, чтоб о наследствах поступать по прежним указам и Уложению, то в сочинении нового Уложения вотчинной главы труд очень уменьшится, потому что многие пункты прежнего Уложения достаточны будут". Но надобно было немедленно исполнять указ об окончании нового Уложения.

Мы видели, что это дело было поручено Ивану Познякову и секретарю Сверчкову. Они были призваны в Сенат и спрошены, что делают. Отвечали, что сведена глава о богохульниках, которую и представили. Потом сенаторы начали рассуждать, что первому титулу о законодателе быть не надобно, что надлежащую до духовности главу надобно рассматривать Синоду или определить с светскими некоторым духовных персон. Рассмотревши форму главы о богохульниках, приказали Познякову и Сверчкову, чтоб сводили по той форме только, что касается из Кормчей

книги до гражданства, того также не выписывали бы и шли б по оглавлениям, и титул по титуле, на основании прежнего Уложения, разнося по приличности глав. Сочли необходимым прибавить работников и приказали быть у сочиненья Уложения: Григорью Ергольскому, Степану Колычеву, Семену Карпову, Ивану Кожину, Петру Лобкову. Приехали выборные из областей, но Сенат убедился, что они не могут принести никакой пользы делу, и потому в конце 1730 года определил отпустить их по домам, новых не вызывать, а увеличить число знающих людей: в декабре приказали у сочинения и *окончания* Уложенья быть сверх прежде определенных тайному советнику Феодору Наумову; действительным статским советникам: Алексею Зыбину, Алексею Баскакову, бригадиру Петру Засецкому; статским советникам: Афанасью Савелову, Ивану Вельяминову, советнику Дмитрию Потемкину, Ивану Алмазову, Василью Высоцкому - и для скорого сочинения и окончания Уложенья присутствовать из членов прав. Сената по одной персоне с переменою понедельно; а как будут сочиняться надлежащие до Юстиц - и Вотчинной коллегий главы, в то время быть при том тех коллегий членам.

Окончание Уложения было только на бумаге; а между тем громко вопили против несправедливых решений в судах. Сенат думал, как помочь делу, и в начале 1731 года придумал такое средство: "Прежде во всех приказах, и особенно в судных, спорные дела судьи слушали при самих истцах и ответчиках, и челобитчики были этим очень довольны, потому что подьячие не могли неправо докладывать, и если б захотели одной стороне сделать ущерб, а другой норовить и для того выпустить что-нибудь из дела или утаить, то истцы и ответчики предостерегали сами и тогда же судьям о том спорили и напоминали. А теперь не только в коллегиях и канцеляриях, и в самых нижних судах в Москве и городах воеводы, в ратушах бурмистры спорные дела слушают без истцов и ответчиков; и хотя утверждают на том, что по спорным делам истцы и ответчики прикладывают к выпискам руки, однако тут бывает не без греха; часто случается, что одна какая-нибудь речь всю силу дела в себе содержит, а секретарь или подьячий эту сильную речь или содержание указа пропустит, что судьи и усмотреть не могут, и таким образом истец или ответчик обвинен быть может. Для избежания этого приказали: во всех судных местах спорные дела слушать при истцах и ответчиках, как такой порядок был прежде, а притом им никаких излишних речей и споров не иметь, дабы от того в слушании дел помешательства и затруднения не происходило".

Ошибки в докладах и выписках выставлены главным побуждением в указе 1 июня 1730 года, которым предписывалось разделение Сената на департаменты: "Так как все дела в прав. Сенате определяются по докладам и выпискам, делаемым канцелярскими служителями, и легко случиться может, что в этих докладах и выписках не по пристрастию, а от простоты, многодельства, поспешности или от какого-нибудь другого случая бывают погрешности, от которых и без всякой вины прав. Сената в резолюциях по временам могут произойти какие-нибудь несходства, к тому же от

множества дел, как государственных, так и челобитчиковых, которые надобно слушать и решать всему собранию, недостает времени для решения государственных дел без продолжения и челобитчиковых без волокиты, поэтому рассуждаем за благо в правит. Сенате по примеру других государств все дела разделить по разным департаментам, например: 1) о духовных делах, в чем они до правит. Сената касаться будут; 2) о военных сухопутных и морских делах; 3) о Камер-коллегии делах и доходах и расходах государственных; 4) о юстиции и челобитческих делах; 5) о купецких делах и государственных заводах, фабриках и бергверках. При каждом департаменте были бы четыре или пять человек из членов прав. Сената, которых должность в том состоять будет, что когда в правит. Сенат какие дела войдут, касающиеся их департамента, то они наперед между собою эти дела сами рассмотрят, надлежащим образом исследуют - одним словом, все то изготовят, что к полному решению и определению его потребно, а потом с объявлением своего мнения в полном собрании правит. Сенату для решения предложат. Чрез это: 1) всякие погрешности в канцелярии правит. Сената упредятся; 2) всякие дела с лучшим основанием и благоугодным правосудием и 3) безволокинно и без остановки решены и отправлены будут; 4) правит. Сенату великое облегчение сделается".

Мы видели, что при восстановлении своем в прежнем значении господина Сенат хотели избавиться от прокуроров, но наверху кто-то постарался представить, что это установление великого дяди необходимо, без него дела идут дурно и, главное, каким образом исчезли прокуроры, о том никто не знает. 2 октября 1730 года явился манифест: "Небезызвестно нам есть, что в коллегиях и канцеляриях в государственных делах слабое чинится управление и челобитчики по делам своим справедливого и скорого решения получить не могут, и бедные, от сильных утесняемые, обиды и разорения претерпевают. А так как блаж. пам. дядя наш и государь при сочинении должности сенатской такие непорядки и утеснения бедным не точию отвратить искал, но, дабы оные весьма искоренить и совершенный, добрый порядок ввести, рассудил учинить особое определение. Для этого не понапрасну чин генерал-прокурора и ему помощника обер-прокурора при Сенате, а в коллегиях и тогда бывших надворных судах прокуроров учредить изволил. *Каким же указом оный чин по кончине дяди нашего отставлен и кем отрешен, о том нам неизвестно.* Поэтому повелеваем и учреждаем быть по определению дяди нашего и государя при Сенате чину генерал-прокурора и ему помощником обер-прокурору; также во всех коллегиях и других судебных местах прокурорам быть по-прежнему". Временно исправлять должность генерал-прокурора поручено было Ягужинскому; обер-прокурором назначен был стат. совет. Маслов.

Мы видели, как скоро почувствовано было, что в стремлении сократить число учреждений, явившихся при Петре Великом, перейдена была граница, как скоро почувствовано было, что в Москве нельзя было уничтожить Надворный и Провинциальный суды и все дела сосредоточить в Губернской канцелярии. В марте 1730 года Сенат подал доклад, что до

учреждения губерний в Москве было семь приказов для суда и расправы и волокиты челобитчикам не было! (Через 30 лет старина уже начала забываться, стали забываться жалобы людей XVII века на знаменитую московскую волокиту!) Потом были учреждены надворные и провинциальные суды, но в 1727 году надворным судам быть не велено, а суд и расправа были положены на губернаторов и воевод, вследствие чего судные и розыскные дела взяты в Московскую губернскую канцелярию, и в том числе невершенных дел 21388. По обширности города Москвы и губернии Сенат считал необходимым учредить в Москве Судный и Сыскной приказы: в первом давать суд всякого чина людям, которые будут находиться в Москве, во втором ведать воровские, разбойные и убийственные дела с апелляциею на оба приказа в Юстиц-коллегию. Доклад был утвержден. В декабре того же года Сенат представил о необходимости восстановления Сибирского приказа, потому что сибирские губернаторы имеют слишком обширную власть, воеводы не могут мимо их ни о чем писать ни в Сенат, ни в Камер-коллегию и в таком дальнем краю ничего не видно, как воеводы поступают. Доклад был утвержден, и возобновленный приказ был поручен Ягужинскому. Относительно коллегий в октябре 1731 года Берг-коллегия и Мануфактур-контора соединены были с Коммерц-коллегиею, "потому что от разделения их никакой пользы не было, кроме казенного убытка и в делах затруднения и между ними излишних переписок".

Мы видели, что еще при Петре II стали тяготиться отменою мер Петра Великого относительно областного управления, сосредоточением всей власти в руках воевод, которых сами правительственные лица называли волками. Волки бросились на добычу, и отовсюду поднялись страшные вопли, как было в допетровской России, и вот появляется указ, как будто списанный с указов прежних царей: "Известно учинилось, что многие воеводы как посадским, так и уездным людям чинят великие обиды и разорения и другие непорядочные поступки и берут взятки, о чем уже и челобитные многие в правит. Сенат на них поданы, а на иных и бить челом опасаются, для того что те воеводы многие годы живут беспеременно; того ради великая государыня императрица указала во всех городах воеводам быть с переменою на два года и по перемене приезжать им с росписными и счетными списками приходу и расходу ведомства их и с ведомостями о доимках, как денежных, так рекрутских, в Сенат. И буде который исправен и после смены в год челобитчиков на него не будет, таких определять в воеводы же по рассмотрению". Потом догадались, что воеводы без секретаря или подьячего все равно что без рук, и потому велено приезжать вместе с воеводами для отчета и секретарям или, где секретарей нет, подьячим, составлявшим ведомости, "дабы воеводы по тем ведомостям и счетным спискам лучшую отповедь чинить имели без всяких отговорок".

Губернаторов и воевод обвинили в беспорядках относительно сбора подушных денег с крестьян и на этом основании восстановили систему Петра Великого. В указе, данном Сенату в октябре 1730 года, говорится,

что Петр Великий на крестьян всего государства положил одну подать, и для того велено армейские и гарнизонные полки расписать по уездам и расположить на вечные квартиры, и, чтоб крестьянам излишних тягостей сверх подушного не было, сбор поручен был земским комиссарам под смотрением полковников; земских комиссаров по окончании года считали и на их места выбирали новых сами помещики, которые имели власть наказывать комиссаров, которые были замечены в отягощении крестьян; сверх того, польза от расположения войск по уездам была очевидна в удержании воровства, разбоев, крестьянских побегов и в охране крестьян от гражданских правителей. В 1727 году, продолжает указ, это полезное определение отменено, подушный сбор положен на губернаторов и воевод, офицеры от сбору отрешены, от чего в уездах от воевод и от подьячих многие неурядки и крестьянам тягости, а именно послаблением многая на крестьянах доимка запущена, что крестьянам к большому разорению, а не к пользе произошло, комиссары излишние и вымышленные сборы производили и, приняв деньги, отписей не давали, а писали в доимку; произошло многое в уездах воровство и разбои, и крестьяне бегут: Поэтому подушный сбор положен по-прежнему на полковников с офицерами. В следующем, 1731 году новый именной указ, что по ведомостям, присланным от офицеров, показано множество доимок, которых запускать не надлежало, и потому императрица повелела объявить, чтоб помещики, архиереи и монастырские власти заплатили эту доимку в три месяца без всякого отлагательства, а взыскивать на них офицерам без всякого послабления. В то же время был издан регламент Камер-коллегии, в котором постановлялось: "Подушные деньги платить самим помещикам, а где самих помещиков нет - прикащикам и старостам или тем людям, кому эти деревни приказаны, а дворцовых, архиерейских и монастырских вотчин самим управителям, не дожидаясь повестки, деньги отвозить самим в город и отдавать воеводам; в случае непривоза денег в срок полковники вместе с воеводами посылают в незаплатившие деревни экзекуцию, велят немедленно править на помещиках или прикащиках и старостах". В конце 1731 года первый указ был повторен с угрозой штрафов. Тогда же дан был указ Дворцовой канцелярии, что на дворцовых волостях много доимки, которую взыскать на судьях и управителях, ибо их несмотрением доимка запущена.

Подушные деньги шли на войско, состоянием которого были недовольны и в прошлое царствование. Еще Верховный тайный совет накануне знаменитого 25 февраля издал указ о принятии иностранных инженеров в русскую службу "за недовольством в Инженерном корпусе обер-офицеров", и в тот же день на содержание пограничных крепостей и артиллерии определена сумма в 70000 рублей в год. В июне 1730 года самодержавная императрица издала указ: "Всякий верный сын отечества признать должен, что крепость и безопасность государства, содержание мира и святого покоя от чужих неприятелей и, следовательно, благополучие всех подданных по бозе от содержания порядочной и благоустроенной армии зависит; а по кончине дяди нашего многие

непорядки и помешательства при ней явились и ныне еще являются и происходят, для поправления которых еще при тетке нашей и племяннике нашем особливые комиссии учреждены были, но в действо не произведены. Наше соизволение есть - учреждение Петра Великого крепко содержать, все непорядки и помешательства исправлять и привести армию в доброе состояние без излишней народной тягости, и потому мы заблагорассудили учредить особливую комиссию с двоякою целию: 1) дабы сухопутную нашу армию в порядочном состоянии всегда содержать; 2) дабы обстоятельно можно было знать, какая сумма именно на содержание войска необходима". В июне 1730 года в Сенате рассуждали, что Военная коллегия и Комиссариат состоят не в таком порядке, как надлежит, многое упущено и ведомостей Коллегия в Сенат не подает; Комиссариату надобно быть особо, а не в ведении Военной коллегии. Впущен был заведовавший Комиссариатом генерал-майор Кропотов, спрошен о ведомостях и доносил, что в Военную коллегия поданы, и притом говорил, что некоторые расходы Коллегия делает мимо Комиссариата и сообщает для ведома после. Собрание объявило ему, чтоб он ведомости в Сенат от себя подавал прямо, мимо Военной коллегии, потому что впредь он в ведомстве этой Коллегии не будет. Кропотов отвечал, что если так, то он будет подавать в Сенат ведомости с показанием непорядков Военной коллегии; он же доносил, что комиссары должны быть не из офицеров, потому что от них много продерзостей; но Сенат рассуждал, что могут быть и офицеры, только по прошествии каждого года они должны быть присылаемы в Комиссариат к ответу и отчету. Тогда же Сенат слушал доношение Военной коллегии о рекрутах, в какие лета и в какую меру их брать. Приказали принимать мерою не меньше двух аршин с четвертью, а летами от 15 до 30.

Относительно флота в июле 1730 года императрица дала указ Сенату: "Мы, последуя дяди нашего установлению и рассуждая о нужде, которая для благополучия и безопасности государства нашего в содержании корабельного и галерного флотов имеется, повелеваем нашему Правительствующему Сенату в Коллегию адмиралтейскую накрепчайше подтвердить, чтоб корабельный и галерный флоты содержаны были по уставам, регламентам и указам, не ослабевая и уповая на нынешнее благополучное мирное время". Но в следующем году толковали, что флот погибает, едва 12 кораблей могут выйти в море. Некоторые стали выражать мысль, которую имел еще Меншиков, не лучше ли уничтожить военные корабли и оставить одни галеры? Мысль эта нравилась при дворе, потому что освобождала от издержек, но против нее восстал дядя императрицы Салтыков; он говорил, что главные издержки на флот уже сделаны при Петре Великом, а теперь остается только поддерживать. Адмирал Сиверс был того же мнения, говорил, что галерный флот один без военных кораблей не может выйти в море, первая буря даст возможность неприятельским кораблям уничтожить его, притом Россия без флота потеряет значение на севере. Решено было увеличивать число военных кораблей.

Сенат сильно занимал вопрос о штатах: в ноябре 1730 года князь Василий Владимирович Долгорукий предложил, что статские чины жалованья получают много, а военные против них находятся в обиде, во-первых, умалением ранга, во-вторых, жалованья получают гораздо меньше, вследствие чего отнимается охота к военной службе и стараются быть определенными к статским делам; поэтому надобно статским чиновникам убавить жалованья. Остерман согласился с этим мнением. Князь Черкасский предложил, что до 1715 года в приказах дьяков и подьячих было гораздо меньше, а дела исправлялись без остановки; а как с 1715 года определено жалованье, то секретарей и подьячих стало больше, и теперь в коллегиях такие дела, которые прежде бывали у одного понытчика, разделены на многие понытья, и от того увеличено число секретарей и подьячих; а в ведомостях из коллегий показывают, что без такого числа в делах исправиться нельзя. Для этого надобно сенатским членам, хотя поодиночке, свидетельствовать коллежских и канцелярских служителей, какие у них дела и можно ли из них убавить, дабы лишних служителей не было, потому что лучше оставить хотя немногих, только достойных, которым по их достоинству и жалованье определить. Князь Дмитрий Михайлович Голицын предложил, что у статских жалованья убавить нельзя и приказных служителей убавлять не следует, чтоб коллегии недостаточным числом служителей в исправлении дел вперед не отговаривались, а хотя и свидетельствовать, только не о числе служителей, но о сумме, какой коллегии за излишний труд перед прочими прибавить, а где меньше труда, у тех убавить. Князь Черкасский представлял, что для сочинения штата надобно рассмотреть о числе коллегий, всем ли им надобно быть или убавить, потом привести их в лучший порядок; а затем определить, сколько надобно где членов и служителей и с каким жалованьем, а особливо говорил о Берг-коллегии, что не так смотрит над заводами, как следует, и надобно в коллегиях разделить дела между членами по частям.

Относительно торговли продолжала работать остермановская Комиссия о коммерции. По ее донесению в 1731 году позволена была свободная торговля по всей России всякого звания иноземцам с уплатою положенной пошлины. В 1730 году Сенат занимал вопрос о казенных товарах; в последнее время эти товары отдавались прусским купцам, которые за то поставляли сукна на русское войско; но теперь, вследствие того что враждебные отношения между Россией и Англиею готовы были прекратиться, английские купцы явились соперниками прусским, и Сенат явно склонялся на их сторону. В июне месяце сенаторы согласно рассудили: написав предложения как английских, так и прусских купцов, доложить ее величеству и притом представить, что с англичанами истари русский торг производится, от которого большая польза: англичане покупают русские товары на свои деньги и сукна английские лучше прусских; русские купцы в своих торговых делах с англичанами довольны ими, тогда как на прусских купцов и от своих, и от иностранцев много жалоб, притом же пруссаки деньги из государства вывозят. Комиссия о коммерции представила в Сенат донесение русских купцов о помехе

торгам их вследствие поставки прусских сукон. Выслушав это донесение, сенаторы начали рассуждать, не лучше ли казенные товары послать для продажи за море в Комиссию, чтоб не было монополии? В пользу этого мнения Остерман представлял, что если здесь продажу казенных товаров и поставку сукон заключить на пять лет с одними купцами, то будет две монополии: первая в продаже в одни руки товаров, вторая в поставке одними купцами сукна; а если товары отпустить в Комиссию, то хотя расходов на них будет и больше, только не будет монополии и помехи русским купцам в их торгах; если казенные товары продавать и в России, то не все, а небольшое число, чтоб поднять им цену, а сукна покупать у вольных продавцов, кто из них возьмет дешевле, не входя ни с кем в обязательство; вперед казенных товаров, поташа и смольчуга, для заморского отпуску или продажи в России заготавливать с некоторою убавкою по последующим причинам: 1) от многого заготовления этих товаров лес истребляется; 2) чем больше заготовлено товаров, тем цена на них меньше; 3) если товаров заготавливать меньше, то цена их будет высока и лес не так будет выводиться. Дела не решили без совета с знающим человеком; послали спросить Осипа Соловьева: казенные товары здесь ли продать полезнее на известных условиях или послать за море и на каких судах, и кому в комиссию поручить? Соловьев отвечал: если отпускать на своих кораблях, то довольно отпустить в Амстердам на комиссию 1500 бочек смольчуга, 500 поташа, сверх того, если Виллерс или Меер примут на свои руки 1000 бочек и пошлют к своим корреспондентам на комиссию, то это будет полезно. Меер объявил, что возьмет 1500 бочек поташа по 17 ефимков. Но Остерман представил, что императрица по докладу его указала: поташ отправить в Англию на комиссию, на каких условиях Сенат заблагорассудит, а смольчуг и прочие товары продать русским купцам. Осип Соловьев донес, что для загрузки ластовых судов, которые должны отправиться с казенными товарами, чтоб наем не был даром, надобно купить у Архангельска пеньки, холста, льну и пряжи. Спросили его: какому надежному человеку поручить покупку? Он отвечал: Льву Семенникову, который учился в Англии. Согласились.

Относительно полиции обратились к мерам Петра Великого против нищих. В июле 1730 года императрица говорила Сенату в своем указе: "Усмотрели мы, что нищие прямые, престарелые, дряхлые и весьма больные без всякого призрения по улицам валяются, а иные бродят; с другой стороны, нам известно, что в богадельни вместо прямых нищих записывают таких, которые могут работою питаться, а иные и в богадельнях не живут, но одно жалованье получают, и не без греха, что бедные без призрения страждут, а вместо них тунеядцы хлеб похищают; поэтому повелеваем немедленно тунеядцев из богаделен выслать или определить на работу, а прямых нищих в богадельни ввесть; помещичьих отдать помещикам, посадских в посады для пропитания; малолетних мужеского пола определять в гарнизонные школы, чтоб выросши, годились в службу вместо рекрут; девочек на фабрики или кто захочет взять их на воспитание и в услужение". Сенат распорядился немедленным исполнением указа, но в

ноябре должен был писать, что многие нищие по улицам бродят, и грозить полиции жестоким наказанием. Полиция не имела никаких средств исполнить указ Сената и обратилась к Синоду, признаваясь, что, несмотря на строгие указы, число нищих умножилось, и особенно находят они себе убежище в церквях и рядах; чтоб св. Синод дал указ священникам не позволять просить милостыни при церквях. Синод дал указ; но какие средства имели священники для его исполнения?

Плохое состояние медицинского дела побудило к смене архиатера (Блументроста); Медицинской канцелярии дали коллегиальное устройство, назначив ее членами докторов: Быдла, Шоберта, фон Дегульста, Севаста и Теульса. Главную обязанностью конторы было смотреть за аптекою, лабораториею и магазином и отправлять в войско искусных лекарей "без всякого похлебства, ни по дружбе, ниже по ненависти".

Так как Москва была резиденциею, то в 1730 году озаботились об ее освещении. Для зимних ночей по большим улицам велено сделать из Полицмейстерской канцелярии и поставить на столбах фонари стеклянные на расстоянии 10 сажен один от другого; горело в них конопляное масло с фитилем в те ночи, когда об этом дан будет приказ от двора; содержать их и чинить должны были обыватели.

С каким трудом отвыкали русские люди от диких привычек в пользу общежития, видно, между прочим, из того, что указы против скорой езды по улицам, начавшиеся издаваться еще с XVII века, оставались без действия. "Хотя прежде сего на Москве опубликовано, - говорит указ 1730 года, - дабы всяких чинов люди как дневным, так и ночным временем ездили как в санях, так и верхами смирно и никого лошадьми не давили и не топтали, однако ныне ее величеству известно стало, что многие люди ездят в санях резво и верховые их люди пред ними необыкновенно скачут и, на других наезжая, бьют плетьюми и лошадьми топчут". Велено было посылать разезды из драгун и солдат и ловить таких резвых людей. Правительство сочло нужным напомнить указом, что за волшебство закон определяет сожжение: "Известно ее величеству, что в России некоторые люди показывают себя, будто волшебства знают и обещаются простым людям чинить всякие способы".

Мы видели, что верховники потребовали прежде всего от новой императрицы, чтоб она была верна православию. Анна, сделавшись самодержавною, не упускала случая показывать свою ревность к православию, чтоб не подумали, что долговременное пребывание в стране иноверной ослабило эту ревность. 17 марта подписан был ею манифест, в котором она провозглашала, что прилежное попечение имеет о хранении и защищении православного закона христианского восточной церкви и прочих преданий, славы ради и хвалы божия учрежденных, и повелевала правит. духовному Синоду "прилежное попечение иметь, дабы все христиане закон божий сохраняли, тайны святые, на спасение наше от

Спасителя нашего нам преданные, и прочие предания, от церкви святой узаконенные, со тщанием и благоговением исполняли, и в праздники и в воскресные дни на службу божию в церковь приходили со тщанием, и во время службы святой в церквах благочиние сохраняли; сущие же под властью нашею разные народы, которые не знают христианского закона, также раскольников, невежеством своим противляющихся св. церкви, обращать увещанием и учением во благочестие и соединение св. церкви; храмы же святые и нищепитательные дома, которые от скудости или иным каким образом опустели, возобновить и всеми потребными удовольствовать. Училища учредить по Регламенту духовному. Установленные же в нашей империи крестные ходы и благодарные моления во дни тезоименитства нашего и нашей фамилии и в прочие определенные дни также на памяти усопших предков наших молитвы и поминовения отправлять неотложно и во время посылаемых от бога разных наказаний молитвы и прошения творить об отвращении праведного его гнева со смирением, благоговением и с наложением по рассуждению поста по примеру ниневитскому и во оных всех ходах и молитвах для чести и показания собою образа присутствовать архиереям и отправлять благочинно и порядочно, не оставляя ничего, *так, как прежде сего, при их величестве деде и отце нашем, было*, и при том присутствовать по одной персоне из сенаторов и по две персоны к тому из других чинов по рассмотрению сенаторскому".

Манифест был, по-видимому, направлен против архиереев-нововводителей, пренебрегавших крестными ходами, на что сердился Сенат еще во времена Петра Великого; архиереем-нововводителем считался Феофан Прокопович; в манифесте заключалась даже выходка против дяди-преобразователя, объявлялось, что все будет по старине, как было при деде и отце государыни. Но все это было, по-видимому, в первые минуты, когда в страхе перед сильною борьбою хотели прикрыться ревностью к православию и прикрыть Бирона. Усердие Феофана Прокоповича не могло остаться без награды, его не могли выдать врагам. Феофан в стихах прославлял 25 февраля:

В сей день Августа наша свергла долг свой ложный,/ Растерзавши на себе хирограф подложный,/ И выняла скипетр свой от гражданского ада,/ И тем стала Россия весела и рада,/ Таково смотрение продолжи нам, боже,/ Да державе Российской не вредит ничто же./ А ты, всяк, кто не мыслит вводить строй отманной,/ Бойся самодержавной прелестниче Анны./ Как она бумажка, все твои подлоги/ Растерзанные падут под царские ноги.

Неизвестно, с какой стороны было внушено, надобно заняться, и 20 мая дан был указ: "Всем дядя наш, Петр Великий, правит. духовный Синод учредил и регламентами принадлежащими удовольствовал, который тогда состоял в довольном числе персон; а ныне Синод не в таком состоянии, как прежде был. Рассуждая об этом как об очень благопотребном деле, благоизволяем Синод в добрый порядок привести и повелеваем духовному

правит. Синоду, снесшись с правит. Сенатом, общим советом постановить: такому же ли числу персон быть в Синоде, как положено в Регламенте, или еще прибавить и по сколько из каких чинов быть? Персонам, определенным в Синод, непременным ли быть или переменным; и если положено будет переменять, то во сколько времени переменять? Выбрать кандидатов по именам для избрания в число, какое определено будет. Так как в Синоде число персон очень малое, только четыре, то повелеваем для совета о вышеписанном деле взять вприбавок из духовных персон людей, к тому достойных".

Сенат прежде совещания с Синодом обсудил это дело один и решил: быть в Синоде членам с переменою по два года, а именно: из архиереев - по 4, из архимандритов и игуменов - по 2 да 2 протопопа, в том числе половина малороссиян и половина великороссиян. 9 июня была конференция у Сената с Синодом. Сенаторы объявили свое решение; но члены Синода предлагали, чтоб быть членам из архиереев и архимандритов 12 человекам без перемены, потому что если всех вдруг переменять, то новые не могут знать, что прежде их в Синоде делалось, также и обхождения канцелярского не знают; игуменам и протопопам не быть, потому что они при начальниках своих свободного голоса иметь не могут, притом протопопы еще указом Петра I отставлены; в епархии для управления определять викариев, или сами архиереи, присутствующие в Синоде, могут по временам посещать свои епархии. Во второй конференции сенаторы стояли за свое прежнее мнение о перемене членов Синода, говорили, что от такой перемены в делах остановки не будет, ибо в Синоде такие же церковные дела, какие и в епархиях бывают, а викариям быть не следует, потому что они потребуют лишнего расхода; если же непременным членам Синода для осмотра епархий отъезжать на время, то в такое короткое время ничего осмотреть нельзя, а когда будут члены Синода переменные, то и в епархиях лучшее смотрение будет. Синод, видя, что надобно уступить, предлагал, чтоб из 11 членов быть шести архиереям, и если им быть переменным, то переменяться каждый год по одному, так что в шесть лет могут все перемениться. Синодальные члены, и особенно Феофан новгородский, предлагали, чтоб архиереев и архимандритов выбирать баллотировкою или каждому члену, написав имена кандидатов, не означать своего имени, кто кого выбирает; но Сенат настаивал, чтоб написать всем росписи и выбирать достойных. Императрица по выслушании всех этих мнений указала: в Синоде присутствовать новгородскому и нижегородскому архиереям беспременно и к ним еще определить двоих архиереев да архимандритов и протопопов, чтоб всех было одиннадцать персон, между которыми половина (?) была бы из великороссиян, а другая из малороссиян. Но число членов не достигло одиннадцати: в конце 1731 года назначено было жалованье только девяти членам: новгородскому архиепископу - прежний его вице-президентский оклад 2500 рублей, прочим трем архиереям - каждому по 1500 рублей, трем архимандритам - по 1000 рублей, двум протопопам - по 600 рублей.

Феофан Прокопович и Питирим нижегородский, знаменитый борец против раскола, два самые видные архиерея эпохи преобразования, - на первом плане, они неперемные члены Синода. Феофан и Питирим - один человек, значит, Феофан в силе; эта сила ему очень нужна, потому что враги не оставляют его в покое.

Мы видели, как по смерти Петра Великого, защищавшего людей, которые помогали ему в церковных преобразованиях, и бравшего на себя всю ответственность, поднялись люди, враждебные этим преобразованиям, и напали на помощников преобразователя, оставшихся теперь без прикрытия. После падения Феодосия Яновского нападения сосредоточились на Феофане, но он стоял, отбиваясь ловко и упорно. Смутное время царствования Петра II, останавливая все вопросы, всякое движение, остановило и борьбу Феофана с его противниками; восшествие на престол Анны возобновило ее. Знаменитый манифест 17 марта обманул врагов Феофана, заставив их думать, что пришло наконец удобное время низвергнуть еретика, которого не будет защищать правительство, провозгласившее, что в церковном отношении обращается к старине допетровской. Мы оставили Маркелла Родышевского в заточении в Симоновом монастыре. Так как были люди, и люди значительные, считавшие Маркелла борцом за правое дело. мучеником, то заключение его не могло быть очень тесным: вольно было к нему приходить, вольно было ему самому выезжать, содержали его хорошо. В это время познакомился с ним человек, считавшийся дельным и знающим, верный слуга преобразования и преобразователя, который, однако, был встревожен движением преобразования, показавшимся ему опасным для веры, для церкви, и стал употреблять усилия, чтоб остановить это движение: то был управлявший прежде типографией известный нам Михаил Петрович Аврамов. Сам Аврамов рассказывает, что еще при Петре Великом, когда никто не смел говорить против церковных преобразований и преобразователей, он своими представлениями и внушениями государю сдерживал опасное движение: "Благоволил бог чрез меня, последнего изверга, о заблуждении и лукавых вымыслах еретиков - Феодосия, Феофана, Гавриила (Бужинского) и прочих их единомышленников - объявить таким образом. Когда эти льстецы, вкравшись в многоутружденную святую монаршескую душу и обольстя государя, смело начали поносить древнее благочестие тетрадами, книжечками и словесно старались вводить свое злочестивое лжеучение, явно начали посты святые разорять, дела добрые, как ненужные для спасения, отвергать, покаяние и умерщвление плоти выставлять баснословием, безженство и самовольное убожество в смех обращать, девство представлять делом невозможным и под покрывалом имени христианского стали везде осматривать и перебирать св. мощи, ломать часовни и обирать св. образа, обдирать их привесы и оклады, уничтожать все чудотворные образа; когда лютерского еретичества пьянством беснующийся ересиарх Федос в приходской церкви образ богородицы казанской ободрал и возил с собою ругательством, тогда я, написавший челобитную на него, еретика, и единомышленников его, во

дворце подал его величеству, и государь в тот же день в доме генерала Чернышева на крестинах более часа со мною уединенно разговаривал и отпустил милостиво и скоро после того, в день рождения цесаревны Елисаветы Петровны, на старом почтовом дворе при мне публично за столом в присутствии императрицы, архиереев и министров долго говорил о чудотворных образах и других св. церкви догматах. И после того эти отчаянные смельчаки, как земляные кроты, забившись в норы, с излишними своими вымыслами на долгое время было утихли, а потом опять мало-помалу начали подниматься и, укрепившись пуще прежнего, достигли того, что государь подписал Духовный регламент, под которым подписались из страха духовные и мирские особы, без рассмотрения скрывавшихся в этом Регламенте ересей. С этих пор, в наказание, испортилось здоровье государя".

При Петре II Аврамов сочинил книгу "О благих в обществе делах" и подал ее императору, но книга "досталась в руки лукавого Остермана и у него до времени погасла". Теперь Аврамов подал императрице Анне проект "О должности, как ее императорскому величеству управлять христианскою, боговрученною ее величеству империю". Здесь Аврамов требовал уничтожения присяги, восстановления патриарха, только не от польских и малороссийских людей: "Во всем с патриархом о полезном правлении духовенства российского сноситься и о лучшей пользе промышлять, чтоб оное духовенство в древнее ввести благочиние и доброе благосостояние. И все гражданские уставы и указы, обретающиеся с ним, рассмотреть прилежно, согласны ли они с законом Божиим и церковными св. отец уставами, также и с преданиями церковными, и, буде которые несогласны, те бы оставить, а впредь узаконять в согласии Божьего закона и церковного разума".

Кто же будет патриархом? Для такого искреннего ревнителя древнего благочиния, как Аврамов, который для искупления старых грехов (а между страшными грехами своими считал он и напечатание мифологии) умерщвлял плоть свою веригами, - для такого искреннего ревнителя кандидатом на патриаршество не мог быть Георгий Дашков, которого немонашеская деятельность, немонашеский образ жизни слишком выдавались наружу; не мог быть и Феофилакт Лопатинский, которого некоторые прочили за его ученость, но против которого было также нареkanie за немонашеские привязанности: об нем говорили, что скрипочки да дудочки мешают ему быть патриархом; для людей, хотевших ученого патриарха и знавших, что такого можно найти только между малороссиянами, идеалом был покойный Стефан Яворский, подобного которому не находили, и надобно заметить, что кроме других нет благоприятных условий восстановлению патриарха именно мешало то, что не было лица достойного; кроме того, между людьми, желавшими восстановления патриаршества, господствовало сильное разногласие; новые потребности были сильны, и потому многие не могли себе представить неученого патриарха; другие ни под каким видом не хотели на

этом месте малороссиянина. Аврамов, для которого чистота православия и благочестия были на первом плане, не думал об учености и остановил свой выбор на духовнике императрицы троицком архимандрите Варлааме, отличавшемся монашескою жизнью, благочестием, не скажем наружным, потому что историк не может произносить своего суда, выслушавши только одну сторону, не может основаться на сатирическом представлении Варлаама, сделанном противниками.

Аврамов убеждал Варлаама попросить императрицу об освобождении Маркелла Родышевского и для показания его невинности возобновить дело о доносах его на Феофана. "Пусть напишет прошение, а на книги, что знает, изъяснение", - отвечал Варлаам, и Родышевский написал прошение, чтоб дали ему с новгородским архиереем очную ставку; при этом Родышевский просил, чтоб еретические руки Феофана не допускать до миропомазания и коронования ее величества, потому что второго императора, Петра Алексеевича, короновал Феофан и государь скоро скончался; так чтоб и ее величества здравие охранить". Еще более распространился об этом в своем доносе на Феофана дворянин новгородского архиерейского дома Носов, который писал, что Феофан хуже Феодосия: церкви и монастыри грабил, деньги, полученные за проданные церковные вещи, на непристойную монашескую роскошь употреблял, например на покупку вина; несмотря на то, он, как беспорочный, над духовными начальствует и подвизает гнев божий, который и обнаруживается: он был допущен до коронации императрицы Екатерины Алексеевны и Петра II, и царствование их величеств было очень кратковременно; Петра II Феофан обручал с двумя невестами, а свадьбы не было; венчал цесаревну Анну Петровну с герцогом голштинским, и цесаревна скоро скончалась.

Не смотря на эти доносы, новгородский архиепископ первенствовал и при коронации Анны, совершенной 28 апреля; первенствовал не по сану только, первенствовал умением говорить красноречивые речи. А между тем Феофану готовили полное торжество люди, возбуждавшие подозрительность Анны, тогда как преданность архиепископа новгородского заподозрить было нельзя, и притом странно было бы верить его врагам, выставившим его неправославие, когда он недавно просил императрицу за православных сербов, принуждаемых австрийским правительством к уни.

Подозрительность императрицы была возбуждена происшествием в Воронеже: когда здесь получен был манифест о кончине Петра II и восшествии на престол Анны, то епископ Лев Юрлов в Неделю православия (первое воскресенье Великого поста), где надобно было поминать государыню, велел возглашать: "О благочестивейшей великой государыне нашей царице и великой княгине Евдокии Феодоровне и о державе их", потом о благоверных государынях цесаревне и царевнах. Вице-губернатор, известный нам Пашков, требовал, чтоб архиерей объявил

манифест; тот отвечал, что без точного указа из Синода этого не сделает, потому что может случиться какая-нибудь перемена. Пашков донес в Москву; потребовали объяснения отсюда; Лев отвечал, что Пашков клеветает на него напрасно, по злобе. Когда в Синоде 20 марта слушали это объяснение, то Георгий Дашков сказал: "У воронежского архиерея с вице-губернатором давняя ссора, и друг на друга пишут по ссоре. Подождать, не будет ли от губернатора какого объяснения". Дело этим на первый раз кончилось, потому что на первых порах опасались употреблять строгие меры против подозрительных лиц, как светских, так и духовных. Но в половине года нашли, что можно действовать посмелее. Мы видели, что непременно членами Синоду назначены были двое - Феофан и Питирим; к ним были приданы сменяемые - крутицкий Леонид и суздальский Иоаким, а трое прежних - Георгий ростовский, Феофилакт тверской и Игнатий коломенский - уволялись; уволены были, таким образом, люди, неприязненные Феофану, который теперь стал господствовать в Синоде, ибо остальные члены коллегии были его покорные слуги. Теперь уже не боялись никакой помехи и возобновили дело Юрлова, с которого сняли архиерейский сан и монашество и отослали в Сенат для розыска, как обвиненного в государственном преступлении. По высочайшему именному указу Юрлова сослали в Крестный монастырь, где велели содержать в келье неисходно, не допуская к нему никого, не давая чернил и бумаги, вода в церковь за караулом. Юрлов оговорил Дашкова и Игнатия, что писал к ним о заступлении и помощи, причем Дашкову послал чувал винных ягод. Игнатия лишили сана и послали в свияжский Богородицкий монастырь; Дашкова сначала приговорили сослать в Харьковский монастырь с сохранением сана, потом за те же вины велели снять сан и сослать в Каменный вологодский монастырь; здесь мы должны обратить внимание на это постепенное усиление наказания, что увидим и в судьбе светских людей. В том же 1730 году лишен был сана и сослан в Кириллов-Белозерский монастырь киевский архиепископ Варлаам Вонатович за то, что не отслужил благодарственного молебна о восшествии на престол Анны.

Но в то же время как Феофан торжествовал над враждебными ему архиереями, Маркелл Родышевский писал "Житие новгородского архиепископа еретика Феофана Прокоповича"; монах Иона, добавляя это сочинение разными вставками в виде гимнов, псалмов и молитв, распространял его в народе. В начале 1731 года список "Жития" попался в руки Феофану, и он донес об нем, указав на Родышевского как автора и на других как распространителей возмутительных тетрадей. В то же самое время архимандрит Варлаам представил императрице другие обличительные сочинения Родышевского на Феофана. Родышевский, Иона и Аврамов были арестованы.

В бумагах Родышевского заключались возражения на Духовный регламент и на указ о монашестве. Он доказывал, что патриаршество есть древнейшая и единственно законная форма церковного управления. В возражениях на

указ о монашестве Родышевский не отрицает необходимости исправления монашества, но ему не нравятся способы, определенные в указе; он представляет свой способ: "Первое дело власти императорской - велеть духовному правлению искать себе от монашеского чина самых богодухновенных монахов и, освидетельствовав, что они действительно таковы, как о них слух идет, производить в архиереи и архимандриты. Когда такие добрые епископы будут, то станут всячески стараться по епархиям своим исправить все монашество, особенно когда в главнейшем духовном правлении будут такие же или такой человек будет поставлен главным правителем церкви, ибо он будет производить в епископы только подобных себе. Которые же в семинарии будут учиться у лютеранских учителей или хотя и у своих, но духом еретическим зараженных, такие начнут не назидать, но развращать всю церковь и хотя постригнутся в монахи, но сделают это не ради монашества, а в надежде архиерейства и архимандритства. А в архиереи и архимандриты не так нужны люди ученые, как богодухновенные и добродетельные, которые учили бы не столько словом, сколько делом".

Иона показал, что "по означенным в пунктах Родышевского резонам новгородский архиерей звания своего недостоин; о тех резонах он, Иока, сам не сведом и видел их в экстракте Родышевского. Долгорукие, архиерей ростовский и прочие за вины свои сосланы; а по показанию Родышевского на новгородского архиерея указа не учинено, и потому мыслил он. Иона, что об нем ее величеству от господ не донесено; поэтому и написал на них, господ, что божескую честь презирают, должно быть охраняя его, архиерея, потому что если б ее величеству о том было донесено, то по показанию Родышевского давно бы исследовано было, ибо ее величество благочестивую веру содержит твердо и по вступлении своем на российский престол прежде ревность возымела о св. божиих церквях, чем о гражданских делах. А противных дел за новгородским архиереем он, Иона, не знает, а усмотрел о том из писем Родышевского. Только знает он, Иона, за ним, архиереем, то, что он церкви у себя в доме не имеет и в мясоеды и во все посты мясо ест; а о том мясоедании сведом он, Иона, от повара его, Петра".

По окончании следствия состоялся указ: "Так как Маркелл Родышевский в доносах своих на Феофана, архиепископа новгородского, доказательств, кроме своей персоны, никаких не представил; так как дерзнул развратно толковать Регламент духовный и разные книги, изданные изволением Петра Великого и советом всего Освященного собора; так как раздиакон Осип (Иона) к непристойным укоризнам Родышевского на архиепископа Феофана прибавил от себя еще другие, которые хотя темно, однако касаются к поношению высочайшей чести и власти; так как Михайла Аврамов эти книги с Родышевским читал и почитал их полезными к защите церкви и старался о представлении их ее императорскому величеству; так как они всеми этими делами против присяги своей дерзали миру и тишине церковной вредить, самодержавную ее императорского

величества честь поносить, сочиненные книги развращенно толковать и тем причину подавать к отвращению людей от пути спасительного и благонравного жития, за что по всем государственным правам должны быть казнены смертию; однако ее величество смертию казнить их не указала, а указала Маркелла послать в Белозерский монастырь, Аврамова в Иверский, Осипа, бив кнутом, в кексгольмский Валаамский, не выпускать их никуда, чернил и бумаги не давать".

Так рассеялись надежды, возбужденные в ревнителях древнего благочестия манифестом 17 марта; знаменитый нововводитель, тот архиерей, которого они называли еретиком, восторжествовал; мечта о патриаршестве исчезла. Но эта борьба автора Духовного регламента и указа о монашестве с ревнителями древнего благочестия имеет важное значение: победа была куплена очень дорого, что научило осторожности, указало границы, дальше которых идти было нельзя. Петр Великий, по своему смыслу, мог положить эти границы, мог в своих преобразованиях не увлечься, как увлекся Генрих VIII в Англии; но Петр Великий представлял явление чрезвычайное; для будущего России важно было не то только, как вопрос был поставлен в бурное время преобразования волею великого человека; важно было то, как этот вопрос решался обществом при спокойном разбирательстве в материалах преобразования, без руководства преобразователя, которое могло являться насильственным. Феофан Прокопович восторжествовал, сказали мы; но здесь дело идет не о торжестве одного отдельного лица: восторжествовала коллегиальная форма церковного управления, восторжествовал тот принцип преобразования, по которому пастыри церковные должны были быть учеными; Аврамов с товарищи из опасения одностороннего результата этого принципа поворачивали к другой односторонности, вред которой создала еще допетровская Россия: они требовали пастырей благочестивых только, а не ученых, ибо наука, говорили они, может только заразить ересями. Очень важно было, что обе стороны были сопоставлены, из чего увидели, что разделять их нельзя. При Петре Великом выставлялось преимущественно одно требование - требование образования, учености, и Феофан Прокопович был порождением этого требования; после Петра Великого указали на односторонность его и выставили другое требование, которого односторонность была также очевидна, но очевидно было и то, что на оба требования нужно было обратить внимание. Феофан Прокопович восторжествовал, но какого рода было это торжество? Дал ли он торжество тем убеждениям, за которые на него нападали? Нисколько. Необычайными усилиями, постоянною борьбою ему удалось *защититься*, избежать участи Феодосия Яновского; он защищался от упреков в неправославии, следовательно, должен был стараться быть православным, и здесь-то смысл дела; отсюда дальнейшая невозможность того направления, проводником которого считали Феофана. Нам вовсе не нужно исследовать, справедливо или несправедливо считали Феофана проводником этого направления, потому что общая история России не нуждается в этой биографической подробности; для нас важно то, что Феофан защищался от

обвинений в неправославии. Он защитился, или его защитили, обвинителей его заточили; но они заставили Феофана клясться, что он православный, отчураться всеми средствами от протестантского направления.

В описываемое же время Синод и Сенат занимало дело казанского архиерея Сильвестра с Иосифом Салникеевым, бывшим архимандритом Спасского казанского монастыря Ионою. Сильвестр обвинил Иону в разграблении имущества вверенного ему монастыря; Синод приказал отрешить Иону от управления монастырем и взыскать с него деньги за проданные вещи; тогда Иона в свою очередь подал донос на Сильвестра, как "ругателя указов и императорского величества". Донос был найден неосновательным; Иону расстригли и высекли кнутом, но он подал новый донос на Сильвестра, что тот рвал челобитные и другие бумаги, писанные на высочайшее имя. По этому доносу наряжено было следствие в Казани, и в числе следователей был тамошний губернатор Волынский. У Сильвестра с Волынским давно уже были неудовольствия; архиерей уже прежде подавал на губернатора жалобы в Сенат, Юстиц-коллегию и другие места; теперь, чтоб отстранить Волынского от следствия, Сильвестр подал прошение в Синод с прописанием всех обид, нанесенных ему губернатором: Волынский отнял землю, принадлежавшую архиерейскому дому; материал, приготовленный для построек, взял себе и употребил на строение своего дома; в архиерейском саду и огороде травил собаками волков и зайцев, молодые деревья велел выкопать и перенести на свой загородный двор; вырубил рощу около архиерейского монастыря; дьякона и двоих церковников велел отстегать прутьями до полусмерти; велел до полусмерти прибить архиерейского домового иконописца и духовной школы аудитора; за секретарем духовного приказа гонялся с обнаженною шпагою, и тот едва ушел; увидавши во время крестного хода на одном диаконе стихарь из персидской золотой парчи, велел принести его к себе, распорол, парчу оставил у себя, а оплечье прислал назад; по делу Салникеева велел привести к себе секретаря архиерейского Богданова, сперва бил его и за волосы драл сам, а потом велел бить палками и топтунами солдатам и оставил едва жива; даром заставлял работать на себя архиерейских мастеровых людей; потворствует раскольникам; летом и зимою ездит со псовою охотою многолуствием и топчет архиерейский и монастырский хлеб, ночует в архиерейских и монастырских деревнях и разоряет крестьян; в Чебоксарах по согласию с тамошним воеводою велел из пушек палить, и в то время от потехи их пушку разорвало и побило человек с пятнадцать. "Об этом наше смирение, - писал Сильвестр, - боясь суда божия по должности моего звания, и умолчать опасаясь, понеже от их господских чрезвычайных забав люди божии без всякого христианского исправления лишены сего света безвременно".

Волынский с восшествием на престол Анны и с принятием ею самодержавия мог надеяться для себя всего хорошего по родству с Салтыковыми. Мы видели, что он был за самодержавие и донес дяде своему, Салтыкову, о речах бригадира Козлова. Салтыков написал ему, что

императрица приказала прислать обстоятельное доношение, какие имел Козлов разговоры и кто был при его разговорах с Волынским, "чтоб произвести в действо можно было". Волынский отвечал: "Служить ее императорскому величеству так, как самому богу, я и по должности, и по совести должен. Притом же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только что к высокой ее императорского величества пользе касается, но и партикулярно к стороне вашего превосходительства надлежит служить мне, как свойственнику и милостивому моему благодетелю, за толикие ваши ко мне отеческие милости. А чтоб мне доносить и завязываться с бездельниками, извольте отечески по совести рассудить, сколько то не токмо мне, но и последнему дворянину прилично и честно делать? И понеже ни дед мой, ни отец никогда в доносчиках и в доносителях не бывали, а и мне как с тем на свет глаза мои показать? Извольте сами рассудить, кто отважится честный человек итить в очные ставки и в прочие пакости, разве безумный или уже ни к чему не потребный. Понеже и лучшая ему удача, что он прямо докажет, а останется сам и с правдою своею вечно в бесчестных людях, и не только кому, но и самому себе потом мерзок будет".

Салтыков, который не понимал, что доносить тайно есть обязанность, а доказать справедливость доноса бесчестно, так что доноситель и с своею правдою самому себе мерзок будет, - Салтыков написал племяннику: "Понеже уповал я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мне, и я думал, что писали вы очень благонадежно, что след какой покажется от вас. А как ныне по письмам от вас вижу, что показать вам нельзя: на чтоб так ко мне и писать, понеже и мне не очень хорошо, что и я вступил, а ничего не сделал. И будто о том приносил я напрасно, а то все пришло чрез письмо от вас ко мне, понеже вы изволили писать, что он говорил при многих других, а не одному, и я, на то смотря, и доносил, и то, стало быть, и мне не хорошо, что будто неправо я сказывал, и потому видно, что лучше б вам того не писать, что при многих сказывал, а после по письмам не так обошлось. Того ради я советую лучше против прежнего письма извольте отписать, какие он имел разговоры с вами, чтоб можно было произвести в действо. Понеже как для вас, так и для меня, что о том уже коли вступили, надобно к окончанию привести. Что же извольте причитать, что вам будет нехорошо, и то напрасно так рассуждается, худо бы к вам никакое не причтется, разве причтет тот, который доброй совести не имеет". Но Волынский отвечал, что его обязанность была донести тайно, обязанность же правительства - поверить ему на слово и не требовать доказательств: "Должность моя была к вам писать, и вам, конечно, надобно было о том сообщить той персоне, поверя мне, что я не лгу и не затею, в чем и теперь извольте мне поверить; я не солгу и не затею от себя, и для того не только ныне, и впредь от того, что писал, не отопруся никогда, но все, как было, не отрекаюся подробно сам донести, да только приватно, а не публично. Ежели б я ведал тогда, что так будет, как уже ныне по благодати господней видим, поистине я бы, несмотря на то, хотя бы кто лучше меня был, конечно, и здесь бы начало дела произвел явным образом, и то б мне

приличнее было, да не знал, что такое благополучие нам будет. И вправду донести, имел к тому немалый и резон: но, понеже и тогда еще дело на балансе было, для того боялся так смело поступать, чтоб мне за то самому не пропасть. Понеже прежде, нежели покажет время, трудно угадать совершенно, что впредь будет. И для того всякому свою осторожность иметь надобно столько, чтобы себя и своей чести не повредить".

Салтыков сердился, и вот к усилению его раздражения Синод пересылает в Сенат жалобу Сильвестра на Волынского, и тот обращается к дядюшке с просьбою о помощи и с оправданиями: "Есть ли какая моя вина по прихотям моим или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить никакого милосердия; а буде и то явится, что то на меня затеяно, прошу, чтоб я от такой наглой и нестерпимой мне обиды оборонен был. Для того я, ваше превосходительство, милостивого государя и отца, всепокорно прошу показать ко мне отеческую милость, пожаловать поговорить архиереям, также и господам сенаторам, чтоб приказали про меня, безо всякого мне послабления, исследовать, какие я кому делал обиды. Я столько смело доношу, что я готов подписаться на смерть, если он на меня что докажет дельно. Покажи божескую над мной милость, обороните меня, бога ради, от такого плута! Понеже столько меня замарал и запачкал, что я теперь никуда не гожусь и что многие, по его старости и чину, верят ему". Салтыков отвечал: "Мне кажется, государь мой, лучше жить посмирнее. Что из того прибыли, что много жалобы происходит. И так кроме архиерея жалуются много и толкуют о вас не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить посмирнее. Лучше вам будет самим. А как казанский архиерей сведал, что вы мне свой, то тотчас приехал ко мне и сказал мне, что истинно-де я не знал того, что Артемий Петрович свой тебе, а то б ни о чем просить не стал; хотя б де и обидно было, лучше б мог вытерпеть. И не знаю, - продолжает Салтыков, - для чего так вы, государь мой, себя в людях озлобили, что, сказывают, до вас доступ очень тяжел и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить. Которые на вас пункты подал архиерей, и, ежели то правда, что показано в пунктах, истинно мне очень удивительно. Не токмо чтоб поступать так, и стыдно слушать, как будут честь. Я не знаю, как изволишь так строго поступать. А я ведаю, что друзей вам почти нети никто с добродетелью о имени вашем помянуть не хочет. Я как слышал, что обхождение ваше в Казани с таким сердцем и, на кого сердишься, велишь бить при себе, также и сам из своих рук бьешь. Что в том хорошего и с таким сердцем на что поступал и всех озлобил? Я наперед сего до вас, государя моего, писал, чтоб вы прислали доношение против прежних своих писем (о Козлове). На что изволили ко мне писать: как-де я покажу себя в люди доносителем? А мне кажется, что разве кто не может рассудить, чтоб тебя мог этим порекать. А ныне сами-то себя показали присланные ваши два доношения на архиерея, в которых нимало какого действия, только что стыдно от людей, как будут слушать. Сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя как от архиерея, так и от других. Я вижу здесь, сколько вам недрузей на сколько друзей, что вы и сами известны; а я

воистину сколько могу, вас охраняю, однако ж трудно против многих охранять".

Вслед за тем Сильвестр подал новую жалобу Салтыкову на его племянника: Волынский пытал перед собою канцеляриста Плетеневского в застенке тремя стрястками смертно, спрашивая: что к вам архиерей и вы к нему пишете и в чем он в Москве на меня доносит? У Плетеневского выломали руки и ноги бревном: кроме того, губернатор с великим боем и нестерпимыми пытками производил следствие о церковных пошлинах, желая подыскаться под архиерея. В сентябре состоялся страшный для Волынского указ: "Казанскому губернатору Волынскому, пока исследовано будет по делу с архиереем, губернию не ведать, а ведать товарищу его Кудрявцеву". Волынский видел, что одно родство с Салтыковым не поможет, и отправил в Москву лошадей в подарок сильным людям. Некоторые приняли, другие нет; богач Черкасский принял двух иноходцев, сказавши "Хотя и мелки, только не стары". Но и лошади не помогли: Волынский лишен был совершенно губернии и получил приказ приехать в Москву. Волынского утешали, что эта перемена послужит ему в пользу; но он смотрел на дело иначе и отправил в Москву доверенного человека с наказом стараться, чтоб его не сменяли, а только во время следствия не заседать ему в губернской канцелярии и в команду не вступать; с другой стороны, и архиерея отрешить на то время от епархии, и Кудрявцеву не присутствовать в канцелярии, потому что у него с Волынским ссора. Он отправил прошение на имя императрицы, которое должен был дать ей Салтыков; по этому поводу Волынский писал дяде: "Ежели вы меня ныне оставите, истинно вам за то будет сам бог мститель, и я с печали умереть могу". Так как незадолго перед тем Волынский потерял жену, "человека доброго", по его словам, то он наказывал доверенному человеку "наведаться о невесте, нет ли какой".

Доброжелатели советовали Волынскому ехать как можно скорее в Москву; Волынский умолял оставить его в Казани до весны 1731 года; но просьба его не была исполнена, несмотря на оправдательную записку его, в которой он отвечал на каждый пункт Сильвестровых обвинений: некоторые из этих обвинений он решительно отрицал, другие поступки свои выставлял в ином виде, чем как они были представлены у Сильвестра. Например, относительно порубки рощи Волынский писал: "Все оное архиерей солгал, понеже того ничего не бывало, оная роща и теперь цела вся". Побои, нанесенные дьякону и дьячкам, Волынский объяснял тем, что эти люди купались перед его домом и за то были отогнаны прутьями: относительно стихаря утверждал, что обменял его на новый с согласия архиерейского, и т. д.

Волынский приехал в Москву, и в начеле 1731 года последовало назначение его в Украинский корпус. Но Волынский увидал в Москве, что беды еще не прекратились, врагов много; известно, как в это время тяготились персидскою войною, как сильно желали поскорей окончить ее,

и вот Волынский узнает, что его выставляют виновником этой ненавистой войны, этого бедствия! Волынский пишет в свою защиту: "Ежели принесено на меня то, будто я причиною был начинанию персидской войны, на сие ответственую. Не только я в том невинен, но ниже сам от себя его императорское величество Петр Первый сие намерение воспрять изволил, но последовал тем делом родителю своему, царю Алексею Михайловичу. о чем явно доказать можно. Понеже в Морском уставе имянно о том напечатано, как его царское величество воспрять намерение делать корабли и навигацию на Каспийском море и как вывезен был из Голландии капитан Давид Бутлер с компаниею мастеров и матросов, которые и сделали корабль, именуемый "Орел", да яхту, или галиот; но сему делу препятствовал бунтовщик Стенька Разин, который в нашествии своем на Астрахань оное начатое дело разорил и капитана Бутлера убил, и прочие той компании избиты, а двое из них, а имянно лекарь Иван Термунт да корабельный мастер Брант, ушли через Персию в Индию, откуда паки по умирении бунта возвратились в Москву, и лекарь Термунт во время государствования Петра Первого титулован доктором и взят ко двору и в крайней его величества был милости, от которого, а притом и от корабельного мастера Бранта о вышеупомянутом отеческом деле, также и о Персии изволил наслышаться, как я от его императорского величества о том сам слыхал. понеже до семисотого года присланы были мастера-иноземцы в Казань, которые сделали кроме галер и других мелких судов больших шмаков 150 или 160 такой пропорции, что на каждое судно можно было посадить для транспорта по 300 человек да провианта положить тысячи полторы или по две тысячи четвертей. Из которых судов уже несколько десятков сплавлены были к Астрахани еще в то время, когда там воеводою был Иван Алекс. Мусин-Пушкин, и несколько туда морских офицеров-иноземцев с матросами было отправлено; только и сему астраханскому флоту такое ж несчастье приключилось, как и первому, понеже, когда забунтовали там стрельцы, тогда, и оных офицеров и матросов побили, а суда оные разорили. И когда такие флоты начинали на Каспийском море оные славные монархи, отец и сын, какая там нужда была иметь военные корабли и иные великие суда, если б не имели издавна намерения воевать Персию? Не ведаю намерения царя Алексея Михайловича (понеже я тогда не родился); что же о его императорском величестве, конечно, могу без сомнения сказать поистине: не меньше великого Александра оный августейший монарх наш желал везде славу свою показать. Понеже по замыслам его величества не до одной Персии было ему дело. Ибо если б посчастливилось нам в Персии и продолжил бы всевышний живот его, конечно бы, покусился достигнуть до Индии; а имел в себе намерение и до Китайского государства, что я сподобился от его императорского величества по его ко мне, паче достоинства моего, милости сам слышать и кроме себя могу в том и ныне на сие его величества намерение и высокие замыслы несколько свидетелей представить, которые, надеюсь, многократно и пространнее, нежели я, сами от его величества о том слыхали. Буде же кто нарекает на меня и клепает тем, будто бы я

склонил его императорское величество и привел к тому, что он изволил воспринять поход свой в Персию, и то явная ложь, понеже памятуется мне, что я еще был в Турецкой земле, а его императорское величество изволил послать несколько морских офицеров и навигаторов в Астрахань описать Каспийское море и берега. А потом в прошлом, 715 году, не я искал, ниже желал быть в таком отдаленном, а паче в варварском государстве, токмо принужден ехать по воле его императорского величества и теперь имею инструкцию ту, которая тогда дана мне (следует изложение известной нам инструкции). Посему всякому добросовестному легко можно рассудить, что не по выезде моем из Персии, но за несколько лет прежде уже имел, конечно, его императорское величество оное свое намерение и что подлинно не я тому причина. И что же, мне ли б возможно было обуздать моими слабыми представлениями такого мудрого монарха и вести туда, куда б его величество сам итить не изволил, и потому б было не моей силы дело, понеже тогда уже его величество был в лучшей крепости совершенного мужества своего, а я моложе его величества был без мала двадцати летами? А какая деференция противо его величества в недостатке ума моего, о том, сколько я о себе ведаю, столько б и прочим знать мощно, понеже сие не закрытое, но всем было явное. Сверх того, представляю и сие последнее мое оправдание: когда его императорское величество изволил вступить уже в персидскую войну, видел совершенно сам в том деле многие неудачи и убытки в людях и в прочем, однако ж того ничего на мне взыскивать не изволил: сам его величество подлинно изволил ведать, что тому делу не я был виною, и не только Персию оставить не хотел, но и сам паки в прошлом, 1725 году итить был по вскрытии воды намерен, токмо то скорая смерть пресекла".

"А кто, злодействуя мне, говорил то, что его императорское величество гневался на меня в Низовом походе, и вменяет в том образе, будто б прогневался за неудачу персидского дела, и то подлинно солгано, понеже тогда еще ни Персию можно было рассмотреть, ни о будущих неудачах возможно было ведать, а сделалось сие мне несчастье таким образом: когда мы при его величестве перешли море и стал флот на якорях подле персидских берегов, повелел его величество, забавляясь, купать в море, начав с адмирала, всех до последнего (а притом и сам купаться изволил); между тем хотелось адмиралу и Петру Толстому, чтоб и я был купан, к чему и его величество склоняли: но я поупрямился в том, понеже тогда был пьян, и тем своим упрямством его величество прогневал; под то ж время получены были письма от бригадира Витерянова о взятии города, именуемого Андреева Деревня, который велено было тому бригадиру доставать, но он непорядочно в том поступал и потерял одного подполковника и с 80 человек драгун. Под такой случай адмирал и Толстой, злодействуя мне, привели его величество на наибольший гнев, претворяя себе в жалость о убытках так, как бы уже многие тысячи пропали, и притом рассуждали, что тем делом неприятелю, на кого шли, будто великий авантаж будет, и прочее тому подобное внушали его величеству, но оным господам ни побитых жаль было, ни о неприятеле

нужда рассуждать была, кроме что до меня одного было дело, чтоб тем больше повредить и ввести в побои, что по их желанию и сделалось. Понеже его величество скоро с адмиральского судна на свое изволил притить (хотя тогда и ночь была), однако ж изволил прислать по меня и тут, гневаяся, бить тростью, полагая вину ту, что будто тот город явился многолюднее, нежели я доносил, токмо всемилостивейшая государыня императрица до больших побой милостиво довести не изволила. Но хотя ж и претерпел я, однако ж не так, как мне, рабу, надлежало терпеть от своего государя, но изволил наказать меня, как милостивый отец сына, своею ручкою и назавтра сам всемилостивейше изволил в том обмыслиться, что вины моей в том не было, милосердуя, раскаялся и паки, как милосердый отец и государь наш, изволил меня принять в прежнюю свою высокую милость".

Но гораздо труднее было Волынскому отвечать на жалобы ясачных иноверцев, которые обвиняли его в лишних поборах. Волынский был арестован и признался, что взял с ясачных 2500 рублей за освобождение их от корабельной работы. В награду за признание его освободили и оставили в Москве, хотя он числился между генералами Украинского корпуса. С Сильвестром случилось хуже: он был впутан в дело Игнатия коломенского и в конце 1731 года сослан в Невский монастырь, но, как тогда обыкновенно водилось, в следующем году наказание усилено: его заперли в Выборгскую крепость.

Преследуя отдельные лица в духовенстве, правительство оставалось верно манифесту 17 марта. Мы видели, что при Петре II обращено было внимание на католическую пропаганду среди смоленской шляхты. При новой императрице в апреле 1730 года Сенат распорядился: присланного из Смоленска бернардина Вербитского, который вышел из-за польской границы в Россию для навращения русских обывателей в римскую веру, послать в Смоленскую губернию под караулом при указе, велеть его отдать за польскую границу тамошним командирам и объявить, чтоб таким в Российскую империю выход был запрещен; а если впредь такие будут выходить, то с ними поступлено будет по правам; также и на учрежденных форпостах смотреть накрепко, чтоб таких отнюдь не пропускать. Не хотели потакать и лютеранам. В Малороссии стоял отряд немецкого войска, взятый еще Петром Великим у герцога мекленбургского и потому известный под именем Мекленбургского корпуса. Черниговский епископ жаловался, что начальники этого корпуса не хотят хоронить своих мертвецов вне городов и сел, в определенных местах, самовольно хоронят при православных церквах и делают каменные капища, также принуждают священников приобщать св. тайн находящихся при них малороссиянок, по роду жизни своей этого недостойных: когда священник отрекается, то присылают к нему солдат, бранят, грозят побоями. Синод послал указ в Военную коллегия, чтоб как в Мекленбургском корпусе, так и в других местах находящихся на службе императорской лютеран, кальвинистов и других иноверцев при церквах не хоронили, над ними капищ не делали и

священников не обижали, а черниговскому епископу построенные капища велеть сломать. Относительно раскольников восстановлены были распоряжения Петра Великого и Синода его времени, по которым Питириму нижегородскому для обращения раскольников отданы были из синодальной области города Балахна, Юрьевец-Поволжский, Галицкий уезд по реку Унжу, Ярополч, Гороховец, Арзамас и Вязниковская слобода "для ревностного его преосвященства тщания, чтоб раскольническому суемудрию размножения не происходило". По смерти Петра Великого противодействие его распоряжениям шло дальше отобрания нескольких городов из Питиримовой епархии: в сентябре 1727 года по распоряжению Синода велено было отобрать от всех церквей службу св. Александру Невскому на 30 августа и запрещено праздновать святому в этот день, а велено праздновать по-прежнему 23 ноября. Теперь, в сентябре 1730 года, по именному указу императрицы и по определению Синода опять велено праздновать 30 августа.

Синод должен был обратить внимание на явление, которое приверженцы старины могли также приписывать вредному влиянию нового духа. Мы видели, что в допетровской России мужья легко отделялись от нелюбимых жен, заставляя их постригаться в монахини; теперь это было невозможно, и потому, естественно, должны были умножиться случаи разводов; для противодействия этому в декабре 1730 года издан был указ: которые люди с женами своими, не ходя к правильному суду, самовольно между собою разводиться будут, то отцам их духовным ни к каким разводным их письмам рук отнюдь не прикладывать под тяжким штрафом и наказанием и под лишением священства.

Мы видели, что с торжеством Феофана Прокоповича должно было восторжествовать требование образованности от духовенства, и потому вправе ожидать, что Синод, в котором новгородский архиепископ получил такую силу, выскажет громко это требование. Действительно, в конце 1731 года встречаем указ, в котором говорится, что по доношению ректора московской Славяно-греко-латинской академии священники, дьяконы и причетники не отдают своих сыновей в эту Академию вопреки указам Петра Великого, отчего число учеников умалилось и распространение учения пресекается; а вместо Академии духовенство отдает детей своих в разные коллегии и канцелярии в подьячие. Синод предписал духовенству отдавать детей своих в Академию без всякого отлагательства и отговорок и в подьячие не отдавать под страхом лишения чинов и бесщадного наказания; а в Сенат сообщено ведение, чтоб сыновей духовенства запрещено было принимать в подьячие и другие светские чины.

Таковы были правительственные распоряжения в два первые года царствования Анны. Относительно украин в августе 1730 года канцлер и вице-канцлер докладывали императрице о малороссийских денежных доходах, что в 1728 году положено разного звания сборов по 85577 рублей на год, а теперь не соизволит ли ее величество из тех сборов убавить до

указу, а именно: со пчел, за табачную десятину, с мостов, с перевозов и с гребель, отчего убудет 26624 рубля: императрица согласилась. Тут же князь Алексей Шаховской подтвержден министром при гетмане, и в тайной инструкции ему кроме обычных пунктов помещено: "Если бы стали ему говорить о сборе с Малороссии доходов, что прежде у них такой тягости не бывало, то отвечать: прежде, когда все сборы были в ведомстве гетманов, подскарбиев не было и ведали сборы гетманские люди, то по гетманской воле с одних доходы собирались, а с других нет; собранными деньгами сборщики корыстовались, расход им был непорядочный по одной гетманской воле, в войсковом скарбе ничего не оставалось, и народу была несносная и немалая обида; а теперь ее величество указала доходы собирать в войсковой их скарб с одних только промыслов для их же пользы и чтоб ее величество о доходе с них могла знать". Заметное в новом правительстве возвращение к мерам великого дяди не обещало Малороссии, что восстановленное при Петре II гетманство будет долго существовать. Это всего яснее обозначалось в письме Анны к находившемуся при гетмане императорскому министру князю Алексею Шаховскому от 31 декабря 1730 года. Письмо это было написано по поводу индуктного откупа, который, согласно указу Петра Великого, велено было отдавать только природным малороссиянам Шаховской имел неосторожность представить, что откуп лучше отдать Гавриле Владиславичу Рагузинскому, иначе прежние откупщики, севские жители Шереметцевы, возьмут его себе, подставив каких-нибудь малороссиян для наружного соблюдения закона. Раздраженная этим представлением императрица отвечала Шаховскому: "Доношение твое от 5 ноября не только нам удивительно, но и странно; ты в нем об индукте малороссийской такое делаешь представление, какова мы от тебя не надеялись, потому что должность твоя состоит в том, чтоб иметь прилежное смотрение об одних делах публичного интереса без всякой страсти, но из дела видно, что ты поступаешь более похлебственно или, паче чаяния, корыстно, потому: хотя гетман против Шереметцевых и имел бы какое нареkanie, и то надлежит прежде освидетельствовать, и если б найдено было что противное, то можно б тогда в том им отказать; а что угадыванием забегаешь, что Шереметцевы могут, малороссийского народа людей сыскав, в откупщики представить, а под их именем сами индуктою владеть и купечество разорять, то эта предосторожность без всякого основания: во-первых, ты знаешь, что дядя наш именным своим указом накрепко утвердил, чтобы индуктному откупу быть за малороссийскими природными обывателями; во-вторых, тех малороссиян, которые будут требовать, чтоб им дали на откуп, можно освидетельствовать, справиться о их состоянии и имуществе; в-третьих, как ты можешь дать Гавриле Владиславичу право считаться между малороссийскими жителями? Ты объявляешь, что он содержит индукту порядочно и купцы довольны; это может служить похвалою его персоне, но тебе в этом никакой выправки нет, ибо ты затем там и живешь, чтоб народ наш верный малороссийский от всяких обид и непорядков был охранен. Более всего чувствительно нам

то, что и ты, пристав к неосновательному рассуждению, стращаешь нас, что народ малороссийский, будучи легкомыслен, всякую новизну за противность принять может; объясни, что ты под этим разумеешь; а нам довольно известно, что при блаж. пам. дяде не только такое малое дело, о котором народ едва знает, *но самая перемена в правлении малороссийском от народа с великою благодарностию принята, только старшине, грабительства и других злых намерений ради, то было противно.* И так видно, что ты, последуя прежним нарушителям благоопределения дяди нашего, то же, что и они, делаешь и должностию своею пренебрегаешь. Мы слышим, что малороссийского народа в купечестве обращается самое малое число, но более торгуют греки, турки и жида; итак, нечего опасаться, чтоб легкомысленный народ новизну эту принял за противность, потому что в этом деле ни новости, ни великой народу простому пользы не обретается". Итак, императрица знала или ей внушили, что уничтожение гетманства при дяде ее большинством малороссийского народа было принято с великою благодарностию, но не понравилось только старшине из дурных побуждений.

Относительно прибалтийских областей замечательно было одно из заседаний Сената в июне 1730 года: слушали доношение ревельского губернатора и приложенную при том челобитную тамошнего рыцарства на ревельских депутатов. При этом Остерман собранию предлагал, что съездов и сеймов, о которых упомянуто в губернаторском донесении, без здешнего (т. е. сенатского) указа и без ведома губернаторского делать не надлежит.

И отдельные лица, имевшие причины быть довольными, и официальные органы прославляли в стихах и прозе, по-латыни и по-русски новое царствование. Феофан Прокопович воспевал:

Прочь уступай, прочь./ Печальная ночь!/ Солнце восходит,/ Свет возводит,/ Радость родит./ Прочь уступай, прочь./ Печальная ночь!/ Коликий у нас мрак был и ужас!/ Солнце Анна воссияла - / Светлый нам день даровала./ Богом венчанна/ Августа Анна!/ Ты наш ясный свет,/ Ты красный цвет./ Ты красота,/ Ты доброта,/ Ты веселие/ Велие./ Твоя держава - / Наша то слава./ Да вознесет бог/ Силы твоей рог,/ Враги твоя побеждая,/ Тебя в бедах заступая./ Рцыте, все люди:/ О буди, буди.

В "Петербургских ведомостях" писали из Москвы от 22 июня 1730 года: "Хотя ее величество еще непрестанно в Измайлове при нынешнем летнем времени пребывает, однако о государственных делах превеликое попечение иметь изволит, понеже не токмо Сенат здесь (т. е. в Москве) свои ежедневные заседания имеет, но такожде и два дня в неделю назначены, чтоб оному у ее императорского величества в Измайлове собираться, и в ее присутствии в среду иностранные, а в субботу здешние государственные дела воспринимать; такожде изволит ее величество сверх того министров до аудиенции ежедневно допускать". Извещая о поездке

Анны к Троице на праздник св. Сергия (5 июля), "Ведомости" прибавляют: "Изволила при отправлении службы божией всевышнему богу с великим благоговением молиться". В "Ведомостях" объявлялось также, что императрица экзерцировала полки. Под 15 марта 1731 года читаем: "Ее величество изволит еще непрестанно о правительстве неизреченное матернее попечение иметь. Ее императорское величество изволила вновь знак высокой своей природной императорской милости и великодушия явно показать: оставшуюся после бывшего князя Меншикова (умершего в Березове в октябре 1729 года) фамилию, сына и дочь, паки сюда привезти повелеть изволила. При прибытии оных, сына и дочери, в Москву поехали они прямо во двор ее императорского величества и представлены того ж часа в их черном платье, в котором они из ссылки прибыли. Сын пожалован по-прежнему в поручики Преображенского полка, а дочь в камер-фрейлины, и оным на надлежащий экипаж некоторую сумму денег с алмазными вещми пожаловать изволила".

Этим знаком великодушия к детям "неблагодарного раба", быть может, желали ослабить впечатление, производимое опалами. 25 февраля поставило новое правительство во враждебные отношения к двум самым видным фамилиям - Голицыных и Долгоруких; обе желательно было удалить, но боялись действовать круто и начинать царствование опалами; соображали, против которой из двух фамилий и против кого именно из ее членов можно безопаснее начать преследование. Разумеется, безопаснее всего было начать с Долгоруких. Фавор последних в предшествовавшее царствование и неумеренное пользование этим фавором возбудили к ним нерасположение очень многих. Иностранцы наблюдатели писали: "Радуются, что смерть Петра II убавит спеси у Долгоруких, которая стала нестерпима и своим и чужим; посланники австрийский и испанский по целым часам дожидались у них в передней, когда они пили кофе". Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая рассказывает, что когда в день въезда Анны она возвращалась из дворца домой и проезжала через полки, то одни кричали: "Это отца нашего невеста!", подбегали к ней: "Матушка наша, лишились мы своего государя!", а другие кричали: "Прошло ваше время, теперь не старая пора!" Мы видели, как возбуждалось общество против Долгоруких внушениями, что они захватили себе в руки всю власть и томят государыню, как пленницу. Несмотря, однако, на то, что Долгорукие не могли найти себе защитников, ждали, думали более месяца; лично ненавистного Анне князя Василья Лукича удалили в подмосковную; в продолжение нескольких дней Анна советовалась с Остерманом, и, наконец, 8 апреля Сенат получил указ за подписанием собственной руки императрицы, что действительный тайный советник князь Василий Долгорукий определяется губернатором в Сибирь; князь Михаил Долгорукий - в Астрахань; тайный советник князь Иван (Григорьевич) Долгорукий - воеводою в Вологду; князю Алексею Григорьевичу со всем семейством и брату его князю Сергею велено жить в дальних деревнях. В тот же день Сенат получил указ, что назначенный было Верховным советом в губернаторы в Нижний Петр Бестужев ссылается на житье в

дальние деревни: дочь его, княгиню Волконскую, велено было содержать в Тихвине девичьем монастыре под крепким караулом. Но участь ее приятеля, Абрама Петрова, была облегчена: в сентябре 1730 года Ягужинский объявил собранию Сената, что ее величество указала лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду графа фон Минихена, а ему определить его в Пернове к инженерным и фортификационным делам по его рангу.

Подождали еще несколько дней, прислушались - ропота нет, и ударили посильнее; быть может, также внушили, что озлобленные вельможи будут опасны как правители отдаленных областей. 14 апреля издан был манифест: "Объявляем во всенародное известие. Понеже всем нашим верным подданным известно есть, коим ненадлежащим и противным образом князь Алексей Долгорукой с сыном своим князь Иваном, будучи при племяннике нашем, блаженной памяти Петре Втором, императоре и самодержце всероссийском, не храня его величества дражайшего здравия, поступали, а именно: по пришествии его величества к Москве, во-первых, стали всеми образы тщиться и не допускать, чтоб в Москве его величество жил, где б всегда правительству государственному присматривался и своих подданных, как вышних и знатных чинов, так и прочих, обхождение видеть мог; но всячески приводили его величество, яко суще младого монарха, под образом забав и увеселения отъезжать от Москвы в дальние и разные места, отлучая его величество от доброго и честного обхождения, что тогда народу весьма прискорбно и печально было. И как прежде Меншиков, еще будучи в своей великой силе, ненасытным своим властолюбием его величество взяв в свои собственные руки, на дочери своей в супружество сговорил, так и он, князь Алексей, с сыном своим и с братьями родными его величество в таких молодых летах, которые еще к супручеству не приспели, богу противным образом, без всякого ближайшим кровным нашей императорской фамилии и прочим, которым ведать о том надлежало, сообщения, и Совету, и противно предков наших обыкновению, привели на сговор супружеством дочери его, князя Алексеевой, княжне Катерине. Многие и непорядочные, и противные дела, и в чины по своим прихотям, производили, о чем от нас впрямь рассмотрено и указом объявлено будет. Не храня его императорского величества дражайшего здравия и не имея о том попечения, непрестанными и дальними от Москвы отлучками не токмо в летние дни, но и в самые осенние студеныя времена и зимою привели к беспокойству, от чего его императорского величества здравью вред учинили и в последнюю его величества тяжкую болезнь, даже до дни кончины, о том министрам подлинно не объявили, но все то тайно содержали, не допуская знать не точию министров и прочих, но и придворных. Они ж, князь Алексей и сын его князь Иван, многий наш скарб, состоящий в драгих вещах на несколько сот тысяч рублей, к себе забрали и заграбили не точию при жизни племянника нашего, но и по кончине уже, при вступлении нашем на российский наш престол, что ныне указом нашим у них сыскано

и отобрано. И понеже все те продерзости и преступления чинили он, князь Алексей, с сыном своим князь Иваном и с братьями своими родными по согласию обще, за что по государственным правам подлежали жестокому истязанию; однако ж мы того чинить им не указали, а повелели ему, князь Алексею, женою и со всеми детьми и брату его, князь Сергею, с женою ж и с детьми жить в дальних их деревнях, а братьев его, князь Ивана и князь Александра, определить в отдаленные города воеводами и чины у всех у них, которые получили не по заслугам и к нам верности, також и кавалерии, данные им, у них отобрать. А князь Василья княж Лукина, сына Долгорукова, за многие его нам самой и к государству нашему бессовестные противные поступки, и что он, не боясь бога и страшного его суда и пренебрегая должность честного и верного раба, дерзнул нас весьма вымышленными и от себя самого токмо составными делами безбожно оболгать и многих наших верных подданных в неверство и подозрение привести, как он в некоторых делах уже сам повинную принес; и за такие его преступления, хотя и достоин был наижесточайшему истязанию, однако ж мы, милосердуя, пожаловали вместо того, указали, лиша всех его чинов и кавалерии сняв, послать в дальнюю его деревню, в которой жить ему безвыездно за крепким караулом".

Таким образом, одни из Долгоруких наказывались за явные вины: князь Василий Лукич - за какую-то таинственную вину против самой императрицы. В следующих показаниях князя Василия находится любопытное известие, относящееся к описываемому времени. "Как ее императорское величество соизволила шествовать в Москву, и в то время, будучи в пути, - доносил он, - что духовная о наследствии княжны Екатерины сочинена и ныне помнится ему, что и о том, что оную подписал князь Иван, он доносил же, и по пришествии ее величества в Москву, как он выслан был в подмосковную, и тогда приезжал к нему генерал Чернышев и об оной духовной его спрашивал, и он, сожалея своих братьев, сказал, что не помнит, доносил ли ее величеству о духовной. И потом приехал к нему князь Александр Григорьевич Долгорукий и говорил, что прислал к нему брат его Алексей и приказал сказать: ежели будут его, князь Василия, спрашивать о духовной, чтоб он отнюдь не мог сказывать, понеже от того можем пропасть; и после того приехал к нему гвардии капитан Хрущев и спрашивал его об оной же духовной, и он, сожалея своих братьев, сказал, что он, князь Василий, доносил государыне ложно, желая чрез то получить ее милость". Но действительно, по какому побуждению мог князь Василий сказать об этом Анне во время дороги? Неужели для того, чтоб получить ее милость? Вероятнее для того, чтоб напугать ее известием о существовании духовной в пользу княжны Долгорукой; что же касается до подписи духовной князем Иваном, то сам князь Василий говорит, что *помнится ему*, что доносил и об этом: при вторичном страшном допросе ему было выгодно сказать так, хотя и тут он не решился сказать утвердительно.

Теперь пока и за это донесение с последующим отрицанием князь Василий подвергался обвинению в оболгании, обмане, хотя таинственное обвинение главным образом относилось к другому. "Так ты, князь Василий Лукич, меня обманул", - сказано ему было 25 февраля. Фельдмаршала князя Василия Владимировича Долгорукого не тронули: он остался с прежним значением. Еще более опасались тронуть Голицыных. Люди, господствовавшие при дворе, - Левенвольд, сделанный обер-гофмаршалом, и фаворит Бирон - хотели *разделя властвовать*, говорили, будто они послали сказать Голицыным, что если они будут держаться их стороны, то они помогут им и будут их верными друзьями. Действительно, фельдмаршал князь Михаил Михайлович Голицын при коронации был пожалован волостями, селами и деревнями в Можайском уезде из дворцовых, сделан был президентом Военной коллегии; но Голицыны могли тотчас же заметить, что приближения и влияния на дела им не дадут. Самый приближенный человек, фаворит, был иностранец низкого происхождения. Анна и Бирон понимали очень хорошо, что русские люди, и прежде всего русская знать, не могли сносить этого спокойно; Анна и Бирон чувствовали, что есть оскорбленные, и, естественно, оскорбители питали неприязнь к оскорбленным. Естественно было окружить себя людьми, которые не могли быть оскорблены иноземством фаворита, для которых он был свой и давний приятель; таков был Остерман, умнейший и опытнейший государственный человек в делах внешних и внутренних, которого сами русские признавали необходимым: таков был неразлучный друг Остермана Левенвольд. Но у русских две военные знаменитости, два фельдмаршала - Голицын и Долгорукий; надобно противопоставить им своего, и такой есть - генерал-фельдцейгмейстер Миних, военный талант первоклассный: Миних является председателем упомянутой нами выше Комиссии об исправлении военной части в России. Таким образом, опираясь на Остермана в делах внутренних и в делах внешней политики, на Миниха в делах военных, на Левенвольда при дворе, можно быть покойну. Можно ласкать и русских, людей неопасных, без претензий: таков князь Алексей Михайлович Черкасский, знатный человек и первый богач, но не опасный по личным средствам, способный удовольствоваться одним почетом; Салтыковы - родственники императрицы - также не опасны по личным средствам: великий канцлер граф Головкин и в молодости не отличался беспокойным характером: его можно держать в большом почете как развалину славного царствования великого дяди; беспокоен, и очень беспокоен, зять его Ягужинский; но с одним человеком можно справиться.

Еще перед коронацией фельдмаршал Голицын со слезами жаловался на презрение, какое оказывают заслуженным особам. Во время коронации (28 апреля) Голицыны представляли печальную фигуру: императрица не удостоивала их взглядом, тогда как особенное внимание оказывала Остерману, пожалованному в графы, и князю Черкасскому. Против заслуг графа Андрея Ивановича трудно было спорить; князь Черкасский - знатный человек и в последнюю смуту очень выдвинулся своим усердием. Но неизвестный курляндец Бирон пожалован в обер-камергеры, наследство

прежнего фаворита, князя Ивана Долгорукого, украшен кавалериями! Он пожалован в обер-камергеры за то, говорилось в рескрипте, что "сиятельный, особливо нам любезно верный граф Яган Эрнест фон Бирон, чрез многие годы будучи в нашей службе при комнате нашей (камергером), во всем так похвально поступал и такую совершенную верность и ревностное радение к нам и нашим интересам оказал, что его особливые добрые квалитеты и достохвальные поступки и к нам показанные многие верные, усердные и полезные службы не инако как к совершенной всемилостивейшей благоугодности нашей касаться могли".

Уже в мае 1730 года иностранные министры замечают, что Бирон и Левенвольд управляют императрицею как хотят и русские ненавидят этих немцев, но сзади их стоит Остерман и управляет империею. Против неудовольствия надобно принять меры. Надобно увеличить число гвардейских полков. Князь Михаил Михайлович Голицын, будучи главнокомандующим Украинскою армиею, составил из мелкой шляхты шеститысячный корпус милиции; из этого корпуса выбрано было 2000 человек для составления нового гвардейского полка, который назван Измайловским по имени села Измайлова, любимого подмосковного пребывания императрицы. Князь Голицын надеялся, что ему в благодарность будет поручен выбор офицеров, но императрица сама назначила графа Карла Густава Левенвольда полковником нового полка и поручила ему набрать остальных офицеров "из лифляндцев, эстляндцев, и курляндцев, и прочих наций иноземцев и из русских". Этот Левенвольд был брат обер-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольда; в звании лифляндского ландрата явился он в Москву в числе других депутатов, приехавших просить новую императрицу о подтверждении лифляндских привилегий, остался в Москве, был пожалован генерал-лейтенантом, а потом обер-шталмейстером. Шотландец Кейт, перешедший из испанской службы в русскую, назначен был подполковником Измайловского полка.

Национальное чувство было сильно оскорблено, но в то же время обнаружилось посягательство и на материальное благосостояние. Мы видели, что уже в Курляндии жаловались на сильную роскошь, которою отличался двор герцогини-вдовы. Сама Анна любила роскошь, развлечения, празднества: люди, к ней близкие, чужие для России, спешили весело пожить на чужой счет, ибо получали деньги даром от щедрот императрицы. И вот праздник следовал за праздником, бал сменялся маскарадом, и отличались они необыкновенною роскошью, требовали огромных издержек. "Во всем городе устроены иллюминации, и такие великолепные, подобных которым не видали в этой стране. Вчера мы были приглашены во дворец, где был бал и ужин, и никогда не видал я такого блестящего праздника и такого отличного ужина. Вы не можете себе вообразить роскошь этого двора. Я был при многих дворах, но могу уверить, что здешний двор своею роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие, не исключая и французского". Так писали иностранные министры к своим дворам; но у нас есть и русские

официальные известия, из которых видим, что не пропускалось никакого случая для празднества; в 1731 году, 15 февраля, праздновали даже годовщину публичного въезда Анны в Москву. В "Петербургских ведомостях" писали по этому случаю: "Кушали при дворе все иностранные и здешние министры с знатнейшими дамами. Пополудни был бал, причем такожде и машкарадом увеселялись; в 10 часу ввечеру имеет изрядный фейерверк зажжен быть". От 18 февраля известие из Москвы: "Машкарадом здесь еще и поныне непрестанно забавляются (маскарад начался 8 февраля), причем машкарадное платье всегда переменяется. Итальянские придворные комедианты короля польского сюда уже прибыли и будут на сей неделе первую комедию при дворе действовать". Известие от 25 февраля: "В прошедшее воскресенье был машкарад при дворе: во вторник был машкарад у великого канцлера, а потом - у фельдмаршала князя Долгорукого, сегодня - у вице-канцлера Остермана".

Не забудем, что эти великолепные праздники, "причем машкарадное платье всегда переменялось", происходили в государстве чрезвычайно бедном. Знать была очень небогата: обязанная службою, она, если б даже хотела и умела, не могла успешно заниматься хозяйственною деятельностью, откуда и неодолимое у многих стремление увеличивать свои скудные доходы служебными же средствами на счет казны, на счет управляемых и подсудимых. При Петре Великом было тяжело, принуждены были для нужд военных и преобразовательных платить много: разорил Петербург, где нужно было строить дома, где жизнь была дорога вдали от деревень, доставлявших продовольствие; но зато не было никакой роскоши, сам царь подавал пример сокращения расходов вследствие умеренности и простоты жизни. При Екатерине I и Петре II отдохнули от войны и сильного преобразовательного движения, успели перебраться и в Москву; удобства жизни увеличивались, но роскоши заметно не было. Теперь, со вступлением на престол Анны, начинается сильная роскошь: к каждому празднику новое платье! До сих пор богатый человек, т. е. имевший много деревень, доставлявших ему много съестных припасов, показывал свою роскошь тем, что давал сытные пиры, кормил много приживальцев и приживалок, содержал большую дворню, множество лошадей; но денег было мало. и потому не щеголяли переменным платьем, не стыдились, но старине, носить платье отцовское и материнское: а теперь требуется к каждому празднику новое платье: где же взять денег на покупку дорогих заморских материй? Приходится продавать деревни! Ропот страшный: вздыхают о временах Петра Великого, о знаменитых. теперь уже, несмотря на близость, баснословных временах простоты и умеренности, временах гонения на роскошь. Неудовольствие не могло ограничиться знатью, людьми, имеющими проезд ко двору. В мирные царствования Екатерины I и Петра II при убеждении, что надобно льготить крестьянина, от благосостояния которого зависит благосостояние других частей народонаселения, смотрели сквозь пальцы на доимки; по за чем теперь вдруг приводятся в исполнение строгие указы против доимок? Разве нужно заводить снова войско и флот, разве снова швед вступил в русские

пределы? В три месяца помещики, архиереи и монастырские власти должны заплатить доимки: на помещиках или их приказчиках офицеры правят доимки. Войны нет - куда же пойдут деньги? На фаворитов-немцев, на балы и маскарады!

В связи с неудовольствием на роскошь было дело Румянцева. Мы видели, что один из близких к Петру Великому людей был отправлен с дипломатическо-военным поручением на персидско-турецкие границы. Румянцев, игравший такую роль в деле царевича Алексея, разумеется, не мог пользоваться особенною благосклонностию правительства в царствование Петра II. При Петре Великом он получил часть деревень, отобранных у Лопухиных и других опальных; при Петре II у него отобрали эти деревни для возвращения прежним владельцам. Анна, рассчитывая на неудовольствие Румянцева предшествовавшим царствованием и желая приобрести верного слугу в видном генерале и, главное, в одном из любимцев великого дяди, не могшем иметь ничего общего с Голицыными и Долгорукими, вызвала Румянцева в Москву и приняла необыкновенно любезно: он был сделан сенатором, подполковником гвардии, получил 20000 рублей в вознаграждение за отобранные при Петре II деревни. Но императрица и фавориты ошиблись в расчете: Румянцев был человек совершенно петровского закала: господство немцев и роскоши при дворе его возмутили; он столкнулся с братом Бирона и отделал его. При дворе забили тревогу: Анне стали внушать, что она жестоко ошиблась в Румянцеве, что это человек подозрительный, как любимец Петра Великого, он радеет потомству своего благодетеля. Императрица призывает его к себе, упрекает в неблагодарности, говорит, что она не может оставить его подполковником гвардии, как человека, к ней нерасположенного, но назначит его президентом одной из финансовых коллегий. Румянцев отвечает, что он всегда служил верою и правдою, что, будучи всегда солдатом, он ничего не смыслит в финансах, и, разгорячившись, начинает высказывать то, что было на душе у русских людей; говорит, что он не умеет выдумывать средств для удовлетворения роскоши, введенной теперь при дворе. Тут Анна прервала его, выгнала вон, велела арестовать и отдать на суд Сената. Сенат решил, что Румянцев за неповиновение воле императрицы достоин смерти; Анна переменяла смертную казнь на ссылку в казанские деревни; Александровская лента была с него снята и 20000 р. взяты назад. Опала Румянцева, явившегося героем, произвела страшное раздражение против немцев. Польский посланник Потоцкий в разговоре с секретарем французского посольства Маньяном сказал: "Боюсь, чтоб русские теперь не сделали того же с немцами, что сделали с поляками во время Лжедмитрия, хотя поляки и не подавали таких сильных причин к ожесточению". Маньян отвечал ему: "Не беспокойтесь: тогда не было гвардии, а теперь у русских нет вождя по смерти фельдмаршала Голицына".

Голицын умер в конце 1730 года, и легко понять, как отлегло на сердце у фаворитов. Оставался другой фельдмаршал - из Долгоруких; ему передали

место Голицына, президентство в Военной коллегии; но и он недолго оставался в покое. Долгоруких продолжали казнить постепенно, жечь медленным огнем. После известных распоряжений относительно их участи в апреле в середине 1730 года последовали новые распоряжения: князя Алексея с детьми сослали в Березов; князя Василия Лукича - в Соловки, князя Сергея - в Ораниенбург, князя Ивана Григорьевича - в Пустозерск, мать князя Алексея - в Ораниенбург. Судьба князя Алексея не могла возбуждать сожаления, потому что одновременно с этими распоряжениями в журналах Сената записывалось: "Допущен был действительный статский советник Шереметев и подал за своею да за князя Петра Черкасского и князя Якова Голицына руками доношение и при нем реестр забранным из дому покойного дяди их, генерал-адмирала графа Апраксина, князь Алексеем Долгоруким безденежно вещам, и чтоб те вещи или за них деньги к ним возвратить". Но в конце 1731 года издан был манифест, из которого узнали, что самый видный и самый почтенный из Долгоруких за какие-то таинственные преступления заточен в крепость. "Хотя всем известно, - говорилось в манифесте, - какие мы имеем неусыпные труды о всяком благополучии и пользе государства нашего, что всякому видеть и чувствовать возможно из всех в действо произведенных государству полезных наших учреждений, за что но совести всяк добрый и верный подданный наш должен благодарение богу воздавать, а нам верным и благодарным подданным быть. Но кроме чаяния нашего явились некоторые бессовестные и общего добра ненавидящие люди, а именно: бывший фельдмаршал князь Василий Долгорукий, который, презря нашу к себе многую милость и свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен; да бывший гвардии капитан князь Юрий Долгорукий, прапорщик князь Алексей Борятинский, Егор Столетов, которые, презрев свою присяжную должность, явились в некоторых жестоких государственных преступлениях не токмо против нашей высочайшей персоны, но и к повреждению государственного общего покоя и благополучия касающихся, в чем обличены и сами признались, а потом и с розысков в том утвердились. За которые их преступления собранными для того министры и генералитетом приговорены они все к смертной казни. Однако ж мы по обыкновенной своей императорской милости от той смертной казни всемилостивейше их освободили, а указали: отобрав у них чины и движимое и недвижимое имение, послать в ссылку под караулом, а именно: князь Василья Долгорукова - в Шлиссельбург, а прочих - в вечную работу: князь Юрья Долгорукова - в Кузнецк, Борятинского - в Охотский острог, а Столетова - на Нерчинские заводы".

Двоих русских фельдмаршалов нет более - один в могиле, другой в крепости. У русских нет вождя, говорит умный француз, и потому недовольствие их неопасно. Сила немцев упрочена, потому что у них есть вожди - Остерман. Миних. Как же это случилось, что русские очутились

без вождей, куда исчезли люди, которых оставил России Петр Великий? Много важных задач завещал решить русским людям преобразователь, для чего так старался возбудить их духовные силы, приучить к самодеятельности, к действию сообща; но самая важная задача состояла в том, чтоб выйти невредимо из страшной опасности, необходимо связанной с преобразованием: выучиться всему нужному у чужих, не давши учителям значения больше, чем сколько им следовало, сохранить свое национальное достоинство, удержав за своею национальностью господство. Мы видели, как Петр заботливо охранял достоинство русской национальности, как высоко держал ее знамя, как, привлекая отовсюду полезных иностранцев, не давал им первых мест, которые принадлежали русским. Петр оставил судьбу России в русских руках. Чтоб такой порядок вещей продолжался, нельзя было ограничиться одним физическим исключением иностранцев; для этого нужно было поступать так, как учил Петр Великий: не складывать рук, не засыпать, постоянно упражнять свои силы, сохранять старых людей способных и продолжать непрестанную гоньбу за новыми способностями. Появление Остермана между членами Верховного тайного совета показывало, что русские люди, стоявшие наверху, не могли преодолеть искушения сложить тяжелый труд изучения подробностей на даровитого и приготовленного иностранца. Это бы еще не беда: для такого человека, как Остерман, можно было сделать исключение и из правила Петра Великого. Но что всего хуже, русские люди, оставленные Петром наверху, начинают усобицу, начинают истреблять друг друга. Двое людей, которые при соединении своих сил были так могущественны, что дали престол Екатерине, начинают усобицу, и Меншиков засылает Толстова в Соловки; чрез несколько месяцев сам Меншиков очутился в ссылке; по смерти Петра II дворянство и генералитет, раздраженные олигархическими стремлениями верховников, выдают их новому правительству, и в два года не досчитываются двоих даровитых деятелей - князей Василия Владимировича и Василия Лукича Долгоруких; смерть поражает фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, и чрез это отнимается значение у брата его, князя Дмитрия. Апраксин умер еще при Петре II, Головкин одряхлел, да и никогда не отличался энергиею; из знаменитостей Петровского времени остался один Ягужинский, по один в поле не воин. Ряды разредели; на Салтыковых и Черкасских не было благословения Петра Великого, и на праздные места выступают таланты, завещанные также преобразователем, но иностранцы - Остерман и Миних. Можно было помириться с возвышением этих иностранцев, очень даровитых и усыновивших себя России, неразрывно соединивших свою славу с ее славою, благоговейно чтивших память великого человека, давшего их России; но нельзя было помириться с теми условиями, которые их подняли и упрочили их значение: перед ними стоял фаворит обер-камергер граф Бирон, служивший связью между иностранцами и верховною властью. Бирон и Левенвольды, по личным своим средствам вовсе не достойные занимать высокие места, вместе с толпою иностранцев, ими поднятых и им подобных, были теми паразитами, которые

производили болезненное состояние России в царствование Анны. Бирон, красивый и привлекательный в своем обращении господин, нравившийся не одним женщинам, но и мужчинам своею любезностью, не был развращенным чудовищем, любившим зло для зла; но достаточно было того, что он был чужой для России, был человек, не умерявший своих корыстных стремлений другими, высшими; он хотел воспользоваться своим случаем, своим временем, фавором, чтоб пожить хорошо на счет России; ему нужны были деньги, а до того, как они собирались, ему не было никакого дела; с другой стороны, он видел, что его не любят, что его считают не достойным того значения, какое он получил, и по инстинкту самосохранения, не разбирая средств, преследовал людей, которых считал опасными для себя и для того правительства, которым он держался. Этим стремлениям было достаточно для произведений *бироновщины*.

В начале царствования, именно в апреле 1730 года, издан был указ против ложных доносов; велено было обнародовать, в какой силе состоят первые два пункта; запрещено верить доносам воров и разбойников, приговоренных к смерти, "дабы, продолжая живот свой, не затевали и невинные бы по лживым их доносам напрасно не страдали". Но в марте 1731 года нашли нужным восстановить учреждение, известное под именем Преображенского приказа и уничтоженное, как мы видели, при Петре II: восстановленное учреждение было поручено генералу Ушакову и получило название Канцелярии тайных розыскных дел. Тайные дела были взяты из Сената, потому что, как сказано в указе, они мешали отправлению прочих государственных дел. И относительно других дел поспешили избавиться от многолюдного собрания сенаторов, между которыми были люди неприятные. Еще в начале царствования, в апреле 1730 года, в высших сферах носились слухи об учреждении Кабинета или Совета из четырех или пяти приближенных лиц. Но только 10 ноября 1731 года был дан указ Сенату: "Для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел, к собственному нашему всемилостивейшему решению подлежащих и ради пользы государственной и верных наших подданных, заблагорассудили учредить при дворе нашем Кабинет и в оный определить из министров наших канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, действительного тайного советника князя Черкасского". На следующий день новый указ: "Ныне мы, ревнуя закону божию и имея о верных наших подданных богоугодное попечение, чтоб всем суд происходил нелицемерный, неотменно и безволочитно, по учреждению нашего Кабинета заблагорассудили из всех обретающихся здесь вышних и нижних судебных правительств, как из Сената и из Синода, так из коллегий, приказов и канцелярий, для собственного нашего в тех челобитчиковых делах усмотрения, безволочитно ль оным решения бывают, собирать в Кабинет наш краткие рапорты помесячно".

Так же рано, в мае 1730 года, императрица начала уже публично говорить о переезде в Петербург, даже назначала для этого время - следующую зиму, но прибавляла при этом, что не останется в Петербурге навсегда, главная

резиденция будет в Москве. Зима прошла, двор оставался в Москве: только в конце 1731 года переезд в Петербург был решен окончательно. Мы видели, что фельдмаршал Долгорукий вместо Петербурга отправился в Шлиссельбург; из старых верховников возвращались в Петербург граф Головкин, князь Дмитрий Михайлович Голицын и Остерман. Генерал-прокурор Ягужинский не переехал в Петербург; это был беспокойный и опасный человек, способный усиливать глазную болезнь, которою часто страдал Остерман. В 1731 году, в праздник восшествия на престол Анны, Ягужинский во дворце, выпивши или, как говорят, притворившись пьяным, принялся бранить Остермана и брата его, мекленбургского посланника; императрица, любившая подобные сцены, смеялась и говорила, что это действует вино; но Остерман не смеялся и говорил: "Жаль, что закон не позволяет обиженному самому отомстить обидчику". На другой день Анна сделала Ягужинскому легкий выговор; тот клялся, что ничего не помнит, что наболтал под влиянием бахуса, и, по обычаю, давал зарок не пить больше. Императрица не выдавала Ягужинского, а тут еще новая связь но жене: третий сын графа Головкина, Михаил, женился на княжне Ромодановской, двоюродной сестре императрицы (княгиня Ромодановская и царица Прасковья Федоровна были родные сестры). Несмотря на то, к концу 1731 года успели удалить и Ягужинского в почетную ссылку - отправили его посланником в Берлин. Был еще человек неудобный, хотя и не так опасный и беспокойный, как Ягужинский, - то был старый вице-канцлер Шафиров, о котором не переставали твердить как о человеке способностей необыкновенных; Меншиков хотел заслать его в Архангельск; теперь послали его в противоположную сторону, на персидские границы, с важным дипломатическим поручением. В августе 1730 года действительный статский советник барон Петр Шафиров призван был в Сенат, и пред собранием объявлен ему указ ее императорского величества о бытии в Гиляни вторым полномочным министром. Шафиров доносил, что он ее императорскому величеству со всякою верностью и усердием служить готов, только имеет великие болезни и беспамятство, и чтоб от того в делах ее величества не учинились упущения; к тому ж он, Шафиров, одолжал немалыми долгами, и отправиться ему туда нечем, и просил о том доложить ее величеству. Средства, с чем отправиться, были даны; на болезни и беспамятство не обратили внимания. Опасные и беспокойные люди были все отстранены; с Головкиным и Черкасским Остерману было легко отправиться в Петербург; князь Алексей Михайлович одно время побеспокоился было: у него была одна только дочь, наследница громадного имения, на которое обратил внимание Левенвольд и предложил княжне свою руку. Отец был в страшном затруднении: сильно не хочется выдать дочь за Левенвольда и отказать нельзя; согласился; обручили; но наверху сочли неудобным огорчать Черкасского и позволили разорвать дело даже после обручения.

В начале 1732 года двор был уже в Петербурге. Оставленный в Москве главнокомандующим, обер-гофмейстер и генерал Семен Салтыков получил следующий наказ: 1) чтоб во всем здесь, на Москве, надлежащий добрый

порядок содержать и всякие неурядки, конфузии и замешания по крайней возможности престоережены и отвращены были. 2) И для того надлежит ему как явно, так и под рукою за оставшимися здесь как главными, так и прочими управителями, коллегиями и командирами прилежно смотреть, дабы все их поступки были порядочные и каждый должность свою по своему званию с таким верным радением и прилежанием отправлял, как по присяжной всеподданнической должности надлежит. 3) А ежели б кто тому противно поступал, то не токмо нам о том немедленно доносить, но и, смотря по важности дела, с общего сношения с оставшимися здесь сенатскими членами, с таким поступать, как наши указы и регламенты повелевают. 4) А ежели б такое дело случилось, о котором ему б и сенатским членам сообщить было невозможно и которое б времени не терпело, то в таком случае чинить и ему одному все то, что к нашим интересам и к престоережению опасных неурядков потребно будет, и нам о том без всякого упущения времени репортовать. 5) Ему ж прилежно в Сенате присутствовать и смотреть, дабы дела порядочно и во всем по нашим указам и регламентам в оном отправлены были без всякой волокиты и остановки. 6) Надлежит же ему смотреть, дабы оставшиеся здесь батальоны от полков гвардии нашей в добром порядке и военной дисциплине содержаны были, тож смотреть и за прочими здешней команды полевыми полками и чтоб она команда порядочно и по военным нашим регламентам во всем отправлена была. 7) Впрочем, имеет он обо всем, что здесь происходить станет и к нашему ведению для интересов наших принадлежит, нам часто и обстоятельно доносить, и в прочем сии пункты весьма секретно содержать, и никому, кто б ни был, об оных сообщать или объявлять.

Обратимся к делам внешним.

Смерть Петра II, разумеется, должна более всего огорчить австрийский двор: цесаревне не решились вдруг объявить об этом несчастье, но приготовили ее исподволь; узнавши, она сказала, что сердце ее с самого начала предчувствовало беду. Цесарь, выслушав у Ланчинского извещение о смерти Петра и восшествии на престол Анны, отвечал: "Сердечно сожалеем о преждевременной кончине государя, подававшего такие великие надежды; потеря нам очень чувствительна как по дружбе, так и по свойству, но преклоняемся пред волею божию. Похвальна осторожность российских чинов, что праздный престол немедленно заместили: и с новою царицею мы готовы продолжать ту же дружбу и обязательство, какие имели с покойным царем и его предшественниками". Прусский король обнадеживал также своею дружбою новую императрицу; но особенную радость Фридрих-Вильгельм обнаружил, когда узнал о восстановлении самодержавия в России: за столом пил за здоровье Анны из большого бокала и давно не был так весел. "Теперь, - говорил он, - я уже не стану смотреть на Польшу в делах курляндских". Король шведский изъявил желание усилить дружбу с русскою государынею; король польский обнадеживал постоянною дружбою и *партикулярным* почтением. В

Копенгагене радовались всего более, что преемницею Петра была Анна, ибо видели в этом утверждение своей безопасности со стороны России.

Прежде всего нужно было покончить с Персиею, где Тахмасиб брал верх над Эшрефом благодаря знаменитому визирю своему Тахмасу Кулы-хану. Посол Тахмасиба находился в начале 1730 года в Москве и в конференции объявил следующие пункты: 1) чтоб Россия помогла его шаху очистить его государство от неприятелей, после чего шах уступит императрице все провинции, как занятые русскими войсками, так и обещанные в договоре, заключенном с Петром Великим; 2) если же с русской стороны помощи не будет, то Россия должна возвратить ему все провинции, и дружба и торговля между обоими государствами будет по-прежнему, русским купцам дастся позволение торговать в Персии беспошлинно, также дадутся им места для построения домов, где они сами пожелают; 3) так как турки и афганцы очень непостоянны, и потому русские не должны им ни в чем верить: они могут у России обманом взять персидские провинции, чего шах не сделает.

Иностранная коллегия представила рассуждение о мерах для успешнейшего окончания персидских дел. В рассуждении говорилось, что у России с Турциею заключен был договор, в котором оба государства обязались покончить персидские дела с общего согласия. Несмотря на то, турки, увидя силу Эшрефа, заключили с ним формальный трактат без согласия России. Эшреф теперь побежден законным шахом Тахмасибом, который усиливается и, по всем вероятностям, утвердится на персидском престоле. Порта всеми способами старается помириться с Тахмасибом и сильно вооружается, чтоб тем скорее склонить его к миру или в противном случае силою оружия удержать за собою завоеванные места. Так как сомнительно, чтоб шах Тахмасиб вдруг согласился на уступку Турции занятых ею областей, то Порта предлагает России исполнить договор, т. е. окончить персидские дела с общего согласия; это она делает нарочно, чтоб Россия не заключала отдельного договора с Тахмасибом или, что еще хуже, не соединилась бы с ним против Порты. Россия хотя также, по примеру Турции, заключила договор с Эшрефом, но при этом не порвала сношений и с Тахмасибом, которого посол и теперь находится в Москве. С одной стороны, война персидская ее императорскому величеству очень убыточна и тяжка становится, а содержание завоеванных персидских провинций очень трудно, и едва ли когда-нибудь могут быть получены от них выгоды, каких сначала ожидали; с другой стороны, турки не желают расширения и утверждения русского владычества в Персии, точно так, как и усиление турок там противно русским интересам, и Россия никаким образом не может допустить турок до Каспийского моря: на этом основании еще генерал-фельдмаршалу князю Долгорукому даны были указы, подтвержденные потом и Левашову, - если усмотрят, что в Персии утвердится такой владетель, который в силах поддержать себя, то заключить с ним мир, хотя бы и с уступкою занятых областей. Из этого краткого предисловия видна уже дорога, по которой надобно будет идти в

настоящем деле, но здесь, однако, должно различать две части: отношения турецкие и отношения собственно персидские.

Так как турецкие дела в Персии находятся не в цветущем состоянии, то нельзя думать, чтобы Порта могла объявить войну России, особливо зная союз ее с цесарем, и потом персидская война становится туркам очень тягостна. Поэтому они предлагают теперь России решить персидские дела с общего согласия, и если бы на турок можно было положиться, если б можно было ожидать от них умеренности, то этот способ и для России был бы самый надежный: но на турок полагаться нельзя; гораздо более вероятно, что они предлагают это только для того, чтоб усыпить Россию: притом дальнейшие военные действия в Персии, если б Порта по общему соглашению стала их требовать, тяжелы для России, тем более что она никаких дальнейших завоеваний себе там не желает, и эти действия могут приносить пользу одним туркам. Но так как русский интерес требует, чтобы Порта одна, без соглашения с Россиею, не оканчивала своих дел с шахом Тахмасибом, то надобно подать Порте надежду, что ее императорское величество склонна поступать в персидских делах с общего согласия, и в то же время всевозможно стараться отводить Турцию от отдельного примирения с шахом. Для успеха в этом деле необходимо поступать с твердостью и всегда быть в состоянии в нужном случае дать надлежащий отпор, ибо общее и неопровержимое правило говорит: кто хочет избежать войны, тот должен быть всегда к ней готовым.

Что касается Персии, то там надобно поступать по-прежнему, именно подтвердить Левашову, чтоб старался как можно скорее заключить договор с шахом Тахмасибом и употреблял все способы для отклонения его от договора с Портою. Если шах не согласится на договор без уступок, то уступка может быть обещана в договоре, но действительно сделать ее опасно до тех пор, пока шах не утвердится на престоле и окончит свои дела с турками, ибо при неудачной войне Тахмасиба с последними они могут овладеть уступленными областями. Перед Турциею можно отговориться тем, что: 1) у России с шахом Тахмасибом давно уже заключен договор и новый договор есть только подтверждение старого; 2) что турки подали пример, заключив мир с Эшрефом без общего согласия; 3) что в договоре Россия не обязалась помогать шаху против Порты. Так как исход дела еще неизвестен, то надобно держать наготове значительные силы и потом стараться удерживать тамошние народы при русской стороне, для чего находящихся здесь посланников от тамошних владельцев надобно вполне удовлетворить и отпустить домой.

23 мая императрица одобрила этот план. Найдено также неудобным, что начальство в Закавказье делилось между двумя генералами - Левашовым и Румянцевым: Румянцев был отозван, и вся власть поручена одному Левашову, но на помощь ему при ведении дипломатических переговоров был отправлен, как мы видели, Шафиров.

1730 год прошел в бесплодных переговорах: в начале 1731 года Левашов доносил из Рящи, что состояние шахова двора "худое, удивительное и развращенное является; безмерно наполнены гордости и суеверия, ничего слышать не хотят, по беспутной амбиции признают себя умнее всего света, и по разногласию партий один боится другого". При этом еще глубокие снега зимою мешали сообщениям. Весною Левашов и Шафиров получили от своего двора указы: оставя все претензии на денежное вознаграждение, объявить шаху, что императрица не хочет оставить за собою ни одной из персидских провинций и повелела вначале очистить все занятые земли по реку Куру, когда шах прикажет заключить договор о восстановлении соседственной дружбы и ратификует его; и прочие провинции от реки Куры будут уступлены, когда шах выгонит неприятелей из своего государства. Предписывалось спешить заключением договора, чтоб предупредить турок. Левашов и Шафиров исполнили волю императрицы, но когда донесли в Москву об этом исполнении, то получили замечание, что уступку провинций следовало шаху только обещать, а не вдруг покидать свою прежнюю твердость, что персияне могут почесть признанием в слабости и возгордиться, тем более что персидские дела в надежный порядок еще не пришли и турки из Персии еще не изгнаны; вследствие этого повелевалось стараться о заключении договора по прежним указам, об уступке Гиляни до Куры только обещать, а уступку земель от Куры до Баки и прочих мест вдруг не обещать и не утверждать, что и они будут уступлены, но объявлять только на словах, что, когда турки изо всей Персии будут выгнаны, тогда и об этих землях будет соглашение и склонность императрицы к шаху может быть показана: если же шах будет требовать уступки областей по последнему предложению, то требовать с него за это знатной суммы денег. Новый указ, впрочем, заключался тем, что все предоставляется на рассуждение Левашова и Шафирова, которые должны сообразоваться с тамошним состоянием дел и движением турок. Левашов и Шафиров отвечали, что не признают никакой пользы для интересов императрицы в отступлении от проекта договора, уже предложенного ими персидскому двору, требовать с шаха денег за уступленные провинции также бесполезно, потому что вследствие крайнего расстройств в финансах он заплатить ничего не в состоянии; это требование может понести только к разрыву и заставить персиян поспешить заключением мира с турками.

Но в Москву пришли известия, что турки одержали над персиянами значительную победу под Эриванью и потому отложили всякую мысль мириться с шахом; прежних послов его отдали под стражу, нового отправили в ссылку и вознамерились энергически вести войну в Персии; с другой стороны, афганцы начали опять усиливаться, одержали верх над Тахмас Кулы-ханом, и Магометов брат Гуссейн уже стал величать себя персидским шахом. Остерман подал мнение: "По вышеозначенным турецким и персидским ведомостям прилично ли тотчас уступить Гилянскую провинцию или нет? По отправленным к Левашову и Шафирову последним указам так просто сделать уступку не велено, по

положено на их рассуждение, смотря по тамошним конъюнктурам и опасностям. Главным основанием русских интересов в персидских делах положено было то, чтоб никак не допускать турок к Каспийскому морю и в соседство к нему. Теперь хотя турки заключенный с ними Россией договор и не соблюли, однако этот договор во всех делах с Портою служил основанием; но ему Гилянская провинция с прочими остается за Россией, вследствие чего турки до сего времени явно и на деле к ним не прикасались. Но если русские войска теперь из этой провинции выступят, то мы сами отступим от договора и турки получат желанную возможность направить свои действия к Каспийскому морю, утвердиться там и порвать все сообщения русских с шахом. Выступление русских войск из Гиляни безо всякой видимой нужды может быть почтено знаком слабости, почему тамошние народы могут возмутиться и беспокоить русские войска, соединившись с дагестанскими и ширванскими народами, находящимися в турецком подданстве. Если выступить только из Гиляни, а страну по сю сторону Кура удерживать до тех пор, пока турки выгнаны будут из Персии, то от этого России никакого облегчения не будет, только потеряются доходы, получаемые из Гиляни, велики ли они или малы. Русская торговля в Персии, начавшая было приходить в некоторый порядок вследствие уступки Гиляни, может опять остановиться, и если, по несчастию, турки засядут в Гиляни, то может совсем прекратиться к немалому государственному убытку. Против этого могут возразить: занимаемые нами персидские области слишком обширны и нашим небольшим там войском все они не могут быть охранены от неприятельских нападений; если не выступить из Гиляни, то находящиеся там наши войска могут быть отрезаны турками или персиянами и пропасть: что персидская война очень тяжела и от тамошнего климата люди умирают в большом числе. На это можно отвечать: 1) если охранять каспийские берега от турок признается необходимым, то самая обширность земель заставляет остерегаться, чтоб турки в каком-нибудь месте внезапно не утвердились: 2) по нынешним ведомостям не видно никакой опасности ни с турецкой, ни с персидской стороны, и турки не посмеют напасть на Гилян, пока там находятся русские войска, зная, что следствием этого будет генеральная война; 3) чтоб русские войска не могли быть отрезаны в Гиляни, можно генералу Левашову под твердить, чтоб он в случае явной опасности выходил из Гиляни и отступал за Кур; 4) уже восемь лет Русское государство несет эту тягость, и в более опасных обстоятельствах Гилян и другие области удерживало за собою не для чего иного, как только для того, чтоб не допустить турок к этим местам. По всем этим соображениям, кажется, выгоднее будет помедлить теперь действительною уступкою Гиляни: надобно подождать и посмотреть, как пойдут в Персии турецкие дела. а генералу Левашову дать позволение уступить Гилян, когда персидские дела так понравятся, что от турок опасности больше не будет; а персиян между тем под рукою всеми способами побуждать к сильным действиям против турок".

В конце сентября, уведомляя о турецких успехах, Левашов и Шафиров писали: "Мы прикажем уверять шаха, что мы готовы заключить договор, только бы он нас уведомил, как он намерен действовать против турок; велим его ободрять, чтоб он, собравши войско и призвав Тахмас Кулы-хана, не допустил турок до расширения в своих наследных провинциях; однако, не увидя в его делах прямой надежды, не посмеем с ним договор заключить без указа; мы сомневаемся, успеют ли наши представления при его слабости после поражения и при его безумных поступках, происходящих от шумства (пьянства); если б он не был так беспутен, имел хороших полководцев и сохранял порядок, то вследствие численного превосходства своих войск над турецкими вышел бы победителем из борьбы. Мы теперь находимся в крайней печали и опасаемся, что если турки покажут хотя малую склонность к миру, то он, не видя себе ниоткуда помощи, помирится с ними на каких бы то ни было условиях: а упредить нам турок никак нельзя как по указам вашего величества, так и по нашему о нынешнем состоянии шаха рассуждению: отдать ему областей нельзя, турки у него их отнимут; а без уступки областей шахов посланник мирза Ибрагим не соглашается заключать мирного договора. В таких обстоятельствах мы решились послать тайно из здешнего народа верного и неглупого человека к Тахмас Кулы-хану побуждать его к действиям против турок и обнадеживать помощью с нашей стороны, уверяя в склонности вашего величества к их персидской стороне и к нему особенно, признавая его одного из всех персидских полководцев добрым воином и благонамеренным оборонителем своего отечества; при этом мы прикажем своему посланцу выведать намерения Тахмас Кулы-хана, хочет ли он вступить за шаха или искать своих выгод, и, смотря по тому, велим говорить".

В конце года Левашов и Шафиров получили от своего двора указы ни под каким видом не позволять туркам предупредить Россию заключением мира с Персиею; с другой стороны, разнесся слух, что главнокомандующий турецкими войсками Ахмет-паша уже заключил этот страшный мир и персияне стали упрямее: посланник шаха мирза Ибрагим объявил, что не заключит мирного договора с Россиею, если еще до шаховой ратификации хотя часть Гиляни не будет очищена от русских войск. Левашов и Шафиров сочли нужным согласиться на это требование, рассуждая, что если б после отдачи одной крайней провинции, а именно Лагеджани, шах и не подтвердил договора, чего, впрочем, никак ожидать нельзя, то можно будет эту провинцию и опять занять, потому что в ней никаких крепостей нет; согласились и на то, чтоб отданы были шаху доходы с областей за несколько месяцев до выхода из них русских войск, на том соображении, что когда жители областей узнают об уступке их Персии, то станут всеми мерами уклоняться от платежа податей в русскую сторону и ничего с них получить будет нельзя, разве силою оружия. Договор с Ибрагимом был заключен 21 января 1732 года, а 22 марта получена шахова ратификация.

Ход персидских дел зависел от турецких отношений: главным основанием политики служило то, чтоб не допускать турок к берегам Каспийского моря; заключением мира с персиянами спешили, чтоб предупредить мир Порты с ними. Кроме дел персидских предметом сношений у России с Турциею были пограничные ссоры. Известный нам Суркай напал на русские владения; Румянцев наказал его; Порта требовала удовлетворения за эту расправу Румянцева с подданным турецким, отказалась иметь дело с Румянцевым. Неплюев писал новой государыне: "Порта не будет вступать в ссору с вашим величеством, но, по варварскому своему обыкновению, хочет испытать вас при восшествии вашем на престол, как вы поступите. И по смерти императора Петра I турки таким же образом поступали, пока не получили решительного ответа от императрицы Екатерины Алексеевны. Очень вероятно, что по состоянию своих внутренних дел и по персидским отношениям Порта не отважится на ссору с вашим величеством, разве, паче чаяния, ослепится, чего при настоящем министерстве ожидать нельзя; хотя турки по природе и горды, но слабость свою хорошо знают".

Порта не менее России желала поскорее заключить мир с Персиею и, чтоб вы нудить у шаха выгодные условия, страшала его самозванцем, который жил в Константинополе и выдавал себя также за сына Гуссейнова, следовательно, брата Тахмасибова; в конференциях с персидским посланником турецкие министры говорили, чтоб шах прежде отобрал от России свои провинции, а потом нашел бы средство и с Портою дружески согласиться, как государь единоверный; посланник отвечал, что у них с Россиею ссоры нет, желают они прежде с Портою покончить, а потом найдут средство к соглашению и с Россиею, которая обещает им уступку. Порта такой уступки не обещала. Персия не хотела мириться без уступки; Неплюев нашел средство сноситься с персидским посланником и уговаривал его не уступать, потому что шах находится в лучшем положении, чем прежде, и Россиею покинут не будет; русская императрица непременно хочет охранять Персию против всех врагов, и особенно против турок. В половине 1730 года в Константинополе был написан проект мирного договора между Турциею и Персиею, по которому Порта отказывалась от последних своих завоеваний, довольствуясь уступкою Грузии, Армении и Ширвани: но Порта не верила, что шах согласится подтвердить этот договор, а потому объявлен был поход визиря и самого султана в Азию.

Осенью 1730 года Неплюев донес о перевороте в Константинополе: 17 сентября произошел бунт, и султан в угоду бунтовщикам должен был предать смерти визиря, муфтия и капитан-пашу; но этим бунтовщики не удовольствовались, свергли султана и возвели на престол племянника его Махмуда, сына султана Мустафы. Крымский хан Каплан-Гирей находился при новом султани и участвовал во всех советах; Неплюева беспокоили слухи, что хан вооружает Порту против России; другие успокоивали резидента, утверждая, что при настоящем волнении хан не выражает самостоятельных мнений, а следует только мнениям других. "Чему верить,

не знаю, - писал Неплюев, - за хана ручаться нельзя, понеже и он того же ехиднина порождения сын; буду смотреть прилежно". Беспокоил резидента и другой слух - будто французский посол через хана склоняет Порту вступить в посольские дела и поддерживать кандидатуру Станислава Лещинского, потому что когда последний будет польским королем, то вместе с Франциею будет постоянно держаться турецкой стороны. "По природному французам легкомыслию и склонности к интригам, - писал Неплюев, - от сего рода, кроме пакости, ожидать ничего невозможно; но не думаю, чтоб преуспеть в чем могли, покуда Порты своего интереса где не усмотрит". Скоро, однако, Неплюев счел себя вправе донести своему двору, что хан по внушениям французского посланника действует против России; следствие этих интриг было то, что с известием о восшествии на престол нового султана к русскому двору был назначен чиновник низшего ранга, чем к дворам французскому и венскому. Неплюев протестовал, что Россия не Рагуза, и настоял, чтоб отправляемого в Россию чиновника повысили в чине, хотя все не сравнивали с отправленным в Вену, отговариваясь старым обычаем. Неплюев писал, что отправленный в Россию Саид-эффенди - человек знатный и умный; не худо б его удовлетворить, а если можно, то и другом сделать, подкупить хотя бы и большими подарками, а на подкуп он подается, потому что человек повадный и мало суеверен, говорит по-французски, и потому вице-канцлер может давать ему деньги непосредственно.

Конференции резидента с турецкими министрами о делах персидских не оканчивались ничем; Неплюев в начале 1731 года обратился к капитан-паше за объяснением, почему Порты не хочет в этих делах действовать сообща с Россиею. Капитан-паша отвечал, что советует не докучать более Порте персидскими делами, ибо, невзирая на заключенный прежним правительством договор с шахом, персияне нанесли туркам много обид и теперь Порты вооружается, чтоб отомстить и покончить дело; от России же требуют одного, чтоб она персиянам не давала помощи и оставалась при своих владениях, в которые Порты не вступает и вступаться не будет. "Порты ищет мира со всею горячностью, - писал Неплюев, - но может ли его получить - время покажет; отвратить турок от этого желания мира нельзя, потому что трудность ведения войны для них очевидна; но Порты не хочет и не может покинуть всех завоеванных в Персии провинций, ибо в таком случае произойдет новый бунт, так как весь народ знает, что прежнее правительство заключило договор, по которому персияне уступили Турции многие места". Персидские послы теперь именно требовали этих уступок, и потому война должна была решить дело.

Мы видели, что в этой войне успех обнаружился на турецкой стороне, и видели, какое влияние этот успех произвел на взгляд русского Кабинета относительно мирных переговоров с Персиею. Но мирные переговоры не остановились, тем более что с осени 1731 года у России начинаются столкновения с Турциею на другой стороне. Преемник князя Мих. Мих. Голицына в начальствовании Украинскою армиею генерал-аншеф граф

фон Вейсбах прислал в Москву из Полтавы от 25 августа донесение, что крымский хан с Крымскою, Белгородскою и Ногайскою ордами и запорожцами из Сечи стоит, готовый к походу, а куда пойдет - неизвестно: некоторые думают, что на Кабарду, другие указывают иные места. Вейсбах приказал регулярным войскам тотчас выступить к границам и написал малороссийскому гетману, чтоб он немедленно шел туда же со всеми козацкими войсками. Неплюев принес визирю жалобу на хана "в самых крепких терминах", требуя, чтоб войска ханские были немедленно распущены. Визирь отвечал, что он об этом ничего не знает и не думает, чтоб хан мог сделать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрепко приказано сохранять соседственную дружбу с Россиею, и обещал повторить это приказание. "Уповаем на бога, - писал Неплюев, что до ссоры не дойдет, потому что сама Порты ее не желает; визирь - человек старый и увечный, и хотя не глуп, но и не очень умен, человек откровенный и несамовластный, потому что до сих пор султанским умом владеет Кизляр-ага; кроме того, турки, отягченные персидскою войною, принуждены сохранять дружбу с вашим величеством. Визирь при окончании конференции сказал, чтоб мы о ханских поступках в народе не разглашали; а потом рейс-эффенди, призвавши к себе нашего переводчика, сказал ему, что султан удивился и руками и ногами замахал, как хан крымский осмелился поступать против его воли и указов, и велел изготовить указ к хану, чтоб не только не смел приближаться к русским границам, но и оставил свои вооружения против кабардинцев и жил бы в тишине. Рейс-эффенди объявил также резиденту, что в Азов отправлен из Кандии губернатором паша первого класса Бенгли-Мустафа, которому накрепко наказано охранять всякую соседственную дружбу с Россиею". Муфтий и другие сановники говорили Неплюеву, что если хан хотя малую дерзость себе позволит, то не только сменен, но и смертью казнен будет, потому что им, туркам, теперь ссориться ни с кем нельзя. Но дело этим не покончилось: Неплюев получил от своего двора извещение, что татарское войско вступило в Большую Кабарду, причем не оставило в покое и Малой. На жалобы Неплюева в конце 1731 года рейс-эффенди отвечал, что, как видно из ханских доношений, крымцы ходили в Кабарду для успокоения народов, подвластных хану, и этим походом никакого подозрения России не подано, тем менее показана какая-нибудь обида; мало того, хотя это дело касалось одного хана, однако по указам от Порты хан оставил его и распустил свое войско.

Но тут начался спор о Кабарде и Черкесах - кому они принадлежат, потому что Неплюев никак не хотел признать над ними господства крымского хана. В начале 1732 года рейс-эффенди велел объявить Неплюеву, что указ, данный прежде Портою хану о выводе войска его из Кабарды, произошел от незнания настоящего дела: хан имел полное право вводить свое войско в эту страну, потому что Кабарда, и Большая и Малая, исстари принадлежит Крыму и Россия по договору никакого права на Кабарду не имеет; русских земель хану касаться не велено, и так как он человек умный и хорошо знает миролюбивые намерения визиря, то никогда в чужое вступаться не

дерзнет. Неплюев находился в затруднительном положении, потому что не знал отношении России к Кабардам; он писал: "Прошу снабдить меня указом, как мне в кабардинских делах поступать, а именно как о Большой Кабарде объявить? И как давно Малая Кабарда находится под русским покровительством? Как давно ее князья дают нам аманатов и где эти аманаты содержались до персидской войны, чтоб я мог Порте обстоятельно доказать и тем ханские ложные донесения опровергнуть. Это кабардинское дело больше беспокойства принесет, чем последнее Суркаево, потому что хан крымский при Порте гораздо больше имеет значения, чем Суркай, особенно если Россия захочет присвоить себе Большую Кабарду. Этим дело поднимется, если же держать в своей защите одну Малую Кабарду и там иметь хотя немного русского войска, то хотя и за это много спору будет, однако не думаю, чтоб Порта позволила хану начать ссору; только с нашей стороны надобно сдерживать князей Малой Кабарды, чтоб они ногайцев и кубанцев не обижали". Положение Неплюева затруднялось еще тем, что, основываясь на грамоте Петра Великого к султану 1722 года и на указе императрицы Анны 1731 года, он объявил Большую Кабарду вольною и только недавно узнал, что русские генералы на Кавказе принимают под русское покровительство и князей Большой Кабарды. Турецкие министры настаивали, чтоб пограничные дела улаживали пограничные командиры и дворов своих ими не утруждали; но когда с русской стороны было сделано об этом распоряжение, то наместник хана крымского (калга) на Кубани отказался сноситься о кабардинских делах с генералом Еропкиным, командовавшим в крепости св. Креста, грозился не только Кабарду разорить, но послать и в Россию татар и запорожцев, крича, что может Россию плетью заметать. Рейс-эффенди говорил переводчику русского посольства: "Резидент нам кабардинскими делами голову вскружил, представил претензию на Кабарду Большую и Малую с доказательствами из своих архивов, так что мы не знаем, что хану крымскому писать, потому что прежде таких претензий с русской стороны никогда не бывало". Переводчик отвечал: "Прежде не представляли с нашей стороны доказательств о Кабардах, потому что крымские ханы никогда не присвоили себе права на владение ими".

Турецкое министерство молча соглашалось с Неплюевым, что Кабарду должно оставить в покое как страну нейтральную и не начинать об ней разговора, пока со стороны хана не окажется какого-нибудь нового неприятного поступка. Но крымцы не успокаивались: ханский наместник на Кубани Нурадин-султан, называя Кабарду своею, грозил вступить в нее с войском, и Неплюев в октябре 1732 года объявил рейс-эффенди, что при первом движении татар русские войска вступят в Кабарду для ее зашиты. Неплюеву было трудно говорить с турками, потому что в 9 пункте последнего мирного договора было прямо сказано, что Черкесы принадлежат хану. Произошло и другое столкновение: известный нам калмыцкий хан Дундук-Омбо отложился от России и отдался под покровительство крымского хана; Россия требовала его выдачи; но в том же 9 пункте мирного договора и о калмыках было сказано

так, как будто бы они были вольные. Турецкие министры налегали на этот 9 пункт не так сильно только потому, что были обеспокоены со стороны Персии, где Тахмас Кулы-хан вышел из повиновения шаху и объявил, что будет продолжать войну с турками. Подкупленные Неплюевым, турецкие чиновники дали ему знать, что к хану отправлены указы не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, которой дружба теперь очень нужна Порте, каким бы то ни было образом поскорее выслать Дундука-Омбо и в Кабарду войск не посылать, в таком случае и русские войска туда не пойдут. Указы возымели свое действие, потому что, как выражался Неплюев, у Порты довольно было чаду в голове от персидских дел: Тахмас Кулы-хан свергнул шаха Тахмасиба, обвиняя его в заключении последнего мира с турками, провозгласил шахом новорожденного сына Тахмасибова и взял всю власть в свои руки; война между Персией и Турцией была, следовательно, неизбежна.

Какое же положение должна была принять Россия при таких конъюнктурах? Как должна была воспользоваться ими? Решение этого вопроса зависело от состояния дел европейских. Европа по-прежнему представляла два враждебных лагеря, хотя и с переменою отношений вследствие севильского договора. Венский двор не хотел уступить требованиям Испании и ее союзников относительно надела испанских принцев в Италии; вследствие этого толковали о неизбежности войны, хотя никто не хотел ее. Но если война откроется, то Австрия по договору получит русский тридцатитысячный вспомогательный корпус, и в Москве австрийский посланник граф Вратислав хлопочет, чтоб новое правительство выполнило договор; испанский посланник Лириа и секретарь французского посольства Маньян хлопочут о противном; Англия смотрит равнодушно на эти континентальные отношения, пока они не касаются прямо ее интересов, и при каждом удобном случае дает знать России, что сильно желает возобновить с нею дружбу. Австрия ничего не теряла со смертью племянника цесаревны Петра II, пока при новой императрице находился в силе Остерман, убежденный в необходимости австрийского союза по отношению России к соседним державам, Турции, Польше и Швеции; и так как восточные дела находились в том же положении, какое привело к австрийскому союзу при Екатерине I, и так как со дня на день нужно было ждать перемены в Польше, то, по мнению вице-канцлера, и надобно было поддерживать австрийский союз, хотя бы даже и пришлось двинуть вспомогательный корпус. За Остермана был, разумеется, Левенвольд; Бирон не вмешивался в важные вопросы политики, по его легко привлечь подарками. Бирон будет иметь влияние на императрицу, но она не подчинится этому влиянию беспрекословно: она самолюбива, любит показывать свое значение, свое влияние на дела, прислушиваться к разным мнениям, ее надобно убедить. Против Остермана сильная партия, так называемая русская, во главе которой находится Ягужинский. Хотелось во что бы то ни стало сохранить мир, необходимый при скудости финансовых средств страны, и не для того спешили покончить персидские дела с уступкою Петровых приобретений, чтоб

вмешаться в совершенно чуждые для России дела западные и тратить войско безо всякой выгоды. Маньяну передали, что когда в апреле 1730 года граф Вратислав приехал к Ягужинскому и настаивал, чтоб Россия помогла цесарю войском, то Ягужинский отвечал, что, без сомнения, Россия останется верна своим обязательствам и поможет императору; но когда Вратислав вышел, то Ягужинский расхохотался и сказал: "Они считают нас дураками! Очень нам нужно вмешиваться в отдаленные распри, тогда как мы можем у себя наслаждаться покоем".

Но Ягужинскому трудно было бороться с Остерманом. В июне 1730 года граф Вратислав вручил обер-камергеру Вирону диплом на графство Священной Римской империи, портрет императора, осыпанный бриллиантами, и 200000 талеров, на которые, прибавив своих денег, Бирон купил поместье Вартенберг в Силезии. У Вратислава в запасе было еще четыре портрета, и Лириа доносил своему двору: "Графа Вратислава и прусского посланника при здешнем дворе осыпают любезностями, а со мною ограничиваются только обыкновенными вежливостями; из этого ясно, что отличия, которыми меня удостоивали прежде, были оказываемы в уважение тогдашней нашей дружбы с венским двором, который может теперь здесь делать все, что ни захочет. Думаю, что 30000 войска тотчас же выступят в поход, как только их потребует император, хотя русские вельможи и противятся этому. Они смертельно ненавидят иностранцев, приближенных к царице, явно говорят, что те думают только о своих собственных интересах, а не об интересах страны, служат больше чужим государям, чем своему, что Бирон удостоился такой чести от императора, конечно, не за службу своей государыне; прибавляют, что и немцы будут иметь такой же конец, какой имели и прежние временщики". В июле подарен был портрет императора, украшенный бриллиантами, князю Черкасскому. А между тем французский двор оказал услугу австрийскому, протестовавши слишком поспешно против выступления тридцатитысячного вспомогательного корпуса и употребивши в своем протесте выражения, которые заключали в себе угрозу. Маньян объявил Остерману от имени своего правительства, что так как участники севильского договора вовсе не имеют намерения нападать ни на императора, ни на империю, то трудно себе представить, почему бы русская государыня стала вмешиваться в предстоящую войну; что весь вопрос заключается в занятии крепостей Тосканы и Пармы гарнизонами или испанскими, или швейцарскими, что не имеет никакой важности для русского двора; так как было всегда доброе согласие между Франциею и Россиею, то король, его государь, надеется, что царица не примет участия в войне, в противном же случае король не будет в состоянии скрыть свое неудовольствие. Остерман смутился и, дрожа, отвечал: "Нельзя не удивляться, что это не было объявлено русскому посланнику в Париже, не сделано ему даже никакого намека. Императрица всегда желала сохранить дружбу с его христианнейшим величеством, но она знает свои обязательства и пределы, до которых они простираются. Ее величество не входила в причины, заставившие короля вступить в новые обязательства но

севильскому трактату, но она не откажется и от своих обязательств: моя государыня и ее союзники никогда не потерпят, чтоб какой-нибудь монарх предписывал им законы". Маньян дрожание Остермана принял за следствие затруднения, в какое он поставил его своим объявлением; но Лириа доносил своему двору: "Я его (Остермана) знаю и приписываю это дрожание гневу и бешенству, потому что, несмотря на свое низкое происхождение, это один из самых высокомерных людей".

В то же время французский посланник в Стокгольме сделал такое же объявление при шведском дворе. По поводу этих объявлений граф Александр Головкин имел разговор в Компьене с кардиналом Флери и хранителем печати Шовеленом. Он представлял кардиналу, что оборонительный договор России с цесарем не вредит никому и заключен прежде севильского договора, что Россия готова заключить такой же оборонительный союз и с Франциею. Кардинал отвечал, что и Франция имеет одинаковое желание быть в доброй дружбе с Россиею, но так как Россия дружнее с цесарем, то с таким раздражением и принимает объявления, сделанные французским министром в Швеции и секретарем Маньяном; лучше об этом позабыть, потому что все произошло на словах, а не на бумаге. Флери изъявил сожаление, что цесарский двор не показывает нималого снисхождения и потому война необходима, хотя он, кардинал, всячески трудился об ее отвращении. Хранитель печати высказался с большею горячностью. Головкин представил ему о неприличии поступка Маньяна, который не аккредитован при русском дворе, представил, что его слова не согласны с уважением, какое самодержавные государи между собою сохранять должны, и с дружбою, которая существовала всегда между Россиею и Франциею, и неужели употребление угроз есть прямая дорога к сохранению мира, о котором Франция хлопочет с такою достохвальною ревностию. Хранитель печати отвечал "Представление сделано именно вследствие намерения Франции сохранить дружбу с Россиею; кроме того, всему свету известно, что севильские союзники не намерены напасть на цесаря, которому сделаны такие умеренные и разумные предложения, что по справедливости ему нельзя их отвергнуть, разве он имеет намерение овладеть всею Италиею; в таком случае мы должны употребить силу. Но если дела находятся в таком положении, то ваш оборонительный союз с цесарским двором едва ли имеет силу в этом случае. Мы не отводим вас от вашего союзника, но представляем вам, чтоб вы не шли далее условий вашего союза: а впрочем, как вы в этом случае будете поступать с нами так и мы с вами. Мы вашей дружбы всегда искали и думали даже прежде министра к вам отправить". Когда Головкин заметил ему что императрице будет приятно иметь при дворе своем французского министра, то хранитель печати отвечал: "Дело теперь в таком положении, что не только нового министра посылать, но и Маньяна есть ли зачем держать".

Между тем в Москве шла борьба между Ягужинским и Остерманом, и сначала толковали, что первый берет верх, особенно когда он был снова

назначен генерал-прокурором. Но в 1731 году, как мы видели, Остерман пересилил, и Ягужинский должен был отправиться в Берлин. Россия не вмешалась в войну, потому что войны не было: император уступил требованиям Испании и Англии, которые за то признали прагматическую санкцию. На этот раз миролюбивая политика восторжествовала; но впереди готовились новые борьбы. После борьбы религиозной, окончившейся в XVII веке Тридцатилетнею войною, в Европе начали господствовать чисто светские интересы. Усилить себя, расширить свои владения и не дать другому усилиться - вот основание политики европейских государств от Вестфальского мира до конца XVIII века. В это время важное значение имели вопросы о наследстве, возбуждаемые прекращением династий, когда вследствие кровных связей государства могли соединяться под одною властью или под одною по крайней мере династиею и таким образом нарушать политическое равновесие. Неудивительно, что в это время мы видим три войны за наследство. В начале новой истории не было войны за то, что Габсбургский дом соединял под своею властью государства Западной и Средней Европы; но XVIII век начинается страшною войною за наследство испанского престола. Теперь предстояло два подобных же вопроса: вопрос о том, кто будет в Польше преемником Августа II, которому оставалось очень недолго жить, и вопрос о том, кто будет в австрийских владениях преемником императора Карла VI, у которого не было сыновей и который захотел оставить все владения свои дочери Марии Терезии. Признания прав этой дочери на наследство, или так называемой прагматической санкции, от европейских держав он старался получить дипломатическим путем, но встречал препятствия. Саксония, Бавария, Пфальц не хотели признать санкции вследствие претензий своих государей на австрийские владения по родственным связям. Извечная соперница австрийского дома Франция не хотела, чтоб все владения этого дома остались нераздельными под одною властью, тем более что наследница их, Мария Терезия, была обручена за герцога Франца лотарингского, и, таким образом, страна, находившаяся в такой тесной связи с Франциею, должна была примкнуть к Австрии. С вопросом об австрийском наследстве для Франции тесно соединялся вопрос польский. В своей постоянной борьбе с Австриею Франция всегда домогалась влияния на востоке Европы, именно в соседней с Австриею Польше. Теперь домогаться этого она должна была ввиду борьбы за австрийское наследство, и к тому же претендент на польский престол, имевший более других надежды на успех, был Станислав Лещинский, тесть французского короля. По теперь на востоке Европы существовала новая могущественная держава, которой интересы были сильно замешаны в польском вопросе, - то была Россия. Отсюда понятно, что в Петербурге, куда переехал теперь русский двор, Австрия и Франция должны были вступить и окончательную дипломатическую борьбу для решения вопроса, на чьей стороне будет Россия.

По-видимому, вопрос был решен еще в Москве удалением Ягужинского, торжеством Остермана - главного поборника австрийского союза. Но в Петербурге Остерман нашел себе другого соперника. Смерть

фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына и заключение в крепости фельдмаршала и президента Военной коллегии князя Василия Владимировича Долгорукого выдвигали на первый план даровитого иностранца; генерал-фельдцейгмейстер Миних сделан был фельдмаршалом, президентом Военной коллегии, губернатором петербургским. Русские стерты; иностранные министры пишут к своим дворам: "Нет более помина о партии старых русских (*parti des vieux Russes*): вожди удалены, и никто не посмеет внушать что-нибудь против настоящего порядка вещей". Но если русские не имеют никакого значения, то нельзя ли обратиться к могущественному немцу Миниху, противопоставить его Остерману? Франция так и сделала. В середине 1732 года у Маньяна с Минихом был разговор. Миних говорил: "Швеция дала нашей государыне императорский титул; мы не ждем с ее стороны никакого беспокойства как по причине превосходства наших сил, так и по форме ее правления. С Данией не может быть никакого столкновения, когда голштинское дело решено; с Англией и Голландией также; с Персией - мир. Остается Турция, которая связывает наши интересы с интересами императора: чего мы в этом отношении должны ожидать от Франции? Нам тяжело переносить, что Азов у турок; быть может, мы пойдем вырывать его у них с оружием в руках, если не удастся достигнуть этого мирным путем, если султан не согласится взять Дербент за Азов. Кроме Турции - Польша; поляки не дают нам удовлетворения: подле Киева находится пространство земли, которое по договорам должно оставаться пустым, но поляки его населяют и кем же? Беглыми из России, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются в Польшу! Потом Польша не отказывается от своих притязаний на Ливонию. Далее, интерес России требует, чтоб Курляндия, отделяющая ее от Пруссии, была отдельным владением, чего поляки не хотят. В случае смерти короля у императрицы большая партия в Польше, и Россия будет действовать, чтоб не был избран человек, преданный императору. Будет ли Франция во всех этих вопросах поступать согласно желаниям России? Наконец, согласится ли французский король дать государыне императорский титул и платить субсидии, ибо здесь нет денег? Если да, то императрица согласится держать в распоряжении Людовика XV не только 30, но 40 и 50 тысяч войска, 12 или 15 хороших кораблей и 100 галер".

Когда Маньян дал знать об этом разговоре своему правительству, то оно отвечало ему: "Что вам сказал Миних о тождестве интересов императора и России относительно турок, справедливо в теории, но на практике это вещь чисто идеальная, и мы всегда удивлялись, что русские серьезно рассчитывают на исполнение своего договора с императором за помощь тридцатитысячным корпусом; тогда как мы можем сказать без хвастовства, что благодаря нашему влиянию в Константинополе мы оказали во времена Петра I такие услуги России, каких империя не могла бы оказать, хотя бы употребила все свои силы. Таким образом, благоразумная политика требует, чтоб Россия не вводила нас ни в какое обязательство, которое могло бы нас посорить с Портою; но вы можете уверить именем

королевским, что, как скоро у нас будет заключен союз с Россиею, мы будем поддерживать русские интересы в Константинополе так, что в уме царицы не останется ни малейшего сомнения насчет верности и пользы нашей дружбы, и потому достаточно, если в договоре будет заключаться взаимная гарантия всех европейских владений. Обратите внимание г. Миниха на то, что никогда Россия не получит существенной помощи от императора против турок и что никогда этот государь не станет поддерживать турок против России. Относительно Польши чрезвычайно трудно заключить какие-нибудь определенные условия, не повредивши делам царицы; дайте почувствовать фельдмаршалу Миниху, что Россия может быть покойна насчет сохранения Ливонии, если в договоре будет условлена общая гарантия европейских владений: что касается Курляндии, то мы будем очень рады видеть на ее престоле кого-нибудь удобного царице; но никак не следует прямо идти против последнего сеймового решения в Польше относительно Курляндии; это решение должно быть предметом переговоров, в которых мы будем охотно помогать России. Мы достигнем здесь больших результатов, если со временем будет в Польше король, на которого мы могли бы вполне положиться; итак, мы думаем, что было бы опасно входить в подробности и что достаточно на словах согласиться в принципах, по которым будем действовать впоследствии. Мы с удовольствием дадим царице императорский титул. Мы уверены, что с русской стороны не будут настаивать на субсидии, так как мы не хотим быть в тягость России, заставляя ее держать наготове чрезвычайные силы. Когда мы будем находиться именно в обстоятельствах, обозначенных в договоре, то понятно, что мы сочтем своим долгом помочь России, и мы это сделаем без предварительных обязательств. Если Миних будет настаивать, то можно постановить вообще, что мы будем поддерживать интересы России при Порте, без означения, в чем именно, и не называя Азов. Относительно Курляндии никак нельзя составить никакого условия; если бы в Польше узнали о соглашениях России с Франциею, противных последнему сеймовому решению, то король Август воспользовался бы этим для соединения поляков в пользу своего сына, который охотно согласится поддерживать распоряжения республики относительно Курляндии, и царица тогда только достигнет своих целей, когда будет содействовать возведению на польский престол человека, который бы мог находиться совершенно под нашим влиянием. Подарки, которые мы сделаем участникам при составлении договора, будут более значительны, если мы не будем обязаны платить ежегодные субсидии".

Французские предложения должны были поставить Миниха в затруднительное положение: разрозненность русских и французских интересов по отношениям к Турции и Польше была очевидна, а при такой разрозненности союз мог ли быть возможен? Россия постоянно имела в виду войну с Турциею; война последней с Персиею давала возможность выгодного вмешательства для уничтожения тяжких условий договора 1711 года; а Франция продолжала твердить одно: не ссорьте меня с Турциею, я вам буду помогать в Константинополе, как помогла при Петре 1; но тогда

Франция могла помочь, потому что Россия, имея на плечах персидскую войну, не хотела разрывать с Турцией; теперь же обстоятельства были совсем другие: Россия искала союзника в войне, а не помощника для избежания войны. В Польше Франция обещала также помогать, но твердила, что Россия прежде всего должна была помочь ей возвести на польский престол человека, вполне подчиненного французскому влиянию, т. е. Станислава Лещинского; кто же мог поверить, что Франция в угоду России будет ослаблять значение преданного ей короля и свое собственное влияние, заставляя Речь Посполитую уступать русским требованиям? Неискренность, явное желание употребить Россию только орудием для достижения своих целей просвечивали в каждом слове французских предложений, и в таком виде Миних, разумеется, не мог настаивать на их принятии, должен был требовать от Маньяна большей определенности и широты в предложениях. 23 сентября он объявил ему, что очень доволен вчерашним вечером: вместе с Бироном он объяснял императрице пользу союза с Францией; Анна и Бирон убеждены в этой пользе: императрица непременно хочет отделаться от связей с Австрией, ибо прагматическая санкция до нее вовсе не касается, тем более что сама она ни у кого не просит гарантировать ее наследство. Но при этом Миних внушал Маньяну, что со стороны Остермана сильное сопротивление, и особенно вице-канцлер возражает на предложения о Польше, следовательно, чтоб уладить дело, несмотря на сопротивление Остермана, Франция должна еще более приблизиться к требованиям России. Маньян отвечал, что Франция не может выйти по этому предмету из своих принципов и что если дело поступило на рассмотрение Остермана, то напрасно будет с ним спорить. "Я этим очень огорчен, - говорил Маньян. - Остерман непременно даст знать в Вену обо всем". "Не посмеет, отвечал Миних. - Во всяком случае если союз с Францией не состоится, то и союза с императором не будет: он никогда не получит тридцатитысячного корпуса на помощь, Россия останется нейтральною; императрица объявила решительно, что она непременно хочет освободиться от венских трактатов, что Екатерина заключила; их единственно в интересах герцога голштинского, а теперь этих интересов не существует для русского двора". При этом Миних внушал, что Франция должна подарить Бирону 100000 экю, а самой императрице прислать гобелинов.

Чем затруднительнее было положение Миниха, тем легче было положение Остермана, которому немного труда стоило показать несостоятельность французских предложений и пользу старого союза с Австрией. Относительно предложения французской гарантии европейских владений России он замечал: "Надобно зрело подумать о том, можно ли для французской гарантии пренебречь всеми другими, и надобно еще знать, как Франция при таком дальнем расстоянии может на самом деле исполнить свое обязательство относительно гарантии, чтобы Россия могла быть вполне безопасна; также, естественно, можно ожидать, что те державы, с которыми вследствие французского союза разойдемся, могут против России принимать всевозможные меры". Относительно Курляндии:

"Подлинное намерение всего предложения не очень ясно; нельзя понять, как согласить два дела: герцог должен быть выбран, а между тем нельзя действовать против последнего сеймового решения, по которому герцога быть не должно, Курляндия должна быть присоединена к Польше. Ясно, что пока сеймовое определение не будет уничтожено, то и герцог не может быть выбран. Вести дело переговорами, особенно при французском посредничестве, - это значит связать у России руки, поступать согласно с своими интересами и в нужном случае употребить силу. Так как поляки на основании французского договора не будут ничего опасаться от России, то тем меньше будут склонны к уничтожению своего сеймового решения, разве в другом месте получают какие-нибудь выгоды и удобства; но так как Франция за великою отдаленностию ничего такого доставить им не может, то вся тяжесть и падет на одну Россию". Относительно Турции: "Зрелейшего рассуждения требует то, можно ли русские интересы отдать в руки одной Франции, а Франция прямо объявляет, что она не сделает никакого поступка, которым бы могла возбудить нерасположение к себе Порты, что и естественно по ее интересам. Что римский цесарь туркам против России никогда помогать не будет - это естественно; но чтоб он также России против турок никогда помогать не захотел - об этом, как о будущем, подлинно узнать нельзя, а по человеческому рассуждению и по естественным цесарским интересам надобно ожидать, что он помогать будет, ибо цесарь, отступив от договоров с Россиею, нанесет вред только самому себе: Россия будет тогда в состоянии чувствительно отомстить ему за неисполнение договоров". Относительно выборов польского короля: "Франция требует согласного действия; но так как она об этом ничего подлинного постановить и, следовательно, ни в какие обязательства насчет одного какого-нибудь кандидата вступить не хочет, то и не видно, как можно поступать согласно с нею. Французский интерес требует быть с Швециею и Портою в тесной дружбе, следовательно, и на польский престол возвести такого кандидата, который одинакие с нею склонности и намерения имеет; во сколько это согласно с русскими интересами, не видно. Предложенным обязательством с Франциею у России будут связаны руки поступать по своим прямым интересам, не говоря уже о том, что другие, особенно ближайшие соседи, не замедлят воспрепятствовать согласному действию России с Франциею. Франция обещает признание императорского титула и субсидии, если по поводу союза с нею у России произойдет разрыв с другими державами. Определение субсидий, по-видимому, предоставляется великодушию Франции, и за это она требует, чтоб Россия отступила от всех своих союзников, и хочет платить субсидии, когда за это у России начнется с ними война; но стоят ли такие субсидии опасности войны и разрыва с союзниками? Франция требует, чтоб Россия не гарантировала австрийскому дому прагматическую санкцию и не вступала ни с кем ни в какие обязательства насчет этой санкции без согласия с Франциею. Это требование предосудительно, ибо Россия за то ничего, кроме признания императорского титула и до действительного разрыва отлагаемых и числом не определенных субсидий, не получает,

потому что прочие все французские предложения прямым русским интересам более вредны, чем полезны".

Между тем шли переговоры и заключались конвенции насчет Польни с старыми союзницами - Австрией) и Пруссией. Осенью 1730 года граф Вратислав подал следующий проект договора между Россией и Австрией на случай смерти Августа II: 1) Станислав Лещинский решительно не допускается к занятию польского престола; 2) наследный принц саксонский допускается только в том случае, если согласится на требования союзников; 3) в кандидаты должен быть предложен кто-нибудь из Пястов; 4) если нельзя будет выбрать кого-нибудь из поляков, то можно иметь в виду какого-нибудь немецкого принца, одного из младших сыновей владельческих. Кадет, или младший сын, назначался потому, чтоб было соединения Польни с каким-нибудь немецким владением. Проект был принят русским двором. Скоро Австрия выставила кандидата, которого предлагала и прежде русскому двору - инфанта Эммануила, брата португальского короля, который в 1730 году приезжал в Москву с целью получить руку императрицы, но уехал с отказом: отказано было и прежнему жениху - Морицу саксонскому: Анна решила не выходить замуж, а упрочить русское наследство в линии царя Иоанна посредством брака племянницы своей Анны Леопольдовны, дочери герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны: и брат гофмаршала генерал-поручик граф Карл Густав Левенвольд отправился за границу искать жениха; при этом ему поручено было также улаживать в Вене и Берлине польское дело.

Мы видели, какую радость произвело в Берлине известие о восстановлении самодержавия в России. Когда князь Сергей Голицын дал знать об этой радости в Москву, то ему велено было уверить Фридриха Вильгельма, что императрица по своему высокопочитанию к его особе будет нерушимо сохранять дружбу к Пруссии и приложит особенное старание усилить ее и утвердить и исполнит все обязательства, как прилично верной союзнице. Король отвечал, что у России с Пруссией дружба старая и если б он сам не хотел этой дружбы, то государственный интерес принуждает его к ней: что хотя его области находятся и близко от России, однако с обеих сторон нет никаких претензий и запросов, которые могли бы повести к нарушению согласия. Король спешил предложить возобновление союзных договоров между Россией и Пруссией; русский двор отвечал, что охотно исполнит желание королевское, пусть только пришлется проект, в какой форме желают возобновления договора. В сентябре заключен был договор, по которому оба двора обязались не допускать на польский престол Лещинского и наследного принца саксонского, поддерживать существующий порядок вещей в Польше, не позволяя ни отречения Августа II в чью бы то ни было пользу, ни избрания нового короля при жизни старого.

В октябре того же года князь Сергей Голицын был отозван из Берлина; на его место был назначен отозванный от польского двора Мих. Петр. Бестужев, который в декабре разменялся с прусскими министрами ратификациями возобновленного союзного договора.

Мы уже упоминали, что в конце 1731 года был отправлен к прусскому двору Ягужинский. В инструкции, ему данной 23 ноября, говорилось: "Так как ее императорское величество, по нынешним конъюнктурам и обрацаемым делам в Европе, за потребно рассудить изволила, ради лучшего предостережения высоких своих интересов, иметь при дворе королевского величества прусского знатную персону, потому изволила повелеть обретающегося ныне там министра Михаила Бестужева отозвать и отправить ко двору шведскому, а его, господина генерала графа Ягужинского, к тому прусскому двору избрать". Но "знатная персона" не была доверенною персоною, и граф Карл Густав Левенвольд два раза являлся в Берлин для переговоров по польскому делу. Во вторую поездку в 1732 году он объявил, что отношения в Петербурге очень натянуты: Миних овладел волею императрицы, Бирон колеблется, Август II предложил ему Курляндию и полмиллиона, Франция делает императрице огромные обещания; теперь ему, Левенвольду, и его братьям удалось под держать Остермана, которого Миних старается удалить, но всего лучше поддержит его заключение союза между тремя черными орлами. Союзный договор был написан: союзники обязывались употребить все средства, чтоб на польский престол избран был кандидат, способный сохранять доброе согласие с соседними державами; обязывались во время выборов выставить армию на польских границах не для стеснения выборов, а, наоборот, для охранения польской вольности от чужестранного стеснения; цесарь выставляет кавалерийский корпус в 4000 человек и один гусарский полк; русская императрица - 6000 конницы и 14000 пехоты; король прусский - 12 батальонов пехоты и 20 эскадронов конницы; войска должны быть расположены таким образом, чтоб могли соединиться в течение четырех недель. Союзники обязывались в случае нужды увеличить это число и даже действовать, всеми своими войсками, пока цель союза не будет достигнута, и, если в это время какая-нибудь посторонняя держава нападет на одного из союзников, другие помогают ему. Курляндия должна сохранить прежнюю форму правления, а не сливаться с Польшею; новый герцог курляндский должен отказаться за себя и за своих наследников от владения другими землями; Польша по-прежнему сохраняет свое верховное право над Курляндиею. К договору присоединены были сепаратные артикулы: 1) союзники постановили предложить в кандидаты на польский престол португальского принца Эммануила. Для доставления успеха своему кандидату каждый из союзных дворов должен отправить своим послам в Варшаве не менее 36000 червонных, причем цесарь будет стараться у португальского короля, чтоб эти деньги или вовсе не понадобились, или были возвращены союзникам. 2) Русская императрица обещает стараться всеми силами, чтоб по смерти нынешнего герцога курляндского был избран второй сын прусского короля. В составлении

договора участвовал и австрийский посланник при прусском дворе граф Секендорф.

Когда 5 декабря договор надобно было подписывать, Левенвольд объявил, что он готов подписать трактат, но не сепаратные артикулы; если же король даст письменное обещание заплатить Бирону 200000 талеров, то он ручается головою, что не только получит приказание подписать трактат, но и доставит ратификацию императрицы. Секендорф советовал отпустить Левенвольда в Петербург с условием, чтоб он в шесть или восемь недель доставил ратификацию. Левенвольд отправился с письменным королевским обещанием для Бирона, и в Берлине могли считать дело конченным.

Обратимся к Скандинавским государствам. Легко понять чувство, с каким Алексей Петрович Бестужев-Рюмин узнал в Копенгагене о восшествии на престол Анны; горесть должна была еще усиливаться мыслию, что года два тому назад воцарение Анны было бы для него величайшим счастьем. Но чувство было сжато в груди, и Бестужев спешил написать новой императрице: "Что всемогущий императора Петра Алексеевича из сего временного в вечное блаженство преселил, а ваше императорское величество по единогласному всех чинов Российской империи совету и желанию ко всенародному порадованию (*наипаче мне, вашему издревле верному рабу и служителю*) на российско-императорский престол державнейшею императрицею и самодержицею всея России щедромилостиво избрать соизволил: того ради, падая к подножию высочайшего вашего престола, дерзаю из глубины сердца моего со всеподданнейшим респектом ваше императорское величество со счастливым восшествием на престол с неописанно великою радостью поздравить и притом всею крепостию сил моих сердечно пожелать, да возложит всещедрый бог венец благословения на освященную главу вашу со всяким изобилием по желанию сердца вашего и да одарит ваше императорское величество счастливо-разумно-премудрым правлением и долгоденствием до высочайшей степени человеческой жизни к вечной радости всем верным подданным. Могу засвидетельствовать, что не только король, министерство и весь двор, но и весь народ оказывает великую радость о восшествии вашего императорского величества на престол, тем более что не племянник вашего величества принц голштинский или кто другой к тому избран, ибо чрез нынешнее избрание Корона здешняя не токмо почитает себя от Российской империи в безопасности, но и уповает в прежнюю дружбу, доброе согласие и теснейшие обязательства придти".

18 апреля Бестужев повторил свое поздравление и привел письмо Анны к себе из Митавы от 10 февраля 1729 года: "Очень сожалею о вашем пожарном разорении, а что вы просите о вспоможении вам, я истинно буду рада вам вспоможение учинить, понеже я от вас никакой противности к себе не видала, кроме ваших ко мне верных служб; ежели бог меня исправит, но возможности моей вас не оставлю". "Государыня

всемиловейшая, - пишет Бестужев, - всещедрый бог молитву мою услышал и толь ваше императорское величество исправил, что ныне не токмо но возможности вспомочь мне в состоянии, но и все сие временное по бозе в высочайшей деснице, власти и силе вашей и самовечную мне и всей моей бедной фамилии фортуна учинить". Перечисляя свои заслуги, Бестужев жалуется, что не имеет никакого авансаменту: "По успении Петра Великого повсягодно многим авансаменты, промоционы и разные награждения учинены, и не токмо российским служителям разные грациалы учинены, но и здешнему министру Вестфалю кавалерия пожалована; а я, бедный и беспомощный кадет (за десятилетние мои вернорабские услуги и за мое здесь претерпение для присутствия герцога голштинского в России и для его претензии на Шлезвиг всегда был здесь ненавидим, и житие мое было не легче полону), однако всегда я был забвению предан. С начала моего сюда прибытия и поныне всегда я высочайшую вашу ко мне и к бедной моей фамилии милость прославлял и прославляю, чего ради всему двору здешнему известно, что у вашего императорского величества был я обер-камер-юнкером и что ваше императорское величество у всех моих трех сыновей всемиловейше соизволила быть высочайшею восприемницею, и того ради при восшествии вашего императорского величества на российско-императорский престол все мне при дворе здешнем и в городе знакомые поздравляли к скорому моему авансаменту, и, ежели я забвению предан буду, какие при дворе здешнем разные о мне рефлексии учинены быть могут, не только к чувственнейшему моему прискорбию и печали, но и толь паче к предосуждению вашего императорского величества высочайшего здесь респекту и интересам Российской империи, что я толь наипаче во уничтожение здесь приду и нигде толь свободного приступа и с достойною дистинкциею обхождения иметь весьма не буду".

30 сентября 1730 года умер король Фридрих IV, и ему наследовал сын его Христиан VI. Бестужев воспользовался этим случаем и написал императрице: "Слезно прошу, да соизволите во всемиловейшую консидацию принять, что уже я в осьмой год вступаю яко камергером и в одиннадцатый яко резидентом, так что уже во оном характере четыре кредитива подал; для всещедрого бога да соизвольте помилосердствовать надо мною, беспомощнобедным и весьма сирым кадетом, пожаловать меня при дворе здешнем чрез сей новый и пятый кредитив чрезвычайным посланником".

Вместо повышения весною 1731 года Бестужеву велено было отправиться резидентом в ганзейские города Гамбург, Любек и Бремен, а на его место в Копенгаген отправлен был человек верный, курляндец фон Бракель, принятый в русскую службу в чине действительного тайного советника. Бракель по приезде в Копенгаген писал императрице в особой реляции: "Ваше императорское величество приказали, чтоб я вам партикулярно доносил, о чем сочту нужным; а потому доношу, что здешний обер-камергер Плейсе, королевский фаворит, у меня был с объяснением, что

датский король охотно с вашим величеством желает вступить в тесный союз, причем сделает все в угоду вашего величества и даже кой-что в пользу герцога голштинского, если ваше величество гарантируете королю герцогство Шлезвигское. Я ему отвечал, что еще указу не имею, но думаю, что императрица будет довольна, если герцогство Шлезвигское останется за королем при условии некоторого вознаграждения за это герцогу голштинскому. Цесарь, Швеция, Пруссия молчат относительно голштинского дела, а вашего величества интерес требует освободиться от этого дела и привести в забвение голштинскую партию в России, императорский титул и другие полезные условия от Дании получить и вступить в естественный и полезный союз, который России никогда не вредил, а герцог голштинский может быть доволен и тем, что он из России получил. Поэтому я не вижу, для чего пропускать удобный случай сблизиться с Даниею и ссориться с нею за такое дело, которое вашему величеству никакой пользы принести не может, ибо надобно выбирать одно из двух: или оставить герцога голштинского, или из-за него начать войну. Прошу это мое письмо в совет не приносить, чтоб оно мне не наделало врагов".

Мнение Бракеля, разумеется, очень понравилось; но переговоры затянулись по медленности венского двора, который по своим обязательствам должен был принять участие в голштинском деле. Только весною 1732 года приехал в Копенгаген цесарский посол при прусском дворе граф Секендорф для решения этого дела. Начали торговаться; датские министры объявили, что король их относительно герцога ничем не обязан и с ним никакого дела не имеет, но для восстановления доброго согласия и старой дружбы с цесарским и русским дворами он соглашается дать 600000 ефимков, а издержать более Дания не в состоянии. При этом датские министры показали Секендорфу и Бракелю договор, заключенный Даниею с Ганновером, по которому Георг I обязался, что если Дания когда-нибудь будет принуждена заплатить что-нибудь за герцогство Шлезвигское, то он платит половину; но нынешний король английский Георг II велел объявить датскому кабинету, что он не намерен давать ни одного ефимка, потому что не видит, кто может принудить Данию к уплате при английской и французской гарантии. Бракель настаивал на уплате двух миллионов и требовал, чтоб дело было донесено в Петербург и Вену; но Секендорф не соглашался так долго жить и Копенгагене, а датские министры объявили, что если шлезвигское дело не будет окончено теперь же, в присутствии цесарского министра, то они более ждать не будут и заключат союз с Франциею, которая предлагала миллион ливров субсидий; с другой стороны, Англия требовала от Дании, чтоб она не обещала России никакой гарантии, а заключила бы союзный договор с Швециею, к которому приступит и Англия и также будет платить Дании субсидии. В таких обстоятельствах Секендорф и Бракель сочли необходимым заключить такой договор: Дания уплачивает герцогу голштинскому миллион ефимков; если он на это не согласится, то Россия и Австрия прекращают в отношении к нему свои обязательства; Дания соглашается на

прагматическую санкцию и гарантирует русские владения, а Россия и Австрия гарантируют настоящие владения датского короля. Договор был заключен 26 мая 1732 года.

Из Швеции граф Головин начал свои доношения новой императрице известием, что он отдал 5000 червонных графу Горну; муж не брал, так он отдал жене, после чего муж заставил его дать клятву держать дело об этом подарке в величайшей тайне, а сам уверял, что будет прилагать старание при всяком случае к распространению дружбы между обоими государствами и удержанию равновесия между королем и герцогом голштинским, как прилично истинному патриоту. Фельдмаршал и сенатор граф Дикер, получив 2000 червонных, обещал свои покорные услуги до смерти; граф Белке и барон Дибен получили 2000 червонных; графы Гилленбург и Гилленстерн, барон Кронштет - 1000; гоф-канцлер фон Кохен и граф Бонде - по 1000; последний прямо сказал, чтоб деньги были отданы не ему, а жене, хотя и в его присутствии. Несмотря на 5000 червонных, данных Горну, Головин сильно хлопотал, чтоб на будущий сейм, назначенный в январе 1731 года, Горн не был избран ландмаршалом, уговаривал гвардейских и артиллерийских офицеров, чтоб они не подавали своих голосов в пользу Горна. В декабре Головин извещал, что партия Горна сильна, потому что французский и английский посланники помогают ему покупать голоса. К 1731 году Головину было перевелено из России 10000 рублей "на употребление при сейме потребным особам"; при этом Головину писали именем императрицы: "Мы на твое искусство и известное к нашим интересам рвание надеемся, что ты всемерное старание иметь будешь, дабы выбор маршала по нашему намерению к интересам нашим произведен был; но ежели б ты, паче всякого чаяния, предусмотрел, что тебе никаким образом в том предупеть невозможно было, в таком случае себя содержать тихо; все твои поступки с такою осторожностью поведены быть имеют, дабы противную сторону, ежели б она очень сильна была, явно не озлоблять и тем им к предосудительным относительно нас поступкам повод не подать". Граф Головин отвечал, что "английский министр Финч получил от своего двора 60000 фунтов стерлингов и почти ежедневно угощает у себя сенаторов и других знатных особ". "Поэтому, - писал Головин, - я переведенною ко мне суммою никак не в состоянии отвратить предложения английского двора, и хотя в секретной комиссии находится много доброжелательных персон, однако они мне откровенно сами и через других дают знать, чтоб им дано было некоторое награждение, в противном случае они могут пристать и к другой стороне; поэтому я переведенною ко мне сумму на них почти всю употребил, так что другим доброжелательным и на покупку новых голосов для сопротивления английским интригам денег неостанет".

Маршалом сейма был выбран граф Горн, и в апреле 1731 года Головин доносил, что маршал старается склонить членов секретной комиссии к французскому союзу, обещая хорошие субсидии. Члены секретной комиссии уверяли Головина, что Горново предложение не пройдет, но

между тем объявили, что Швеция смотрит на одно, откуда бы ей субсидии получить, потому что ей без того пробавиться никак нельзя; так если бы они могли быть уверены, что получают субсидию от России, то легко провели бы предложение о возобновлении союза с нею. Горн явно избегал разговоров с русским министром, извиняя себя тем, что по своей должности он не может сноситься с иностранными министрами, хотя в то же время должность не мешала ему иметь тайные конференции с французским посланником графом Кастежа.

Но Англия и Голландия помирились с цесарем; ганноверский союз рушился, Франция оставалась одна, и потому союз с нею не был очень выгоден. Гоф-канцлер фон Кохен приехал к Головину с предложением, не может ли Россия перенять на себя уплату денег, которые Швеция должна Голландии. Головин отвечал, что если со шведской стороны будут показаны знаки дружбы, то можно надеяться, что императрица переймет на себя голландский долг. "Что же Швеции надобно для этого сделать?" - спросил Кохен. "Возобновить союз с Россией, - отвечал Головин, - изготовьте проект, я его отправлю к своему двору". Члены комиссии, выслушав донесение Кохена о разговоре его с Головиным, изъявили сильное желание составить требуемый проект союза; но Горн возразил, что дело требует зрелого рассуждения, ибо, как видно, русский двор желает, чтоб Швеция начала его.

В мае Головин узнал, что датский посланник Шметтау хлопочет также о союзе, причем поддерживается французским посланником; Кастежа прибавил, чтоб и его двор был включен в датско-шведский союз, за что Франция будет давать субсидии - по 100000 ефимков ежегодно. Между тем король, зная, что новое русское правительство не имеет сильных побуждений хлопотать за герцога голштинского, оказывал Головину особенные знаки внимания: однажды нечаянно приехал к нему в шесть часов вечера, ужинал и оставался до двух часов пополуночи, причем говорил, что более всего желает усиления дружбы между Россией и Швецией. Головин отвечал, что теперь, по случаю сейма, самый удобный случай исполнить это желание, именно возобновить прежний союз. "Очень бы я желал, - отвечал король, - возобновить союз; но здесь, в Швеции, много других господ королей, которые, руководясь своими интересами, делают что хотят; но я с своими приверженцами буду внушать чинам о возобновлении союза".

Предложение о датском союзе было отстранено на том основании, что еще неизвестно, как поступят Испания и Франция вследствие венского договора, заключенного между Австрией, Англией и Голландией; отложено было и дело о возобновлении русского союза; ждали, не предложат ли цесарь и Англия, чтоб Швеция приступила к венскому договору. В июне сейм окончился, и французский посланник остался очень недоволен Горном за то, что тот не настоял на заключении союза с Даниею.

В 1732 году граф Головин был сменен переведенным из Берлина Михайлом Петровичем Бестужевым. Новый "чрезвычайный посланник" начал свои донесения известиями о движениях французского посланника графа Кастежа для привлечения Швеции во французский союз. Так как теперь у Франции с Россией уже было покончено, то Кастежа не довольствовался тем, что предлагал субсидии, но внушал, что королю его было бы всего приятнее видеть Швецию в прежнем могущественном положении, давая этим знать, что Франция скорее всех может помочь Швеции в возвращении от России завоеванных Петром областей. Известие о заключении союза между Россией и Даниею было приятно королю и королеве как доказательство, что русский двор отступил от герцога голштинского, и неприятно министрам, которые досадовали, что позволили России предупредить себя. За эту неприятность они оплатили русскому двору тем, что заключили мир с Польшею, тогда как по Ништадтскому договору мир между Швециею и Польшею долженствовал быть заключен при посредстве России.

Обратимся, наконец, к Польше, из-за которой было столько хлопот. Первое важное известие, полученное в новое царствование из Варшавы, было известие о продолжающемся гонении на православных. В начале 1730 года к русскому посланнику Михаилу Петровичу Бестужеву приходили жалобы из Бреста-Литовского, из Бельска; везде главными деятелями были иезуиты. "На конференции и в другое время, - писал Бестужев, - я настаиваю, чтоб православным дано было удовлетворение, но ничего из этого не выходит, потому что римское духовенство имеет здесь большую силу, всякими средствами действует у министров, чтоб православным не дано было удовлетворения, не дано было покоя; поэтому я считаю нужным, чтоб ваше величество прислали об этом грамоту к королю и Речи Посполитой, чтоб мне при подаче грамоты можно было делать более сильные представления. Также нужно прислать другую грамоту насчет утверждения белорусского епископа Берла, потому что на первую до сих пор нет ответа, а между тем есть опасность, чтоб и на эту последнюю епархию не посадили униата, ибо здешние духовные немалое лакомство к тому имеют и постараются исполнить свое желание".

Осенью собрался сейм в Гродне, но полномочным министром туда был отправлен не Бестужев, а генерал Вейсбах, который уведомил, что король выдал указ против Берла, который выставлялся человеком, приехавшим на Белорусскую епархию нахально, без ведома и воли короля и Речи Посполитой, и потому могилевским жителям под страхом наказания запрещалось признавать его владыкою и слушаться его. Сейм был разорван по интригам Потоцких, которые хотели, чтоб гетманство великое коронное досталось одному из них, но когда увидали, что король на это не соглашается, то чрез одного из своих креатур и разорвали сейм. Вейсбах отправился в Варшаву и представил королю о притеснениях, которым подвергается епископ Берло и вообще все православные; король отвечал, что всякое удовольствие в желаниях русской государыни показать

стараться будет; Вейсбах подал промеморию вице-канцлеру Липскому о гонениях на православных, и следствием было то, что отправлено было к могилевскому эконому письмо, в котором приказывалось оставить Берла жить спокойно и безопасно в Могилеве: наконец, Вейсбах выхлопотал и грамоту королевскую, по которой Берло мог приехать в Варшаву для представления королю и министрам и получения привилегии на епископство.

Вейсбах долго не остался в Польше. Полномочным министром туда был отправлен граф Левенвольд-третий (Фридрих Казимир, действительный камергер). В начале 1731 года министры прусский, английский и голландский, находившиеся при польском дворе, обратились к Левенвольду с просьбою ходатайствовать вместе с ними за диссидентов; Левенвольд согласился. Но, ходатайствуя вместе с другими за диссидентов вообще, он никак не мог добиться, чтоб Берлу дана была привилегия на Белорусское епископство, и тот принужден был ни с чем уехать из Варшавы назад в Могилев. "Я нахожу, - писал Левенвольд, - что если со стороны вашего величества сильная резолюция принята не будет, то от Речи Посполитой во всех этих обидах скорого удовлетворения трудно дожидаться". Главное препятствие относительно утверждения Берла Левенвольд встретил в вице-канцлере Чарторыйском, "русскому двору и всем его интересам явном неприятеле". Мало того, что Берла выпроводили из Варшавы: ему приказали по приезде в Могилев немедленно забрать свои вещи и ехать, откуда приехал, и это приказание прописано было в паспорте, выданном ему Чарторыйским; в Могилев отправлен был королевский указ, который грозил жителям лишением всех вольностей и жестокою казнию, если они немедленно не выпроводят Берла, и эконом объявил последнему, чтоб чрез неделю непременно выехал, в противном случае велит солдатам выкинуть его за город; войты могилевские с целым магистратом и посполитыми людьми приходили к Берлу и говорили ему: "Изволь, преосвященство твое, не дожидаясь большей конфузии, немедленно выехать от нас, больше твое преосвященство держать не можем, потому что король грозит нам отнятием вольностей и смертною казнию". По получении этого известия в Москве сделано было сообщение польскому посланнику Потоцкому, который написал могилевскому эконому, чтоб тот удержался от насильственных действий против Берла до будущего решения между обоими дворами. Поэтому канцлер граф Головкин писал епископу, чтоб он оставался в Могилеве и ехал в Москву только в случае принуждения. "Но и в таком случае, - писал Головкин, - весьма потребно вам надлежащую твердость возыметь и выездом не торопиться, ибо нельзя ожидать, чтоб поляки действительно показали к вам какой-нибудь неприятельский поступок: по известному польскому обыкновению они более угрозами страшат, а в самом деле того не отваживаются чинить".

Берло остался в Могилеве; но в конце 1731 года писал императрице: "Шляхта белорусская продолжает отторгать церкви православные к унии;

меня, бедного, нестерпимым ругательством поносят и архиерейским вотчинам, в которых только 30 мужиков имеется, превеликую обиду и разорение чинят, а недавно и совсем отнять хотели, так что я, продав лошадей и платье свое, принужден был оплачиваться и оплатился на время; все это они делают для того, чтоб меня отсюда выжить. Хотя я живу здесь по всемилостивейшему вашего императорского величества указу для управления духовных дел и для всяких епархии Белорусской порядков, однако духовенство здешнее, зная о королевских указах, запрещающих иметь меня епископом, и не боясь бога, самовольно живут, отчего происходит всенародный соблазн и великое бесчинство; меня, мнимого своего архиерея, ни во что вменяют, ни с какими делами ко мне не обращаются, мира освященного от меня принимать не хотели, сверх того, заочно меня ругают, из них едва кто твердо стоит в православии, более же готовы к унии. А я всегда болен обретаюсь и для того не могу здешних польских церемоний и политик трактовать и, как зарубежный человек, здешних прав не ведаю, а теперь в старости обучаться им не могу, также и православию святому, во всегдашнем гонении обретающемся, никакой пользы и помощи в здешнем свободном народе не учиню. Слезно прошу, да повелит ваше императорское величество меня от сего послушания, которое выше силы моей, освободить".

В январе 1732 года Головкин писал Арсению, что на требование его утверждения польский посланник Потоцкий отвечал: "Король и республика вовсе не препятствуют, чтоб на Белорусской епархии был епископ греческой веры, но не могут допустить Арсения Берла, потому что он не из поляков и не шляхтич польский; если обыватели Белорусской епархии выберут себе в епископы другого кого-нибудь, польского происхождения, то король и республика без малейшего отлагательства дадут ему конфирмацию". Ему сказали, что императрица соглашается на это под таким условием, чтоб Арсений Берло без всякого беспокойства мог оставаться в Могилеве и отправлять все духовные должности, пока будет избран и подтвержден другой епископ, в чем Потоцкий и обнадежил. "Итак, ваше преосвященство, - писал Головкин, - извольте по этому соглашению жить в Могилеве до избрания и утверждения нового епископа, ведите себя тихо, исправляйте одну духовную должность, а по избрании нового епископа будете по своему достоинству в России к пристойной епархии определены".

11 июля 1732 года вольными и согласными голосами избран был в белорусские епископы находившийся в одном из киевских монастырей игуменом Иоасаф Волчанский, природный польский шляхтич. Левенвольду послан был из Петербурга указ "прилежное старание приложить и ревностно помогать", чтоб Волчанскому дано было королевское утверждение. "Если же усмотрите, - говорилось в указе, - что для скорейшего исходатайствования королевской привилегии надобно кому-нибудь презенты небольшие учинить, то можете на то употребить пристойное число денег из имеющейся у вас нашей казны". Левенвольд

прилагает всевозможное старание получить привилегию, но папский нунций также прилагает всевозможное старание, чтоб удержать ее; наконец благодаря добрым людям привилегия была написана в литовской канцелярии и отправлена в Саксонию для подписи королевской.

Но подле русского вопроса стоял вопрос собственно польский, занимавший одинаково и Россию, и Австрию, и Пруссию, и Францию, - вопрос о том, кто будет преемником Августа II, которому уже оставалось очень недолго жить. В начале 1733 года он приехал в Варшаву, где был созван чрезвычайный сейм. Вельможи и земские послы волновались слухами, что король непременно хочет насильственными средствами сломить польскую конституцию в пользу своего дома. Действительно, Август заискивал в Берлине и ставил Фридриха Вильгельма в затруднительное положение между Россией и Австрией, с одной стороны, и Саксонию - с другой: Россия и Австрия обещали одну Курляндию, и то не непосредственно, тогда как Август за содействие его планам обещал польскую Пруссию, часть Великой Польши, Курляндию. Приманка была сильная, но и дело было крайне опасное, и потому в Берлине заключили Левенвольдов договор; но Август не отставал, обещал, что опасности никакой не будет, что он удовлетворит и Россию, и Австрию и что "четыре орла разделят между собою пирог". Сейм начался среди обычной борьбы партий, из которых одна старалась довести его до конца, а другая - разорвать, как 1 февраля король умер. Весть об этом событии отозвалась в Европе призывом к войне.